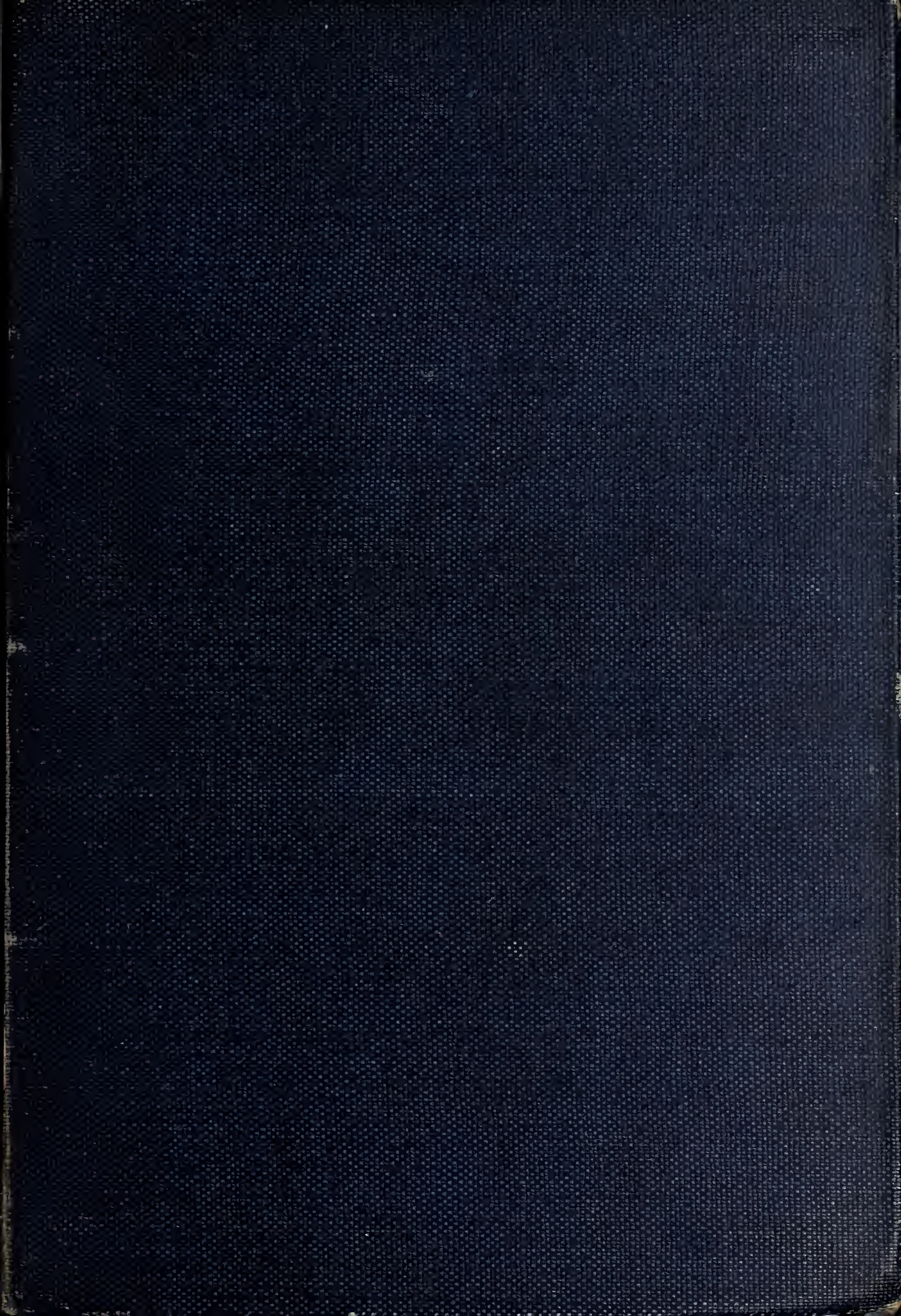
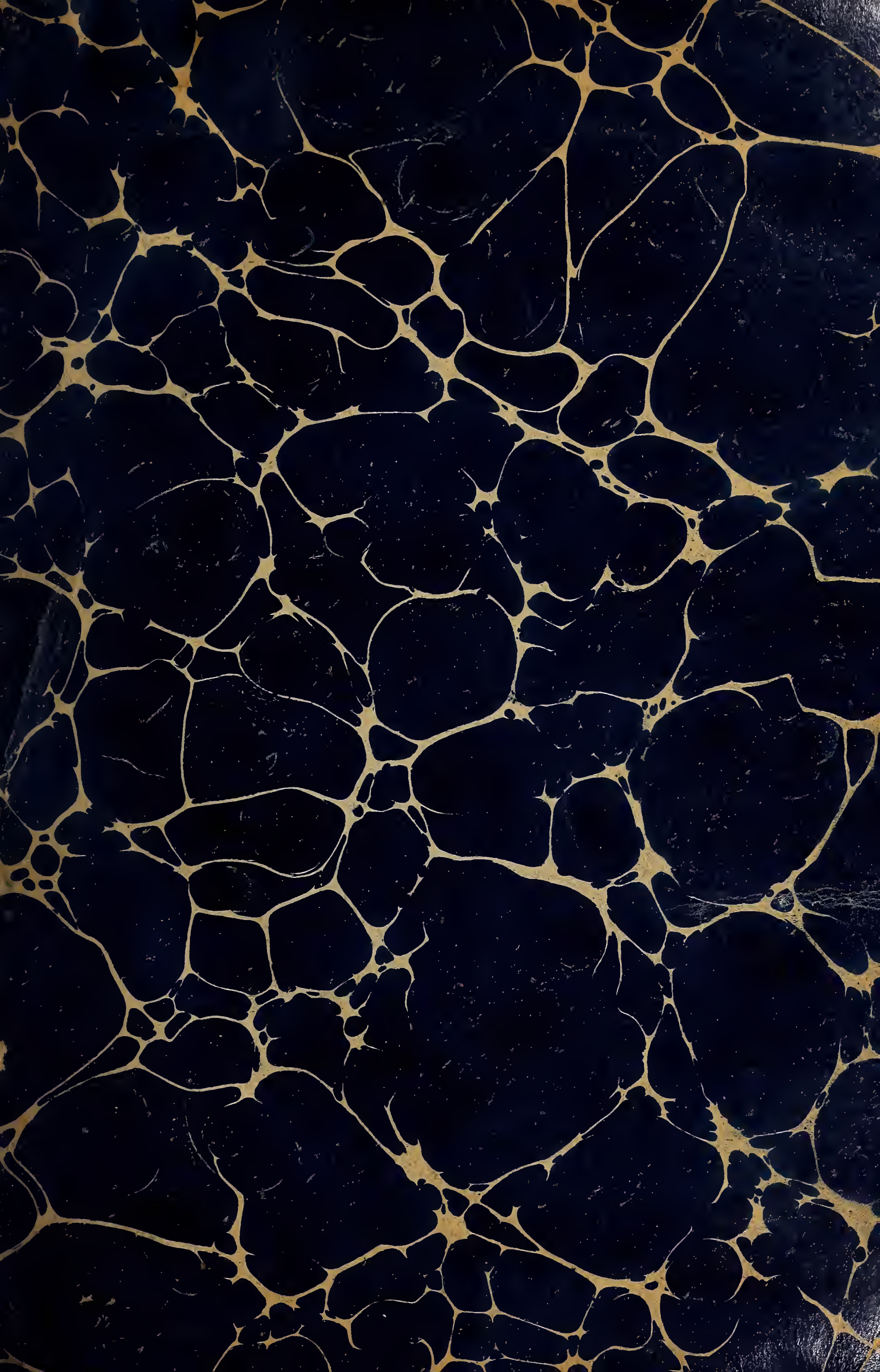

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г.В.ЮДИНА
1800
THE LIBRARY OF CONGRESS
Class
Book
YUDIN COLLECTION

ГРАФИНЯ

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА

ГОЛОВКИНА

И ЕЯ ВРЕМЯ.

(1701—1791 года).

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ПО АРХИВНЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ,

составленный

М. Д. ХМЫРОВЫМЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе книгопродавца С. В. ЗВОНАРЕВА.

1867.

Khmyrov, Mikhail Dmitrievich

ГРАФИНЯ
ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА
ГОЛОВКИНА

И ЕЯ ВРЕМЯ.

(1701–1791 года).

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ПО АРХИВНЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ,

составленный

М. Д. ХМЫРОВЫМЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе книгопродавца С. В. ЗВОНАРЕВА.

1867.

С.-Петербургъ, апрѣля 15-го дня 1867 года.

Въ типографіи К. Вульфа, Литейный просп., домъ № 60.

ПРЕДИСЛОВІЕ ИЗДАТЕЛЯ.

Книга эта, печатавшаяся статьями въ журналѣ «Разсвѣтъ» 1860 года, является теперь провѣренною и значительно дополненною авторомъ по архивнымъ документамъ. Она содержитъ въ себѣ двѣ раздѣльныя части: 1) картину русскаго барскаго быта въ XVI и XVII столѣтіяхъ и 2) біографическій очеркъ графини Е. И. Головкиной, рожденной княжны Ромодановской, въ связи съ описаніемъ времени, въ которое жила она. Дочь и внука пресловутыхъ «князей-кесарей», пользовавшихся (особенно дѣдъ графини) исключительнымъ правомъ держаться формъ стариннаго русскаго быта, въ эпоху преобразованія этого быта геніальнымъ Петромъ, графиня Е. И. Головкина представляетъ едва ли не единственный примѣръ русской женщины, воспитывавшейся подъ непосредственнымъ вліяніемъ и стараго и новаго порядка вещей на Руси. Цѣлью автора было — сопоставить оба эти порядка въ ихъ взаимнодѣйствіи на одну и ту же женскую личность и познакомить читателей съ однимъ изъ свѣтлыхъ, отрадныхъ типовъ русской аристократки XVIII вѣка. Цѣлью издателя—дать русскимъ читателямъ и въ особенности читательницамъ, не знающимъ журнала «Разсвѣтъ», давно прекратившагося, книгу во всякомъ случаѣ не безполезную для нихъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Графинѣ Е. И. Головкиной предоставлено было выбрать одно изъ двухъ: или наслаждаться свободною и роскошною жизнію, пользуясь почетомъ и всеобщимъ уваженіемъ, но въ разлукѣ съ мужемъ, или слѣдовать за нимъ въ далекую, тяжелую ссылку, на востокѣ Сибири, и тамъ, при всѣхъ лишеніяхъ, раздѣлить участь государственнаго преступника.

Графиня отвѣчала: «на что мнѣ почести и богатство, когда я не могу раздѣлить ихъ съ другомъ моимъ?»

И свято выполнила она до конца священнѣйшія обязанности жены и друга.

Такой подвигъ заслуживаетъ глубокаго уваженія, а совершившая его возбуждаетъ къ себѣ справедливое сочувствіе.

Въ предлагаемомъ очеркѣ мы имѣли цѣлью, хоть издали, познакомить русскихъ читателей съ почтенною личностью графини Головкиной или, по крайней мѣрѣ, съ нѣкоторыми обстоятельствами ея жизни, нелишенными историческаго интереса.

Графиня жила долго и видѣла много. Но мы, къ сожалѣнію, знаемъ о ней мало.

Русскіе историческіе документы, какъ печатные, такъ и архивные, вообще небогаты извѣстіями о нашихъ отжившихъ соотечественникахъ. Именитѣйшіе изъ нихъ упоминаются изрѣдка, вскользь, ради какого нибудь посторонняго факта; о прочихъ, хотя бы и замѣчательныхъ въ томъ или другомъ отношеніи, всего чаще—вовсе умалчивается. Виновато въ томъ время, къ которому относятся самые документы. Обозрѣвъ послѣдніе, можно еще надѣяться отыскать кое-какія отрывочныя, случайныя свѣдѣнія по этому предмету въ семейныхъ преданіяхъ, въ молвѣ народной, наконецъ, въ двухъ-трехъ строкахъ современника-чужеземца, писавшаго о Россіи, — вотъ и все.

Но кому же неизвѣстно, что личныя свойства каждаго, и особенно женщины, непремѣнно и много зависятъ отъ впечатлѣній, полученныхъ въ дѣтствѣ?

Лица, въ кругу которыхъ протекли дѣтство и юность графини, принадлежали не той эпохѣ, даже не той Россіи, какую застала графиня, вступая на поприще жизни самостоятельной, руководимая собственнымъ смысломъ. Вліяніе этихъ лицъ, послѣднихъ очевидцевъ и участниковъ того стараго порядка вещей, противъ котораго такъ страстно и неутомимо ратовалъ Петръ, необходимо участвовало въ передачѣ графинѣ первыхъ ея впечатлѣній, въ образованіи первыхъ ея понятій. И, конечно, это же самое вліяніе должно было отразиться въ личномъ ея характерѣ.

Каковы же были нравы и понятія лицъ, связанныхъ съ дѣтствомъ графини, и при какихъ условіяхъ развивались тѣ и другія? Другими словами, въ чемъ состоялъ старый порядокъ вещей до-петровской Руси, по крайней мѣрѣ, въ бытовомъ отношеніи?

Эти вопросы тѣмъ болѣе касаются нашего предмета, что, по странной игрѣ случая, который объяснится въ своемъ мѣстѣ, изъ всѣхъ знатныхъ дѣвицъ-ровестницъ цѣлой Россіи, уже тогда преобразуемой Петромъ, одна только графиня росла и воспитывалась лицомъ къ лицу съ формами стариннаго боярскаго быта.

Стало быть, мы находимъ необходимымъ очеркнуть этотъ бытъ прежде, нежели излагать жизнь графини. Такова задача «Введенія» къ настоящему «Очерку».

Изъ нашего «Введенія», кромѣ свѣдѣній, нелишнихъ русскимъ читателямъ, быть можетъ, уяснятся начала тѣхъ душевныхъ побужденій, руководясь которыми, графиня Екатерина Ивановна Головкина явила истинную доблесть души русской женщины и прекрасный примѣръ привязанности русской жены къ мужу.

ВВЕДЕНІЕ.

Родъ князей Ромодановскихъ, угасшій, въ 1730 году, въ лицѣ отца графини Екатерины Ивановны Головкиной, происходилъ, какъ и всѣ собственно-русскіе княжескіе роды, отъ великаго князя Рюрика.

Первыя девять поколѣній прямыхъ потомковъ Рюрика и предковъ графини Екатерины Ивановны занимали русскій велико-княжескій престолъ. Представительнѣйшимъ лицомъ девятаго поколѣнія былъ *Всеволодъ-Дмитрій Юрьевичъ Великій* (род. 1154, ум. 1212 г.), великій князь владимірскій и суздальскій, князь ростовскій и ярославскій, за которымъ, какъ родоначальникомъ множества русскихъ княжескихъ домовъ, осталось въ нашей исторіи прозвище *Большое Гнѣздо*.

Послѣ нашествія Батыя, когда уцѣлѣвшіе русскіе князья разсаживались по своимъ родовымъ пепелищамъ, одному изъ сыновей Всеволода Большое Гнѣздо, *Ивану*, достался на часть г. Стародубъ. Это нынѣшній Клязьемскій-Городокъ, имѣніе князей Волконскихъ, Владимірской губерніи, въ 12 верстахъ отъ уѣзднаго города Коврова. Тутъ, подъ именемъ князей Стародубскихъ, царственные потомки Рюрика, въ ряду еще нѣсколькихъ поколѣній, сохраняли характеръ и значеніе лицъ владѣтельныхъ.

Но спасительное единодержавіе уже возникало въ Москвѣ. Власть государя московскаго, болѣе и болѣе развиваясь съ

помощью разныхъ историческихъ обстоятельствъ, менѣе и менѣе становилась равнодушною къ какому нибудь совмѣстничеству и, такъ сказать, впитывала въ себя всѣ старыя, побочныя власти.

Гдѣ же было слабымъ князьямъ Стародубскимъ противоборствовать новому порядку вещей на Руси, когда и самое княжее, родовое владѣніе ихъ, дробясь, по времени, между сонаслѣдниками, обратилось, наконецъ, въ простыя отчины?

И Стародубское потомство Рюрика, развѣтвясь на семьи князей: Пожарскихъ, Ромодановскихъ, Гагариныхъ, Кривоборскихъ, Льяловскихъ, Осиповскихъ, Голибѣсовскихъ, Ковровыхъ, Неучковъ, Небогатыхъ, Ряполовскихъ, Татевыхъ, Хилковыхъ, Тулуповыхъ, Палецкихъ и Гундоровыхъ, мало помалу выселялось въ Москву, стало служить сильному московскому государю, слилось съ сонмомъ бояръ его, заняло мѣсто въ московской аристократіи XVI и XVII вѣковъ и теперь, бо̀льшею частію, угасло.

Что касается собственно фамиліи князей *Ромодановскихъ*, бытіе ея, какъ именованія оффиціальнаго и родоваго, не восходитъ ранѣе конца XV вѣка. Князь *Василій Ѳедоровичъ* Стародубскій, прямой потомокъ Рюрика въ шестнадцатомъ колѣнѣ, первый началъ называться и писаться *Ромодановскимъ*, вѣроятно, отъ главнаго пункта своихъ отчинъ ([1]). Служилъ ли московскому государю этотъ родоначальникъ князей Ромодановскихъ — мы не знаемъ.

Старшій сынъ его умеръ въ 1512 году окольничимъ; а второй сынъ, прозывавшійся *Телеляшъ*, достигъ, въ княженіе Василія Ивановича, высшей степени тогдашняго русскаго чиносостоянія, — сана боярскаго.

([1]) Въ Калужскомъ уѣздѣ, на берегахъ р. Оки и рѣчки Островки, до сихъ поръ существуетъ помѣщичье село *Ромоданово*, съ двумя каменными церквами, господскимъ домомъ и садомъ. См. Словарь географическій Щекатова, часть V, стр. 74, изд. 1807 г.

Трое внучатъ перваго князя Ромодановскаго служили царю Ивану Васильевичу Грозному и, въ званіи воеводъ, участвовали въ походахъ: *Свицкомъ* (1), Казанскомъ и на *Степана Абатура* (2), командуя то *правою*, то *лъвою рукою большаго полка*, то есть, частями войска, отряжавшимися для наблюденія непріятеля въ правую и лѣвую стороны отъ главнаго корпуса армій — большой полкъ, при которомъ всегда находились или самъ государь, или главный бояринъ-воевода. Трое другихъ внучатъ того же Ромодановскаго *верстаны*, при томъ же государѣ, *помъстьями* въ Московскомъ уѣздѣ; то есть, каждому изъ нихъ, смотря *по мъсту*, какое занималъ онъ въ чиновной іерархіи, и *статьъ* (3), въ какую былъ записанъ, отведены земли, доходами съ которыхъ можно было бы прилично содержать себя на службѣ, а самыя земли, путемъ дальнѣйшихъ заслугъ, пріобрѣтать изъ временнаго владѣнія или *помъстья* (4) въ потомственное, иначе — *отчину*.

За тѣмъ, постоянно находимъ князей Ромодановскихъ въ званіяхъ и службахъ болѣе или менѣе значительныхъ, доступныхъ, въ тѣ времена, не столько людямъ даровитымъ, сколько родовитымъ. Такъ Ромодановскіе намѣстничаютъ въ областяхъ, даже Двинской, тогда весьма важной, и воеводствуютъ по городамъ, не выключая и пограничныхъ, значившихъ тогда много; Ромодановскіе засѣдаютъ и въ думѣ царской, вѣдаютъ и приказы московскіе, высшія тогда мѣста государственной администраціи; Ромодановскихъ видимъ и послами въ чужихъ земляхъ, напримѣръ, князя *Антона Михайловича*, въ 1562 г., въ Копенгагенѣ, а князя *Григорія Петровича*, въ 1607 г., въ

(1) Такъ въ современныхъ запискахъ называются ливонскіе походы Грознаго.

(2) Такъ называли Стефана Баторія.

(3) Разрядъ, которыхъ именно въ то время было *три*. Помѣщеніе въ разряды основывалось на родовыхъ и другихъ преимуществахъ лицъ.

(4) Отсюда слово *помъстчикъ*, измѣнившееся, вмѣстѣ съ значеніемъ своимъ, въ нынѣшнее *помъщикъ*.

*

Персіи; Ромодановскихъ находимъ и въ головѣ нашихъ родныхъ, старинныхъ *полковъ: передоваго, сторожеваго, ертаульнаго*, или нынѣшнихъ: авангарда, арріергарда и легкой конницы; нашего *наряда* — теперешней артиллеріи; безъ участія Ромодановскихъ не обходится никакая церемонія, никакое торжество дворовъ великокняжескаго и царскаго; почти всѣ Ромодановскіе несутъ ту или другую, собственно придворную службу.

Хотя Котошихинъ, дьякъ посольскаго приказа, оставившій намъ любопытныя записки «*о Россіи, въ царствованіе Алексія Михайловича*», свидѣтельствуетъ, что при немъ князья Ромодановскіе принадлежали къ *меньшимъ* или вторымъ родамъ московской знати ([1]); но съ того же времени начинается и возвышеніе фамиліи ихъ, достигнувшее впослѣдствіи размѣровъ небывалыхъ. Виновникомъ этого возвышенія былъ сынъ праправнука перваго князя Ромодановскаго, бояринъ князь *Юрій Ивановичъ*, любимецъ и другъ царя Алексѣя Михайловича, пользовавшійся особенною благосклонностію и неограниченною довѣренностію монарха. Въ одно время съ княземъ *Юріемъ Ивановичемъ, шесть* однофамильцевъ, родичей его, носили шапки боярскія. Двое изъ нихъ, бояре *Григорій Григорьевичъ* съ сыномъ *Андреемъ*, изрублены на кремлевской площади въ Москвѣ, 15 мая 1682 года, то есть, въ первый день перваго стрѣлецкаго бунта.

Сынъ и внукъ князя Юрія Ивановича были, при Петрѣ I, единственными въ Россіи *Князьями-Кесарями* ([2]).

([1]) Заимствуемъ для любопытныхъ, изъ главы II котошихинскихъ записокъ, повѣствующей «*о царскихъ чиновныхъ людьхъ*» и проч., слѣдующее перечисленіе русской аристократіи XVII вѣка:

Первые роды: князья: Черкасскіе, Воротынскіе, Трубецкіе, Голицыны, Хованскіе, Прозоровскіе, Хилковы, Репнины, Буйносовы, Одоевскіе, Пронскіе, Урусовы; дворяне: Морозовы, Шереметевы, Шеины, Салтыковы.

Меньшіе роды; князья: Куракины, Долгорукіе, Ромодановскіе, Пожарскіе, Волконскіе, Лобановы, Борятинскіе; дворяне: Бутурлины, Стрѣшневы, Милославскіе, Сукины, Пушкины, Измайловы, Плещеевы, Львовы.

([2]) Нѣкоторыя черты жизни обоихъ помѣщены ниже.

Съ кончиною послѣдняго изъ нихъ, князя *Ивана Ѳедоровича*, пресѣклась историческая фамилія князей Ромодановскихъ.

Единственная дочь князя *Ивана Ѳедоровича*, княжна *Екатерина Ивановна*, еще при жизни отца, вышла за графа Головкина.

Изъ этого краткаго обзора родословной и службъ князей Ромодановскихъ видно, что они, съ начала и до конца двухъвѣковаго существованія своей фамиліи, не переставали принадлежать къ аристократическому кругу древней Москвы и быть болѣе или менѣе близкими людьми московскихъ государей. *Девять* князей Ромодановскихъ встрѣчаются въ спискахъ *бояръ* разныхъ временъ; всѣ остальныя лица этой фамиліи, за весьма немногими исключеніями, служили или въ *окольничихъ*, или въ *стольникахъ*. И то, и другое, и третье званія были, до временъ Петра I, высшими въ государствѣ. Къ нимъ, разумѣется, должно причислить еще одно, весьма почетное и степенью высшее стольничьяго званія, именно, *думныхъ дворянъ*. Но оно никогда не давалось природнымъ князьямъ, а потому и ни одинъ изъ Ромодановскихъ не могъ быть думнымъ дворяниномъ (1).

Посмотримъ же теперь, въ чемъ состояли существенныя обязанности бояръ, окольничихъ и стольниковъ; а потомъ прослѣдимъ вкратцѣ служебный и домашній бытъ этого избран-

(1) Такъ какъ мы будемъ говорить о старѣйшихъ степеняхъ государственнаго чиносостоянія до-петровской Руси, то замѣтимъ здѣсь, кстати, что изъ среды думныхъ дворянъ, то есть, дворянъ-членовъ *Думы* государевой, — важнѣйшаго тогда административнаго мѣста, равнаго нынѣшнему государственному совѣту — всегда избирался государевъ *Печатникъ*. Должность этого чиновника состояла въ храненіи государевой печати и прикладываніи ея къ граматамъ, которыхъ Великіе князья не имѣли обыкновенія подписывать своеручно. Первымъ печатникомъ былъ, при В. К. Дмитріѣ Донскомъ — когда не существовало еще думныхъ дворянъ, учрежденныхъ съ 1572 г.—архимандритъ Митяй. Послѣднимъ, при Петрѣ I, извѣстный Никита Моисеевичъ Зотовъ, бывшій наставникъ великаго преобразователя.

наго общества старинныхъ русскихъ людей, изъ среды котораго, какъ мы видѣли, никогда не исключались и предки графини Екатерины Ивановны Головкиной, князья Ромодановскіе.

Откуда взялось слово *бояринъ?* Одни производятъ его отъ глагола *болѣть,* то есть, *пещись* о дѣлѣ государевомъ, и потому полагаютъ болѣе правильнымъ говорить и писать *болярин*ъ. Другіе находятъ въ одномъ этомъ словѣ сочетаніе двухъ понятій: *бой*, или сраженіе, и *ярый*, или свирѣпый. Не вдаваясь въ этимологію слова *бояринъ*, скажемъ, что боярамъ, и въ думѣ царской, и въ полѣ ратномъ, одинаково вмѣнялось въ обязанность *пещись* о дѣлѣ государевомъ.

Давно, очень давно ведется на Руси боярство. Равноапостольный Владиміръ имѣлъ уже, въ Кіевѣ, своихъ бояръ. Санъ боярскій всегда составлялъ высшую степень нашего русскаго чиносостоянія. Пріобрѣтаемый, сначала, знаменитою или долговременною службою, этотъ санъ, съ утвержденіемъ единодержавія, что относится къ XV вѣку и княженію Ивана III Васильевича, почти исключительно принадлежалъ лицамъ многочисленнаго рюрикова потомства. До времени Ивана III въ Россіи было *три* рода бояръ: *государевы* или столичные, *удѣльные* и *новгородскіе*, потому что независимый Новгородъ управлялся своими собственными властями. При Иванѣ III исчезли удѣлы и палъ Новгородъ; всѣ русскіе бояре стали государевыми. Наслѣдовавъ отъ отца своего только *четырехъ* бояръ, Иванъ III, въ восемнадцатый годъ своего сорока-трехлѣтняго правленія, имѣлъ ихъ уже *девятнадцать* человѣкъ. Царь Иванъ IV Васильевичъ Грозный всѣхъ бояръ раздѣлилъ на *комнатныхъ*, участвовавшихъ въ тайныхъ совѣщаніяхъ, и *ближнихъ*, присутствовавшихъ только въ публичныхъ засѣданіяхъ. Первыхъ можно сравнить съ *значеніемъ* нынѣшняго чина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, послѣднихъ —тайнаго совѣтника. При царѣ Өеодорѣ Ивановичѣ, когда, въ 1589 году, учреждено въ Россіи достоинство патріарха, возникъ и новый родъ *пат-*

ріаршихъ бояръ, одною только степенью уступавшихъ государевымъ. Бояре получали ежегодно по 700 р. жалованья; особыя заслуги награждались придачами, въ разныхъ размѣрахъ. Всеобщее уваженіе окружало бояръ. Значеніе этого сана особенно возвысилось при Иванѣ III, когда и самые князья гордились званіемъ боярскимъ.

Общія обязанности бояръ, въ разныя эпохи, можно обозначить такъ: они засѣдали въ тайной государевой думѣ, откуда и формула старинныхъ указовъ: *великій государь указалъ, бояре приговорили;* предсѣдательствовали въ *большихъ* приказахъ ([1]); назначались царскими намѣстниками въ главнѣйшіе русскіе города, какими въ старину считались: Новгородъ, Кіевъ, Казань, Астрахань и Тобольскъ; начальствовали ратными силами; ѣздили, въ званіи *великихъ* пословъ, къ дворамъ австрійскому, шведскому и польскому, съ полномочіемъ договариваться о дѣлахъ; *вѣдали* Москву, то есть, одинъ изъ нихъ, въ отсутствіе государя изъ города, хотя на одинъ день, былъ безвыходно во дворцѣ, гдѣ и ночевалъ съ двумя-тремя чиновниками разныхъ званій; начальствовали частями Москвы, когда столица, въ ожиданіи непріятеля, приводилась въ оборонительное положеніе; такъ въ сентябрѣ 1618 года, съ полученіемъ вѣсти о приближеніи къ Москвѣ польскаго королевича Владислава, боярину князю *Григорію Петровичу* Ромодановскому поручено наблюденіе пространства Москвы *отъ Никитскихъ до Тверскихъ воротъ*, при чемъ отрядъ его простирался до 350

([1]) Сюда принадлежали: *Посольскій*, *Судный*, *Большая Казна*, *Аптекарскій*, *Ямской*, *Иноземый и Рейтарскій*, *Стрѣлецкій*, *Пушкарскій*, *Разбойный*, предметы вѣдѣнія которыхъ объясняются самыми ихъ названіями; *Большаго Дворца*, разбиравшій дѣла дворцовыхъ крестьянъ и, одно время, всего духовенства; *Разрядный*, до Петра важнѣйшій, откуда разсылались указы, опредѣленія къ мѣстамъ и проч.; *Галицкая Четь*, *Устюжская Четь*, *Сибирскій*, *Казанскаго Дворца* и *Малороссійскій*, распоряжавшіеся соименными имъ областями.

человѣкъ ([1]); наконецъ, съ XVII вѣка, бояре, обще съ дьяками и рѣшеточными приказчиками, дѣлали очередные объѣзды по Москвѣ, заставляя, во избѣжаніе пожаровъ, гасить огни тотчасъ по изготовленіи кушанья.

Кромѣ государственныхъ и городовыхъ службъ, бояре исполняли многія придворныя должности. *Бояринъ и слуга* былъ то же, что нынѣшній оберъ-каммергеръ. *Бояринъ-дворецкій*, заправлявшій приказомъ Большаго Дворца, значилъ то же, что оберъ-гофмейстеръ. Если онъ былъ *съ путемъ,* что̀ пріобрѣталось самыми важными услугами, то пользовался преимуществами. Послѣднюю должность можно, кажется, приравнять оберъ-гофмаршальской. *Бояринъ-конюшій*, теперь оберъ-шталмейстеръ, кромѣ дворцовыхъ конюшенъ, вѣдалъ и всѣ конскіе заводы по государству. Это званіе, уничтоженное царемъ Алексѣемъ, было весьма почетно, и при царѣ Θеодорѣ Ивановичѣ приносило Борису Годунову 12 т. р. ежегоднаго дохода. *Кравчій*, также *крайчій*, или оберъ-шенкъ, завѣдывалъ царскимъ столомъ и погребомъ, *разнималъ* или разрѣзывалъ государю кушанье и проч. Въ этой должности, чрезвычайно опасной при Грозномъ, казнившемъ въ теченіе девяти лѣтъ *трехъ* кравчихъ сряду, бывали всегда ближніе родственники государевы. Кравчему обыкновенно жаловали во временное владѣніе городъ Гороховецъ (Владимірской губерніи). *Бояринъ-оружничій*, то есть, генералъ-фельдцейхмейстеръ, вѣдалъ оружіе государево, всѣ дворцовыя мастерскія и всю русскую артиллерію.

Число бояръ, при разныхъ государяхъ, было неодинаково. Въ боярскомъ спискѣ временъ царя Михаила Θеодоровича значится 54 человѣка, царя Θедора Алексѣевича — 45 человѣкъ.

Фельдмаршалъ князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой, умершій въ 1750 г., *послѣдній* въ Россіи носилъ званіе боярское.

([1]) Тутъ были и дьяки, и головы, и боярскія дѣти, и подъячіе, и стрѣльцы, и даточные люди, и торговцы гостиной и черной сотенъ, и слобожане, всѣ вооруженные пищалями и рогатинами. См. «прибавл. къ № 13 Моск. Губ. Вѣдом. за 1841 г.»

Вторую степень древняго русскаго чиносостоянія занимали *окольничіе*.

Это слово также толкуется различно. Историкъ Татищевъ производитъ его отъ *околичностей*, то есть, границъ, наблюденіе за которыми ввѣрялось окольничимъ; другіе — отъ слова *околица*, или путь, на томъ основаніи, что Ощера, первый окольничій въ Россіи, всегда ѣздилъ впереди великаго князя Василія Темнаго, наблюдая за чистотою и безопасностію дороги.

Окольничіе назначались намѣстниками въ пограничные города и, въ этомъ случаѣ, наблюдали границы, вѣдали пограничные суды и всю заграничную переписку Россіи; ѣздили передовыми въ царскихъ путешествіяхъ, смотря за чистотою дорогъ, безопасностію мостовъ, заготовленіемъ подводъ и всѣмъ, что касалось общаго порядка такого рода путешествій, при чемъ имѣли въ своемъ вѣдѣніи корпусъ *становщиковъ*, разбивавшихъ, на извѣстныхъ пунктахъ, шатры для государя и его свиты. Обыкновенно, окольничіе отправлялись въ путь за день до выѣзда государева. При публичныхъ аудіенціяхъ, назначаемыхъ иноземнымъ посламъ, окольничіе вводили пословъ и ставили ихъ предъ лицо государя. Окольничіе должны были присутствовать на узаконенныхъ тогда *судебныхъ поединкахъ* и рѣшать, кто «*одержалъ поле*», то есть, кого оправдалъ судъ божій (¹). Воеводствуя по городамъ, окольничіе засѣдали въ думѣ государевой, занимали мѣста бояръ, за отлучкою или по другимъ причинамъ не присутствовавшихъ во ввѣренныхъ имъ приказахъ; наконецъ, сами предсѣдательствовали въ нѣкоторыхъ (²). Окольничіе служили и въ войскѣ, занимали и придворныя должности, государевыхъ *казначея* и *постельничаго*.

(¹) Судебные поединки, существовавшіе съ незапамятныхъ временъ, отмѣнены Иваномъ Грознымъ, 21 мая 1556 года. Происходили въ Москвѣ, у церкви св. Троицы, что въ Поляхъ, по нимъ такъ и названной. Судившіеся дрались палками, присягали, платили пошлины и проч.

(²) Окольничими вѣдались приказы: Челобитный, Помѣстный, Монастырскій, Холопій, Земскій.

Число окольничихъ, какъ и бояръ, измѣнялось при разныхъ государяхъ: Иванъ III засталъ одного окольничаго, имѣлъ ихъ, въ одно и то же время, до 21 человѣка и оставилъ сыну своему 9 человѣкъ. При Василіѣ Ивановичѣ число окольничихъ возрасло до 31 человѣка, то же самое повторилось и въ царствованіе Алексѣя Михайловича. При Петрѣ I окольничихъ числилось 61 человѣкъ. Великій преобразователь уничтожилъ это званіе въ 1692 году.

Въ четвертой степени нашего древняго чиносостоянія — считая третьею думныхъ дворянъ — полагались *стольники.*

Слово *стольникъ* обязано происхожденіемъ своимъ должности — служить при пировомъ столѣ владѣющаго лица и *предлагать яства.* Князь Щербатовъ, замѣчая, что въ Россіи стольники впервые заведены митрополитами, заимствовавшими ихъ изъ Греціи, удивляется тому, какимъ образомъ монахи подали примѣръ пышности нашимъ князьямъ. И, дѣйствительно, первые стольники, упоминаемые русскими лѣтописями, значатся прислужниками митрополита ([1]). Введенные и въ русскую чиновную іерархію, стольники заняли не послѣднее мѣсто, хотя, сначала, обязанности ихъ ограничивались одною придворною службою. Съ теченіемъ времени, стольники начали занимать государственныя и военныя должности. Такъ, они засѣдали въ думѣ государевой; ѣздили къ тѣмъ дворамъ, куда не полагались *великіе* послы, то есть, въ Турцію, Данію и Англію ([2]); назначались въ города воеводами, иногда съ правами намѣстниковъ; бывали въ московскихъ приказахъ — и особенно Земскомъ — судьями, а въ Холопьемъ, гдѣ разбирались дѣла между лицами, *закабалившими* себя въ срочное услуженіе, и ихъ временными господами, — даже предсѣдательствовали ([3]). Иногда стольники посылались гонцами въ дальніе города объявлять о

([1]) Клементій, стольникъ митрополита Кипріана, въ 1398 году.

([2]) Котошихинъ, гл. IV *о московскихъ послѣхъ* и проч.

([3]) Исторія Судебн. Учрежд. въ Россіи. Троцины, стр. 105.

восшествіи на престолъ и приводить жителей къ присягѣ новому государю; именно, такое порученіе въ Тобольскъ дано было князю *Ивану Григорьевичу* Ромодановскому, въ 1646 году. Служа въ войскахъ, стольники распредѣлялись по полкамъ въ *завоеводчики*, заступавшіе мѣста воеводъ; *полковые судьи* или оберъ-аудиторы; *есаулы* или адъютанты главныхъ начальниковъ; *головы* или командиры дворянскихъ сотенъ и проч.

Но главнѣйшею обязанностію стольниковъ было все-таки исполненіе службъ придворныхъ. Такъ, принимая въ передней палатѣ кушанье, они ставили его на столъ государевъ и служили при этотъ столѣ. Въ дни церемоніальныхъ обѣдовъ въ московской грановитой палатѣ, дававшихся въ честь иноземныхъ пословъ, одинъ изъ стольниковъ, наряженный къ угощенію дорогихъ гостей, сидѣлъ съ ними за особымъ столомъ, который, по фигурѣ своей, назывался *кривымъ*. Въ маѣ 1606 года, на свадьбѣ Лжедимитрія, эту должность, относительно втораго посла Сигизмундова, *Гонсѣвскаго*, правилъ князь *Иванъ Петровичъ* Ромодановскій, тогда какъ старшій посолъ, *Олесницкій*, ѣлъ за однимъ столомъ съ Самозванцемъ.

Въ столы смотрѣть и *въ столы сказывать* возлагалось также на стольниковъ. Первое, составлявшее обязанность одного лица, какъ бы маршала, заключалось въ предложеніи (чрезъ чашника), по указанію государеву, питья которому нибудь изъ гостей, съ произнесеніемъ во всеуслышаніе словъ: «*Юрья-ста!* (1) *Великій государь жалуетъ тебя чашею*». Слова эти повторялись *сказывавшими въ столы*. Сотрапезникъ, отличенный царемъ, вставалъ, принималъ кубокъ и осушалъ его съ поклономъ. Тогда *смотрѣвшій въ столы* окладывалъ государю: «*Юрья, выпивъ чашу, челомъ бьетъ*». Само собою разумѣется,

(1) Частица *ста* прилагалась къ имени лица весьма значительнаго; къ имени менѣе важнаго человѣка прибавлялось *су*, напримѣръ, Юрья-су; имя обыкновеннаго или незнатнаго гостя оглашалось безъ прибавленій, просто. Въ распознаваніи этихъ тонкостей не должны были ошибаться смотрѣвшіе и сказывавшіе въ столы.

что въ безпрестанныхъ повтореніяхъ этого обряда проходило все время великолѣпнаго царскаго столованья.

Изъ всего числа стольниковъ, всегда немалаго, выбирались *комнатные* стольники, пользовавшіеся нѣкоторыми преимуществами и служившіе при ежедневномъ, обыкновенномъ столѣ государя.

При выходахъ царскихъ къ пасхальной заутрени или шествіяхъ на крещенскую іордань, стольники, въ золотныхъ кафтанахъ своихъ, открывали — за стрѣльцами — ходъ, увеличивая его блескъ и торжественность. Одинъ изъ нихъ, въ заутреню свѣтлаго праздника, въ соборѣ, подносилъ корзинами яица, которыми государь христосовался съ дворомъ и духовенствомъ, и за эту службу получалъ указные *десять* рублей.

Куда бы государь ни выѣзжалъ изъ дворца, его сопровождали стольники; одни — лѣтомъ, помѣщаясь назади царской колымаги, другіе — зимою, стоя на *ухабѣ*, или отводѣ государевыхъ саней. *Возница*, или лейбъ-кучеръ государевъ, всегда былъ стольникъ.

Красивые, молодые люди изъ стольниковъ, знатныхъ фамилій, выбирались въ *рынды* (1).

Одѣтые въ длинные, бѣлые, атласные кафтаны, съ горностаевою опушкою и двумя золотыми цѣпями, крестообразно лежавшими на груди, въ высокихъ бѣлыхъ шапкахъ, рынды, забросивъ на плеча серебряные топорики, окружали, во время торжественныхъ аудіенцій, тронъ государя — и ослѣпляли чужеземцевъ своимъ великолѣпіемъ, изумляли ихъ величавою, продолжительною неподвижностію.

Кромѣ рындъ, изъ тѣхъ же стольниковъ назначались *подрынды* или *поддатни*, носившіе за государемъ его оружіе: пищаль, сагайдаки и копья разной величины, рогатину, самопалъ, наконецъ, государевы доспѣхи.

Рындами завѣдывалъ бояринъ-оружничій.

---

(1) Начало рындъ князь Щербатовъ относитъ къ 1380 году.

Спальники, состоявшіе въ вѣдомствѣ постельничаго, были также стольники. Находясь безотлучно при комнатѣ государевой, они, во время царскихъ поѣздокъ или, какъ называли тогда, *походовъ*, непремѣнно всѣ сопровождали монарха и спали, поочередно, предъ его опочивальнею. Когда государь умиралъ, гробъ его выносился къ отпѣванію спальниками.

Должность чашника, ставившаго предъ государемъ напитки, возлагалась также на стольниковъ. Въ 1658 и 1660 годахъ, во время пріема и отпуска грузинскаго царевича Николая Давыдовича, на обѣдахъ, бывшихъ по этимъ случаямъ въ грановитой палатѣ, видимъ, въ должности чашника, князя *Юрія Ивановича* Ромодановскаго, прадѣда графини Головкиной.

Число стольниковъ всегда бывало значительно; въ 1687 году ихъ насчитывалось, напримѣръ, 2,911 человѣкъ.

Патріархи имѣли своихъ особыхъ стольниковъ и нерѣдко изъ фамилій знатныхъ.

Вотъ все, что нелишнимъ почли мы сообщить нашимъ читателямъ о значеніи старѣйшихъ и почетнѣйшихъ степеней и званій древней Россіи — тѣмъ болѣе, что никакихъ другихъ не занимали и не носили предки графини Головкиной, князья Ромодановскіе, фамилія которыхъ, въ теченіе обоихъ вѣковъ своего существованія, не переставала принадлежать къ числу лучшихъ и избраннѣйшихъ въ государствѣ.

Посмотримъ теперь, какъ жила древняя русская аристократія и въ чемъ состоялъ бытъ всѣхъ этихъ бояръ, окольничихъ и стольниковъ, въ главныхъ чертахъ своихъ неизмѣнявшійся до временъ Петра перваго.

Возникнувъ изъ тѣхъ же началъ, какія лежали въ основѣ русской жизни вообще, но воспитываясь и облагораживаясь временемъ и обстоятельствами, старинный бытъ русскаго знатнаго человѣка, въ сущности, былъ одинаковъ съ бытомъ самаго простаго русскаго селянина. Вся разница между тѣмъ и другимъ заключалась въ болѣе широкомъ размахѣ, удобнѣйшихъ

пріемахъ и роскошнѣйшихъ формахъ жизни перваго изъ нихъ.

И гдѣ бы ни былъ этотъ первый, куда бы ни забрасывала его воля царская или необходимость служебная, вездѣ и всюду оставался онъ неизмѣнно вѣренъ однимъ и тѣмъ же *московскимъ* условіямъ своего домашняго и внѣшняго распорядка. Примѣръ его необходимо вызывалъ посильныя подражанія и въ области Двинской, и въ далекой Сибири, и въ заволжской Казани, и въ городахъ сѣверскихъ, и въ сторонѣ Ливонской.

Такъ, быть можетъ, рождалась и крѣпилась связь, единившая въ родную семью чуждыхъ между собою представителей многокрайней Россіи, а за ними и ихъ прочихъ соотчичей.

Но русскій аристократъ стараго времени, исторически гостепріимный, былъ трудно доступенъ только одному—чужеземному вліянію. Долго и свято берегъ онъ неприкосновеннымъ родной обычай. Любилъ и уважалъ его за то простой русскій человѣкъ

Въ глубинѣ широкаго двора, обнесенннаго высокимъ заборомъ, подъ свислою и украшенною конькомъ кровлею просторныхъ хоромъ въ два и три жилья, чаще деревянныхъ, щеголявшихъ рѣзными трубами и обставленныхъ фигурными крыльцами, сосредоточивалась патріархальная жизнь русскаго аристократа XVI и XVII вѣковъ, выглядывая наружу сквозь круглыя, слюдяныя окошки въ желѣзныхъ переплетахъ.

Свѣтелка и изба, раздѣленныя сѣнями съ отгороженнымъ чуланомъ, были строеніями первой необходимости. Надворныя лѣтнія спальни и каменныя кладовыя выражали зажиточность домохозяина. Конюшни, съ десятками лошадей, сараи съ телѣгами, одноколками, санями, уродливыми колымагами, такими же топтанами или возками, а съ XVII вѣка каретами, колясками, даже фаэтонами, наконецъ, псарни съ стаями собакъ, доказывали знатную породу своего владѣльца. А мѣдный литой крестъ, или образъ, всегда осѣнявшій тесовыя ворота, убѣж-

далъ каждаго, что, прежде всего, здѣсь живетъ русскій человѣкъ.

Къ такому жилью, обыкновенно, прилегалъ огородъ, въ которомъ, до исхода XVII вѣка, разводились только капуста, чеснокъ, лукъ, огурцы, рѣдька и бураки (свекла), а у знатнѣйшихъ людей и садъ, съ яблонями, вишневыми, грушевыми и сливными деревьями, скудный красивыми цвѣтами (1), но непремѣнно украшенный рыбнымъ прудомъ.

Внутреннее расположеніе барскаго дома того времени, даже у знатныхъ господъ, не удовлетворило бы нынѣшнихъ потребностей неприхотливаго человѣка средняго состоянія. Свѣтлица, главная часть всего строенія, простыми досчатыми перегородками разбивалась на горницы, количество которыхъ зависѣло отъ воли хозяина и численности его домочадцевъ.

Всѣ стѣны, кромѣ капитальныхъ, даже въ каменныхъ зданіяхъ (2), рубились деревянныя. Расположеніе горницъ во всѣхъ домахъ было почти однообразное; мебель и убранство ихъ весьма простыя.

Широкія лавки по стѣнамъ, постланныя у богачей персидскими коврами, большой дубовый столъ, такія же передвижныя скамьи, поставецъ съ посудою, кровать съ пологомъ, наконецъ, выложенная затѣйливыми изразцами печь съ лежанкою, топившаяся изъ сѣней и развалисто выдвигавшаяся на первый планъ горницы, — вотъ что составляло обстановку стариннаго рус-

---

(1) Не ранѣе половины XVII вѣка явились—напримѣръ, въ Москвѣ—махровыя розы. Первый русскій канцлеръ, бояринъ Аѳанасій Лаврентьевичъ Ордынъ-Нащокинъ, и первый любимецъ правительницы Софіи, князь Василій Васильевичъ Голицынъ, были первыми любителями изящнаго садоводства. Иностранка Катерина Иванова съ зятемъ Петромъ Балтусомъ, при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, прежде всѣхъ мастерили искусственные цвѣты. (Расх. Кн. Патріарш. Казен. прик. 1674 г. № 570).

(2) Первую *каменную палату* въ Москвѣ поставилъ себѣ, въ 1449 году, митрополитъ Іона. Примѣру его послѣдовали: въ 1470 году, гость (купецъ) *Тараканъ* и, въ 1485 году, бояринъ Василій *Образецъ*.

скаго аристократа. Ни зеркала ([1]), ни картины ([2]), до половины XVII вѣка, не украшали стѣнъ параднѣйшей изъ его горницъ; онъ распредѣлялъ время свое по солнцу, не нужны были ему часы, стѣнные или столовые, и вовсе онъ не имѣлъ ни тѣхъ, ни другихъ. Очевиднѣйшимъ признакомъ его довольства почиталось обиліе пуховиковъ и подушекъ. Представительнѣйшимъ предметомъ роскоши самаго дома была *божница*, или кіота съ образами, на оклады и украшенія которыхъ не щадились ни золото, ни жемчугъ, ни даже драгоцѣнные каменья. И передъ этою божницею, прежде нежели обращаться къ хозяину, троекратно крестился и кланялся каждый, входившій и выходившій, какого бы званія и состоянія онъ ни былъ.

Не гоняясь за внѣшнимъ блескомъ своего помѣщенія, русскій аристократъ стараго времени любилъ щегольнуть богатствомъ одеждъ ([3]), множествомъ слугъ въ домѣ и кушаньевъ за столомъ, да крѣпкими доморощенными медами собственныхъ глубокихъ погребовъ.

Но, поборникъ современнаго ему обычая, аристократъ XVI и XVII вѣковъ уединялъ, обыкновенно, жену и дочерей своихъ въ особый теремъ, окружалъ ихъ всею доступною ему роскошью и затѣмъ жилъ какъ бы отдѣльно отъ нихъ, даже рѣдко встрѣчался съ ними въ самомъ домашнемъ быту и мало или вовсе не былъ знакомъ съ прелестями семейной жизни. Отсюда —свойственная ему не столько грубость, сколько какая-то черствость нрава и привычекъ. Отсюда же и необходимость, обратившаяся въ условіе барства, окружать себя, для развлеченія,

---

([1]) Первыя зеркала явились въ 1665 году у боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева, въ Москвѣ.

([2]) Живописныя и гравированныя картины русскихъ и иностранныхъ мастеровъ, промышлявшихъ въ Москвѣ, показались на стѣнахъ боярскихъ домовъ, какъ украшенія, не ранѣе половины XVII вѣка.

([3]) Дорогія одежды, говоритъ Карамзинъ, означали первостепенныхъ государственныхъ сановниковъ. Самое обыкновеніе, иногда сильнѣйшее закона, запрещало другимъ равняться съ ними въ этомъ отношеніи.

разнообразнымъ людомъ, который, наполняя хоромы барскія, жилъ на счетъ ихъ хозяина и составлялъ постоянный домашній кругъ его.

Такъ, *знакомцы*—изъ бѣдныхъ дворянъ—всегда дѣлили досугъ и трапезу знатнаго барина; *ходили* передъ нимъ, когда онъ выѣзжалъ куда нибудь и, составляя охранную стражу его, всюду принимались съ нимъ вмѣстѣ и чествовались, какъ гости([1]); *сказочникъ*—усыплялъ своего кормильца-боярина. *Шуты* и *дураки* забавляли его. *Карликъ* ([2]) прислуживалъ ему. Исключая знакомческой, всѣ тѣ же должности, но лицами другаго пола, исполнялись и въ женскомъ отдѣленіи барскаго дома, гдѣ, кромѣ того, всегда толклись во множествѣ странницы, приживалки, свахи и проч.

Къ числу домочадцевъ знатнаго барина всегда принадлежалъ и священникъ домовой его церкви или, гдѣ ея не было, жившій по договору для пѣнія въ самомъ домѣ всѣхъ церковныхъ службъ, кромѣ обѣдни. Тѣмъ или другимъ способомъ священникъ избавлялся отъ горькой участи многихъ подобныхъ ему священнослужителей — бѣдствовать физически и нерѣдко погибать нравственно на которомъ нибудь изъ московскихъ *крестцовъ* или перекрестковъ, гдѣ, въ то время, стаивало толпами духовенство, ожидая иногда по недѣлямъ и мѣсяцамъ найма къ совершенію требъ.

Наконецъ, десятки убогихъ и калѣкъ всегда кормились крохами, падавшими отъ трапезы барской.

Изъ этого видно, что многіе гонимые судьбою, безпріютные и голодные, ютились и питались подъ кровомъ знатнаго

([1]) Татищевъ называетъ знакомцевъ *державниками*, отъ обязанности ихъ держать лошадь патрона, когда онъ пріѣзжалъ ко двору. Знакомцы, или державники, уничтожены Петромъ первымъ.

([2]) На картинѣ, сохраняющейся въ Новомъ Іерусалимѣ, писанной по царскому велѣнію и изображающей во весь ростъ патріарха Никона, окруженнаго современниками, уцѣлѣлъ для потомства карло-келейникъ знаменитаго іерарха.

человѣка. Многіе, обиженные самою природою, каковы дураки и карлы, находили подъ тѣмъ же кровомъ довольство, несужденное, въ наше время, другимъ—и поумнѣе, и покрупнѣе ихъ.

Стало быть, старинное барство, по наружности спѣсивое и недоступное, не было такимъ на самомъ дѣлѣ. Вытекая изъ коренныхъ началъ русскаго быта, гостепріимнаго и радушнаго, это барство обусловливалось тѣми же самыми похвальными чертами, а потому гораздо болѣе благотворило бѣднѣйшему классу народа, нежели тяготѣло надъ нимъ.

Скажемъ, кстати, и о прислугѣ собственно, или *челядинцахъ* до-петровскаго аристократа. Раздѣляясь, какъ и теперь, на мужскую и женскую, она состояла изъ *холопей* и *кабальныхъ*, иногда *лѣтныхъ* людей. Холопями назывались переходившіе потомственно отъ барина-отца къ дѣтямъ его и далѣе; большею частію, это были плѣнные, забираемые въ войнахъ того времени. Кабальные, люди свободнаго состоянія, нерѣдко дворяне, служили барину по найму или за долги, до дня его смерти, съ котораго, если не вступили въ бракъ съ холопками, дѣлались совершенно свободными. Лѣтные кабалили себя на срокъ, по годамъ, и отслуживъ свое время, шли на всѣ четыре стороны. Петръ первый, однимъ изъ своихъ указовъ 1722 года, безразлично укрѣпилъ за господами всѣхъ холопей и кабальныхъ, и тѣмъ образовалъ въ Россіи сословіе *дворовыхъ*. *Дворецкій* и *конюшій* были старшими лицами мужской прислуги, *няня* распоряжалась женскою, то есть *мамушками* разныхъ степеней и многочисленными *сѣнными* дѣвушками [1], и вѣдала все домовое хозяйство.

Что касается средствъ къ жизни тогдашняго знатнаго человѣка, они опредѣлялись количествомъ *дворовъ*, жалуемыхъ ему государями въ помѣстное или отчинное владѣніе, и *рублей*, ежегодно получаемыхъ каждымъ по его званію. При Котошихинѣ,

---

[1] Назывались такъ отъ *сѣней* между свѣтлицою и избою, ихъ обыкновеннаго помѣщенія.

количество дворовъ во владѣніи одного лица простиралось иногда до пятнадцати тысячъ. Хозяинъ каждаго такого двора, до 1592 г. свободно переходившій, въ *Юрьевъ день*, отъ помѣщика къ помѣщику, а съ 1609 г. укрѣпленный за землевладѣльцемъ, платилъ знатному человѣку сначала *пожилое*, не болѣе одного рубля и двухъ алтынъ въ годъ, а потомъ *оброкъ*, по условію. Кромѣ помѣстій и окладовъ ежегоднаго жалованья, служба знатныхъ людей отличалась и другими матеріальными наградами, въ различныхъ размѣрахъ, болѣе или менѣе увеличивавшими средства каждаго изъ нихъ.

По большей части, аристократъ XVI и XVII вѣковъ располагалъ средствами въ то время значительными, жилъ роскошно, открыто и не для одного себя, а для многихъ; измѣнялъ неохотно такой, разъ заведенный порядокъ жизни, не любилъ ограничивать ежедневныя потребности своего быта и, въ общихъ чертахъ, вотъ какъ жилъ онъ.

Усыпленный съ непоздняго вечера сказкою-самодѣльщиною домашняго слуги-балагура, знатный баринъ покидалъ свой теплый пуховикъ при первомъ звукѣ колокола, въ который пономарь, а зачастую какой нибудь любитель, начиналъ *клепать* къ заутрени.

Въ бархатномъ *бострогѣ* на одной подкладкѣ или, смотря по времени года, въ *терликѣ* на лисьихъ и собольихъ мѣхахъ, украшенномъ снурками и кисточками, и камлотовомъ кафтанѣ безъ капюшона и рукавовъ, съ *скуфьею* или *тафьею*, на коротко-остриженной головѣ (1), сплетенною изъ золотыхъ и серебряныхъ нитокъ съ жемчугомъ, накрытый поверхъ скуфьи высокою шапкою изъ дорогихъ мѣховъ, знатный баринъ, стуча серебряными подковами короткихъ сапоговъ, со временъ царя Михаила Ѳедоровича преимущественно изъ алаго и голубаго сафьяна, по швамъ, носкамъ и каблукамъ вынизанныхъ жемчу-

(1) Отрощенные волосы означали *опальнаго*, подпавшаго гнѣву царскому или *опалѣ* государевой.

гомъ, спѣшилъ въ церковь, нерѣдко содержимую имъ на собственномъ дворѣ, и тамъ отстаивалъ заутреню и раннюю обѣдню.

Возвратясь домой, пилъ сбитень съ калачемъ, или приказывалъ подать себѣ *взварецъ* изъ наливокъ съ клюквою и малиною. Потомъ облачался въ бархатный или объяринный кафтанъ, узкій и длинный, съ пуговицами и стоячимъ воротникомъ, вышитымъ золотомъ, жемчугомъ, даже драгоцѣнными каменьями; опоясывался дорогимъ кушакомъ, изъ-за котораго всегда торчалъ ножъ или кинжалъ; надѣвалъ длинный *охабень* (¹), богато отдѣланный жемчугомъ, набрасывалъ въ непогоду *корзнъ*, родъ плаща или епанчи, а въ морозы роскошную соболью шубу, и, въ той же мѣховой высокой шапкѣ, отправлялся на службы, чаще всего присутствовать въ приказахъ. Если же въ этотъ день собиралась въ Золотую палату царская дума и знатный человѣкъ засѣдалъ въ ней, то онъ, въ предшествіи своихъ знакомцевъ, ѣхалъ верхомъ ко двору, отдавалъ имъ у Краснаго крыльца свою лошадь, поднимался въ думу и тамъ, во все время засѣданія, не снималъ шапки своей, даже въ присутствіи государевомъ.

Къ одиннадцати часамъ дня оканчивались служебныя занятія того времени. Знатный человѣкъ, съ тѣми же знакомцами, возвращался домой, гдѣ ожидалъ его обѣдъ, заказанный и снаряженный домовою хозяйкою, нянею.

Въ рубахѣ съ косымъ воротомъ, вышитымъ шелками (²) или жемчугомъ, въ широкомъ исподнемъ платьѣ изъ чернаго плиса или бѣлаго атласа, даже парчи, и легкомъ шелковомъ полукафтанѣ безъ рукавовъ, сохраняя на головѣ скуфейку, а иногда и самую шапку, знатный баринъ садился обѣдать.

(¹) Назывался и *однорядокъ*. Отмѣненъ при царѣ Θедорѣ Алексѣевичѣ.

(²) Итальянецъ Маркъ Чипони, вызванный царемъ Θедоромъ Ивановичемъ, основалъ первую въ Россіи шелковую фабрику, въ Москвѣ. Начало обработки шелка въ издѣліи положено Михаиломъ Θедоровичемъ; при сынѣ его начали выдѣлывать бархаты, штофы и проч.

Кромѣ обычныхъ знакомцевъ, священника (1) и любимаго шута, за столомъ хлѣбосольнаго хозяина находили мѣсто всѣ случавшіеся тогда посторонніе люди. Русское гостепріимство, освященное временемъ, было одинаково для званаго и незванаго, и боярская спѣсь не различала, въ обѣденный часъ, знатнаго отъ незнатнаго.

Если обѣдъ случался званый, то приглашенные, особенно изъ незнатныхъ, имѣли обыкновеніе *кланяться* хозяину *поминками*, то есть приносить подарки, состоявшіе въ *золотыхъ* монетахъ, не имѣвшихъ тогда значенія денегъ. Карамзинъ замѣчаетъ, что знатные люди, разсчитывая на такія поминки, очень нерѣдко удостоивали зовомъ *гостей*, то есть купцовъ, приношеніями которыхъ и покрывались издержки праздника, всего чаще съ лихвою.

Вмѣстѣ съ приношеніемъ поминокъ, при торжественныхъ обѣдахъ въ домахъ знатныхъ людей, «обычай—говоритъ Котошихинъ, — «таковъ есть: предъ обѣдомъ велятъ выходити къ гостямъ челомъ ударить женамъ своимъ; и какъ тѣ ихъ жены къ гостямъ придутъ, и станутъ въ палатѣ, или въ избѣ, гдѣ гостемъ обѣдать, въ большомъ мѣстѣ (2), а гости станутъ у дверей, и кланяются жены гостямъ малымъ обычаемъ (3), а гости женамъ ихъ кланяются всѣ въ землю. И потомъ господинъ дома бьетъ челомъ гостямъ и кланяется въ землю жъ, чтобъ гости жену его изволили цѣловать, и напередъ, по прошенію гостей, цѣлуетъ свою жену господинъ, потомъ гости единъ по единому кланяются женамъ ихъ въ землю жъ, и пришедъ, цѣлуютъ»....

Послѣ такого пріятнаго движенія начинался обѣдъ, въ XVI вѣкѣ— жареными павлинами, въ XVII вѣкѣ—студенью изъ

---

(1) И дается женатымъ людямъ попамъ помѣсячной кормъ и яствы и питье, а вдовые попы ѣдятъ съ боярами своми вмѣстѣ за столомъ, у кого что прилучилось. Котошихинъ, гл. XIII.

(2) Уголъ подъ божницею, называвшійся также *краснымъ и покутомъ*.

(3) Въ поясъ.

говяжьихъ ногъ или икрою. Передъ тѣмъ и другимъ осушалась чара хлѣбнаго вина.

Кушанья, раздѣленныя на *статьи*, въ каждой по нѣскольку перемѣнъ, приносились всѣ разомъ и во множествѣ ([1]), хотя бы обѣдающихъ было всего двое, ставились на столъ, гдѣ гости, садясь, видѣли только хлѣбъ, соль, уксусъ, перецъ, ножи и ложки.

Между кушаньями или *ѣствами*, въ описаніяхъ роскошнѣйшаго скоромнаго стола того времени, встрѣчаются: куря во щахъ богатыхъ, въ лапшѣ или въ кальѣ съ лимоны, папорокъ лебединъ подъ шафраннымъ взваромъ, рябъ окрашиванъ подъ лимоны или со сливами; тетерева съ шафранами, утки съ огурцами, гуси съ пшеномъ сарацинскимъ, журавли съ прянымъ зельемъ, пѣтухи разсольные съ инбиремъ, курицы безкостныя, мозги лосьи, караси съ бараниною, жареный гусь, порося и жаворонки; перепеча крупичатая, курникъ подсыпанъ яицы; пироги съ бараниною, кислые съ сыромъ, разсольные, жареные, подовые; блины, сырники, разные короваи и проч. Хорошій постный столъ составляли: разная уха изъ живой рыбы, или бѣлая и черная шафранныя, лимонная калья съ огурцами; топаная холодная капуста, холодный горошекъ зобанецъ, свѣжая осетрина; паровые лещь, щука, стерлядь и тешка бѣлой рыбицы; тѣльныя оладьи, тертая каша съ маковымъ сокомъ, папошники, сладкій взваръ съ пшеномъ, ягодами, перцомъ и шафраномъ, клюковный кисель съ медомъ и проч. ([2]). Десертомъ служили: сахары, леденцы, марцапаны; изъ фруктовъ: арбузы, цукаты, померанцевые и мушкатные яблоки, шептала, сушеныя венгерскія сливы, ягодныя смоквы; орѣхи, какіе-то индѣйскіе овощи, наконецъ, патока съ инбиремъ. Изъ русскихъ напитковъ упо-

---

([1]) «А бываетъ—говоритъ Котошихинъ—ѣствъ по 50 и по 100». Гл. XIII.

([2]) Въ то время почиталось за грѣхъ ѣсть телятину, зайцевъ, голубей, раковъ и все, зарѣзанное рукою женщины.

треблялись: квасъ, буза, хлѣбное вино, разныя наливки и настойки, или травники, ягодныя пива, меды: вишневый, можжевеловый, смородиновый, черемуховый, малиновый—красный и бѣлый—и такъ называвшіеся боярскій и княжій. Изъ иностранныхъ винъ были извѣстны: романея, рейнское, бѣлое французское, мушкатель, бѣлое канарское или *бастръ*, *аликантъ*, наконецъ *малвазія*, лучшее и рѣдчайшее вино.

До половины XVII вѣка столъ знатнаго человѣка устанавливался деревянною съ золотыми обводками посудою, преимущественно калужскаго производства, и только изрѣдка, въ дни праздничные, украшался оловянными блюдами и мисками. Но серебряный кубокъ изстари водился въ каждомъ порядочномъ домѣ (1).

Со времени же царствованія Алексѣя Михайловича русскій аристократъ привыкъ къ серебряной посудѣ, защеголялъ золотою, держалъ и хрустальную, появившуюся около того же времени. Поставцы его обогатились золотыми и серебряными мисами, сердоликовыми и строфокамиловыми (2) кубками; заблистали серебряными и золотыми кружками, братинами, рогами для питья, трехфунтовыми ковшами, двѣнадцатифунтовыми чарами; ломились подъ тяжестію серебряныхъ золоченыхъ кубковъ, въ пудъ безъ малаго вѣсомъ.

Многочисленная челядь, снуя вокругъ обѣденнаго стола, прислуживала барской трапезѣ; старѣйшій слуга, человѣкъ испытанной вѣрности, стоялъ за господскимъ стуломъ, имѣя право вмѣшиваться въ разговоры обѣдающихъ; баринъ, особенно если не было постороннихъ, разсылалъ съ своего стола *подачи* заслуженнѣйшимъ челядинцамъ: дворецкому, сказочнику, нянѣ,—или, въ праздничные дни, угощалъ рюмкою вина дворовыхъ, толпою являвшихся къ нему съ привѣтствіемъ.

(1) Иванъ IV Грозный, празднуя взятіе Казани, раздарилъ разнымъ лицамъ до 400 пудовъ одного серебра, въ дѣлѣ.

(2) Строфокамиловыя яица, обдѣланныя въ золото и серебро и употреблявшіяся, какъ кубки.

Барскій обѣдъ оканчивался къ 12 часамъ дня.

Знатный человѣкъ, по обычаю отцовъ, ложился отдохнуть, и сказочникъ, присѣвъ въ ногахъ господской постели, начиналъ свое дѣло.

Время послѣ обѣда, значительно сокращенное долгимъ сномъ, расходовалось различно.

Отслушавъ вечерню, аристократъ отправлялся иногда, по приглашенію, къ царскому двору, гдѣ и бывалъ, вмѣстѣ съ прочими, угощаемъ *вечернимъ кушаньемъ*, повѣствуя о которомъ, современная выходная записка не забывала упомянуть, что гостей «*государь пожаловалъ своею государскою милостью, напоилъ ихъ всѣхъ пьяныхъ*» (1). Или — ѣхалъ въ подгородное село Преображенское, гдѣ, со временъ Алексѣя Михайловича, давались первыя на Руси театральныя представленія, бывавшія и въ московскомъ дворцѣ. О послѣднихъ таже выходная записка гласила такъ: «*ввечеру Великій Государь ходилъ въ комидію, смотрить дѣйства, какъ нѣмцы дѣйствовали*» (2). Наконецъ, свободный отъ того или другаго приглашенія, аристократъ навѣщалъ кого нибудь изъ своей братіи, при чемъ, какъ человѣкъ благородный, стыдился ходить пѣшкомъ (3) и бывалъ всегда предшествуемъ знакомцами.

Оставаясь дома, знатный баринъ, если не было у него посторонниxъ, забавлялся своими шутами, или читалъ священное писаніе; игралъ на гусляхъ, любимомъ инструментѣ лучшаго круга того времени, или въ шашки и шахматы съ кѣмъ нибудь изъ своихъ приближенныхъ; бесѣдовалъ съ домовымъ священникомъ или распѣвалъ съ знакомцами свѣтскія и духовныя пѣсни — удовольствіе, безъ котораго рѣдко обходились тогдашнія собранія. Иногда аристократъ уходилъ къ женѣ и дочерямъ,

(1) Записки торжественнымъ выходамъ, въ Главн. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ.
(2) Тоже и тамъ же, см. 2 ноября 1672 года.
(3) Ист. Гос. Рос. Карамзина.

и тамъ, осушивъ поданную ему братину меда, жаловалъ милостивымъ словомъ хлопотунью-маму или дарилъ алтыномъ какого нибудь посѣдѣлаго бродягу-гудочника.

При посѣтителяхъ, домъ знатнаго человѣка, обыкновенно чинный, какъ монастырь, оживлялся. Самъ господинъ, съ виду недоступный, дѣлался радушнымъ и привѣтливымъ хозяиномъ. Тяжеловѣсные серебряные кубки покидали поставцы и являлись на столъ, золотые ковши шевелились неутомимо, дѣдовскіе меды и заморская романея расходовались усердно. Господскіе шуты и карлы перебранивались и дрались между собою, къ общему удовольствію зрителей. Старая безобразная дура, разряженная, какъ восемнадцати-лѣтняя дѣвушка, вертясь и кривляясь передъ гостями, пѣла и плясала подъ аккомпаниментъ балалайки, гудка или волынки. Въ одномъ углу, полупьяные любители слушали стольника-гуслиста и восхищались до слезъ; въ другомъ — степенный окольничій и тучный бояринъ играли въ зернь и, азартно бросая костями, передвигали по столу пригоршни ефимковъ... Собраніе расходилось иногда очень поздно, — около полуночи. Поднимаясь домой, завеселѣвшіе гости молились передъ божницею, кланялись хозяину, лобызали его и выпровождались имъ на крыльцо, а почетнѣйшіе — до самыхъ воротъ, за которыми, на улицѣ, дрогли кони посѣтителей и стояли ихъ экипажи: изъ почтенія къ знатному хозяину, ни одинъ гость не въѣзжалъ на его дворъ.

Такъ, или почти такъ, съ прибавленіемъ псовой и соколиной охотъ, наслѣдственная страсть къ которымъ по нѣскольку недѣль кряду задерживала знатнаго человѣка въ отъѣзжемъ полѣ, текла будничная жизнь его. Но и этой будничной жизни добрая половина проводилась все-таки у двора, котораго знатный баринъ, нерѣдко связанный родствомъ съ царскою семьею, всегда бывалъ болѣе или менѣе *ближнимъ* человѣкомъ. Такъ, онъ почти ежедневно являлся туда или *подумать* съ царемъ, или *повечерять* съ нимъ, или вмѣстѣ помолиться Богу въ *комнатъ*

государевой, вмѣщавшей избранныхъ, а чаще — въ соборахъ кремлевскихъ и другихъ московскихъ храмахъ.

Случался ли день, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ, ближній или знатный человѣкъ тѣмъ непремѣннѣе спѣшилъ ко двору, иногда съ женою и взрослыми дочерьми; но только нарядъ его бывалъ торжественнѣе и пышнѣе. Богатая парчевая *ферезь* съ пуговицами до подола, испещренная узорочными нашивками и жемчугомъ, и высокая горлатная шапка ([1]) съ парчевымъ или бархатнымъ верхомъ и собольимъ или рысьимъ низомъ, обличали, кромѣ важныхъ церковныхъ праздниковъ, нѣкоторые особенные случаи, напримѣръ, отпускъ или пріемъ чужеземныхъ пословъ, свадьбу или имянины членовъ царской семьи, и проч.

Смѣшиваясь съ толпой собратій во время каждой парадной обѣдни, теряясь въ величественной массѣ ихъ при всякой посольской аудіенціи и пируя одинаково съ другими за всѣми придворными имянинными столами, знатный баринъ могъ — какъ и жена его — болѣе или менѣе выдѣляться только при однѣхъ брачныхъ торжествахъ царскаго семейства. Сложность старинныхъ свадебныхъ обрядовъ на Руси, этого кодекса вѣковыхъ суевѣрій, требовала необходимаго соучастія цѣлой группы лицъ, распредѣленіе между которыми множества должностей, или ролей, служило выраженіемъ большаго или меньшаго значенія каждаго, а потому одинаково тревожило и волновало самолюбіе всѣхъ степеней.

Читая описанія прежнихъ царскихъ свадебъ ([2]), видимъ, что почетнѣйшіе, знатные люди, съ женами, *сажались* къ молодымъ въ *отцово* и *материно* мѣсто. Должность посаженыхъ была первенствующею, и лица, ее исполнявшія, постоянно сидѣли на *большомъ мѣстѣ, въ лавкѣ*. По окончаніи всѣхъ церемоній, то есть, когда государь, послѣ третьей ѣствы, вставалъ изъ-за

([1]) На такія шапки шли цѣннѣйшія части мѣховъ, именно *горла* или *душки* пушныхъ звѣрей. Отсюда и названіе шапокъ *горлатными*

([2]) Древн. Рос. Вивліоѳика, изданіе Новикова. Т. XII.

свадебной трапезы и шелъ къ *сѣннику*, посаженый царскій передавалъ ему, въ дверяхъ, молодую царицу, при чемъ говорилъ одну и ту же краткую рѣчь; а посаженая государя, въ собольей шубѣ, шерстью вверхъ, встрѣчала молодыхъ въ самомъ сѣнникѣ и тамъ *осыпала* ихъ хмѣлемъ. Бояре и боярыни, назначенные въ *сидячіе*, помѣщались *на скамьяхъ*, противъ посаженыхъ. *Тысяцкій*, всегда знатный вельможа, былъ важнымъ свадебнымъ лицомъ: выводилъ государя *подъ руку* изъ внутреннихъ покоевъ въ золотую палату; отсюда, по полученіи извѣстія, что невѣста уже идетъ въ грановитой палатѣ, тѣмъ же порядкомъ велъ государя къ невѣстѣ и потомъ самъ помѣщался съ сидячими; изъ грановитой, когда шествіе направлялось въ Успенскій соборъ, тысяцкій *ѣхалъ мало впередъ государя, по сторонѣ;* провожалъ государя изъ-за стола къ сѣннику. *Дружекъ* царевыхъ было двое, *большой* и *меньшой;* то же самое и у царицы. Государевы дружки ходили непосредственно предъ государемъ всюду, отъ внутреннихъ покоевъ до церкви и обратно; *старшій* изъ нихъ, передъ вѣнчаніемъ, разрѣзывалъ въ грановитой палатѣ перепечу и сыры, выносилъ изъ свадебнаго стола въ сѣнникъ *куря* съ блюдомъ, съ перепечею и солонкою, обернутые скатертью, кормилъ, на другой день, въ сѣнникѣ государя кашею, изъ фарфороваго горшечка, обогнутаго двумя парами соболей. Царицыны дружки ходили за нею во внутренніе покои и, пригласивъ ее оттуда въ грановитую палату, всюду ей предшествовали; *старшій* изъ нихъ, передъ вѣнчаніемъ, подносилъ въ грановитой палатѣ царю и патріарху убрусцы и ширинки — обычные дары царственной невѣсты; *младшій* одѣлялъ тѣмъ же самымъ всѣ свадебные чины. Какъ государевы, такъ и царицыны дружки участвовали съ спальниками и другими лицами въ приготовленіи и убранствѣ сѣнника, до котораго и сопровождали государя изъ-за свадебнаго стола([1]).

([1]) На первой свадьбѣ царя Алексѣя Михайловича, въ 1648 году, меньшимъ дружкой государя былъ князь Василій меньшой Григорьевичъ Ромодановскій

Свахъ, какъ и дружекъ, было четыре, двѣ *большія* и двѣ *меньшія*. Всѣ онѣ, до выхода государевой невѣсты, оставались съ нею во внутреннихъ покояхъ. Отсюда обѣ большія вели ее подъ руки въ грановитую палату, гдѣ всѣ четыре *становились* у государынина мѣста, за столомъ. Тутъ, прежде чѣмъ большому государеву дружкѣ рѣзать перепечу и сыры, *большая* государева сваха *чесала* жениху и невѣстѣ *головы*, обмакивая гребень въ чарку съ медомъ. Наложивъ на невѣсту *кику*, покрытую жемчужнымъ убрусомъ съ золотыми дробницами, она же осыпала и ее, и жениха *осыпаломъ* изъ мисы, которую держалъ думный дьякъ. Затѣмъ, всѣ четыре свахи усаживались противъ невѣсты въ однихъ съ нею саняхъ и ѣхали въ Успенскій соборъ, куда и откуда вводили и выводили невѣсту подъ руки двѣ большія. Всѣ же свахи убирали съ дружками и спальниками сѣнникъ, до котораго и провожали государя. Тамъ, на другой день, большая государева сваха кормила государыню кашею изъ такого же горшечка, какъ дружка царя; а всѣ свахи, въ тотъ же день, обѣдали въ грановитой палатѣ, близъ царицы, за *невеликимъ столикомъ*, поставленнымъ, однако же, выше большаго боярскаго, гдѣ сидѣли посаженые, тысяцкій и дружки [1].

Кромѣ описанныхъ свадебныхъ должностей, были и другія, не столько важныя, исполненіе которыхъ все-таки принадлежало молодежи знатной породы. *Поѣзжане*, напримѣръ, открывали шествіе государя во всѣхъ его переходахъ внутри дворца и, когда государь ѣхалъ верхомъ на аргамакѣ къ вѣнчанію, слѣдовали передъ нимъ на коняхъ, не слѣзая и во все время обряда, при которомъ не присутствовали въ храмѣ. На обѣихъ свадьбахъ царя Михаила Ѳедоровича находился въ числѣ поѣзжанъ предокъ графини Головкиной, князь *Иванъ Ивановичъ Ромодановскій*, а прадѣдъ ея, князь *Юрій Ивановичъ Ромодановскій*, былъ въ той же должности на первой свадьбѣ царя

[1] На той же свадьбѣ, меньшою свахою государя была жена Василія меньшаго Григорьевича Ромодановскаго.

Алексѣя Михайловича, въ 1648 году. *Свѣчники* носили и держали больше чѣмъ пудовыя вѣнчальныя свѣчи царя и царицы, каждую двое, зажигали ихъ — отъ богоявленской вечерней свѣчи — въ то самое время, когда сваха чесала жениха и невѣсту въ грановитой палатѣ, шествовали съ ними въ соборъ подъ фонарями, поддерживаемыми каждый еще двумя человѣками; въ соборѣ становились по правую руку, у патріаршаго мѣста (1). На первой свадьбѣ царя Ивана Грознаго, въ 1547 году, однимъ изъ двухъ свѣщеносцевъ юной и прекрасной Анастасіи былъ князь *Антонъ Михайловичъ Ромодановскій*, исполнявшій ту же должность и при братѣ царскомъ, великомъ князѣ Юріѣ Васильевичѣ, на свадьбѣ послѣдняго въ 1548 году. Колпакъ царскій, кика царицы, коровай обоихъ, фряжское вѣнчальное вино, — все это раздавалось по рукамъ сановникамъ и имѣло въ свадебномъ шествіи опредѣленное мѣсто. Назначались особые чиновники устилать вѣнчальный путь царствующихъ лицъ камками (2). Въ этой должности, на свадьбѣ двоюроднаго брата царскаго, великаго князя Владиміра Андреевича, въ 1558 году, состоялъ недоросль князь *Богданъ Петровичъ Ромодановскій*, а на первой свадьбѣ царя Алексѣя Михайловича — стольникъ князь Дмитрій Васильевичъ Ромодановскій.

Наконецъ, въ день свадьбы царя Шуйскаго, въ 1608 году, окольничій князь *Григорій Петровичъ* Ромодановскій *ѣздилъ надзирать за воротами въ Кремлѣ*, что всегда дополняло торжественность царскаго браковѣнчанія.

И нигдѣ чаще не разыгрывались смѣшныя для насъ сцены

---

(1) На второй свадьбѣ царя Михаила Ѳедоровича, государева свѣча вѣсила три пуда, а свѣча государыни — два пуда. На каждой были чеканные широкіе обручи, съ золочеными краями. Послѣ обряда, обѣ свѣчи принесены въ сѣнникъ и поставлены, въ головахъ постели, въ одну кадь, насыпанную пшеницей. Черезъ три дня, обручи сняли, обѣ свѣчи *соскали* вмѣстѣ и отдали въ церковь.

(2) Камка — шелковая китайская матерія съ разводами.

отжившаго теперь *мѣстничества* ([1]), какъ на имянинахъ и свадебныхъ пирахъ царскихъ. Малѣйшая ошибка какого нибудь разряднаго дьяка, управлявшаго церемоніаломъ и расписывавшаго мѣста по родамъ и чинамъ, поднимала цѣлую бурю въ душѣ родовитаго аристократа, оскорбляла въ его лицѣ всю восходящую линію давно почившихъ предковъ; онъ не выносилъ терзанія и, сгарая отъ стыда и досады, тутъ же, среди веселаго обѣда или важно соблюдаемаго свадебнаго распорядка, формально билъ челомъ на такого-то, посаженнаго выше. Бывали примѣры, что челобитчикъ прямо изъ грановитой палаты улеталъ подъ опалою въ Пермь великую ([2]). Иногда, чтобы предупредить возможность подобныхъ случаевъ, всѣмъ непріятныхъ, наши цари, особыми повелѣніями, указывали—при нѣкоторыхъ торжествахъ «*быть безъ мѣстъ*», что однако не всегда обуздывало племенную гордость родовитыхъ аристократовъ.

Для знакомства съ безпорядками и даже неприличіемъ сценъ мѣстничества, выберемъ одну изъ нихъ, героемъ которой былъ предокъ графини Головкиной, князь *Иванъ Ивановичъ Ромодановскій*, и приведемъ ее вполнѣ, держась буквы «Дворцовыхъ Записокъ».

«Окольничій князь Иванъ Ромодановскій билъ челомъ государю въ отечествѣ на окольничаго Василья Бутурлина, и за столъ къ патріарху съ верху не пошелъ. И государь велѣлъ его посадить подъ Васильемъ Бутурлинымъ думному дьяку Семену Заборовскому, *и князь Иванъ съ скамьи упалъ*, и его *подняли* и велѣли посадить подъ Васильемъ Бутурлинымъ, *и его держали на рукахъ за столомъ*. Того жь мѣсяца апрѣля въ 8 день велѣлъ государь думному разрядному дьяку Семену Заборовскому сказать окольничему князю Ивану Ромодановскому: «въ ны-

---

([1]) См. нашу статью «Мѣстничество и разряды» въ Сѣверн. Сіяніи 1863 г.

([2]) Такъ въ 1625 году, въ день свадьбы царя Михаила Ѳедоровича, не посчастливилось боярину князю Ивану Васильевичу Голицыну.

нѣшнемъ, во 158 (1) году апрѣля въ 1 день на имянины государыни царицы и великія княгини Марьи Ильиничны былъ у государя столъ, а у стола были бояре: князь Яковъ Куденетовичъ Черкаской, Василій да Борисъ Петровичи Шереметевы, да окольничій Василій Васильевичъ Бутурлинъ, да ты князь Иванъ. И ты, князь Иванъ, билъ челомъ государю на окольничаго Василья Бутурлина, что тебѣ съ нимъ быть не вмѣстно. И тебѣ, князь Ивану, сказано, что можно тебѣ быть и съ сыномъ съ Васильевымъ съ Иваномъ. И за безчестье Васильева сына Бутурлина, Ивана, посыланъ ты былъ въ тюрьму. А нынѣ указалъ государь тебя князь Ивана за безчестье окольничаго Василья Васильевича Бутурлина послать къ окольничему Василью Васильевичу Бутурлину на дворъ и выдать головою (2)». И по государеву указу на постельномъ крыльцѣ окольничему князь Ивану Ромодановскому думной дьякъ Семенъ Заборовской государевъ указъ и боярской приговоръ сказалъ. И посланъ окольничей князь Иванъ Ромодановской къ окольничему Василью Васильевичу Бутурлину на дворъ головою съ Иваномъ Степановымъ сыномъ Волковымъ (3)».

Къ особеннымъ случаямъ, призывавшимъ знатнаго человѣка во дворецъ, должно, разумѣется, отнести смерть государя или кого нибудь изъ царскихъ родичей. Тогда являлся онъ, въ *смирномъ* платьѣ, къ погребенію, совершавшемуся обыкновенно на другой же день по кончинѣ умершаго, и, въ теченіе сорока дней, содержалъ, очередуясь съ другими, почетную стражу въ соборѣ у новой гробницы. Боярыни исполняли тоже, когда умирала царица или царевна.

Чтобы яснѣе изобразить духъ и черты стараго времени,

(1) 1650 годъ.

(2) Выдача головою состояла въ томъ, что виновнаго силою приводили въ домъ обиженнаго: а этотъ, довольный почестію, ласково принималъ гостя, угощалъ его и нерѣдко становился другомъ своего обидчика.

(3) «Дворцовыя Записки», ч. II, стр. 110.

вотъ, вкратцѣ, годовой кругъ дѣятельности жителя Москвы, знатнаго человѣка, въ XVI и XVII вѣкахъ.

Освятивъ общею съ царемъ молитвою день новаго года, праздновавшійся тогда въ Россіи 1 сентября (1), знатный человѣкъ приготовлялся сопутствовать государю въ *троицкомъ походѣ*, то есть, участвовать въ богомольномъ путешествіи царскаго семейства къ замосковному монастырю св. Сергія. За нѣсколько дней до сентябрскаго сергіева праздника, государь, послѣ напутственнаго молебствія въ соборѣ, съ величайшею пышностію выѣзжалъ изъ Москвы, послѣдуемый всѣмъ своимъ домомъ и дворомъ. Знатный человѣкъ, въ богатомъ нарядѣ, верхомъ, увеличивалъ собою блистательную царскую свиту, или, смотря по своему званію, ѣхалъ подлѣ колымаги царицы, въ числѣ многочисленныхъ спутницъ которой могла быть и его жена-боярыня. На всемъ пути до монастыря знатный человѣкъ располагался въ одномъ *станѣ* съ государемъ, *объявлялъ* ему или членамъ его семейства хлѣбцы, блины и ягоды, подносимые духовенствомъ и крестьянами попутныхъ селъ и деревень, и посредствовалъ въ раздачѣ щедрой царской милостыни попамъ, нищимъ, лежнкамъ и калѣкамъ, встрѣчавшимся на дорогѣ. Поклонясь св. Сергію и отвѣдавъ праздничной трапезы троицкой братіи, чествовавшей его, какъ ближняго царскаго человѣка, онъ, чрезъ 8 или 10 дней, возвращался съ царемъ въ Москву. Если же бывалъ оставляемъ въ городѣ *для сбереженія*, то, надѣвъ цвѣтное платье, спѣшилъ къ тому же времени на выѣздъ изъ *подхожаго стана*, въ села Тайнинское или Алексѣевское, встрѣчалъ тамъ царя, находился *при слазкѣ* его у шатровъ Марьиной рощи, гдѣ государь перемѣнялъ дорожное платье, и, въ общей царской свитѣ, слѣдовалъ къ Кремлю, гдѣ вмѣстѣ со всѣми слушалъ благодарственный молебенъ.

(1) До 1348 года Россія праздновала новый годъ 1 марта; потомъ, до 1700 г., — 1 сентября, а съ тѣхъ поръ празднуетъ 1 января.

Кромѣ троицкаго похода, знатный человѣкъ участвовалъ съ государемъ въ посѣщеніи и другихъ извѣстныхъ монастырей, московскихъ и замосковныхъ, что называлось *объѣздами* и нерѣдко происходило осенью. Остальное время до святокъ, разграниченное торжественнымъ поминовеніемъ усопшихъ въ дмитріевскую субботу, отмѣчалось частыми церковными праздниками, въ дни которыхъ знатный человѣкъ обязательно являлся въ соборъ къ заутренямъ и обѣднямъ, представалъ, въ толпѣ царедворцевъ, пресвѣтлымъ очамъ государя, поздравлялъ монарха, ходилъ *вверхъ* бить челомъ царицѣ и трапезовалъ съ прочими въ столовой избѣ или грановитой палатѣ.

24 декабря, утромъ, знатный человѣкъ присутствовалъ въ золотой палатѣ или столовой избѣ, куда выходилъ къ царскимъ часамъ государь. Здѣсь благовѣщенскій дьяконъ *кликалъ* многолѣтіе царскому семейству; благовѣщенскій протопопъ, всегда духовникъ государевъ, кропилъ святою водою своего духовнаго сына и *здравствовалъ* ему, то есть, поздравлялъ его. За тѣмъ привѣтствовали государя съ наступающимъ праздникомъ всѣ знатные люди, а одинъ изъ нихъ, знатнѣйшій, говорилъ его величеству поздравительную рѣчь, всегда одинаковой формы.

Возвращаясь къ себѣ, знатный человѣкъ навѣрное находилъ подъ окнами своего дома *колядовщиковъ*, распѣвавшихъ хвалебныя пѣсни хозяину и сопровождаемыхъ толпою мужчинъ и женщинъ, наряженныхъ скоморохами, шутами съ гуслями, бубнами, сопѣлками, домрами, съ собачками и кобылками. Одѣливъ всю эту ватагу виномъ и деньгами, знатный человѣкъ долженъ былъ принять *славлениковъ* со звѣздою, носившихъ *вертепъ*, или ящикъ, въ которомъ оптически изображалось поклоненіе волхвовъ и проч. Въ царствованіе же Алексѣя Михайловича, знатный человѣкъ, заслышавъ звукъ барабана и завидѣвъ длинный рядъ саней, понималъ, что это значитъ—и поднималъ суету въ домѣ. Чрезъ нѣсколько минутъ къ нему, дѣйствительно, входилъ государь, охотникъ славить, а поѣзжане, князья и

бояре, начинали пѣть «Тебѣ Бога хвалимъ» и поздравляли хозяина, который подносилъ денежный подарокъ государю и угощалъ его свиту. Между тѣмъ, сердца теремныхъ затворницъ бились тревожно: няни и мамы, опытныя въ дѣлѣ гаданій и толкованія сновъ, съ серьезнымъ видомъ запасали все, что, по убѣжденію ихъ, долженствовало служить къ безошибочному опредѣленію будущей судьбы ихъ питомицъ.

25 декабря, часамъ къ десяти утра, золотую палату государя, — откуда только что вышелъ патріархъ, послѣ заутрени славившій здѣсь Христа и бывшій со святою водою у царицы, — наполняли золотыя ферези вельможъ. Окруженный ими, государь выходилъ изъ дворца и во всемъ блескѣ царскаго величія шествовалъ къ литургіи въ Успенскій соборъ, гдѣ, по окончаніи службы, самъ приглашалъ многихъ ближнихъ людей къ праздничному столу своему, а другихъ посылалъ звать чрезъ дьяковъ. Приглашенные, вмѣстѣ съ патріархомъ и *властями*, то есть, начальнымъ духовенствомъ, садились за трапезу царскую въ началѣ сумерекъ. На половину царицы, еще съ утра съѣзжались боярыни, приносили поздравленія и каждая по 30 перепечей; потомъ, послѣ визита духовенства къ царицѣ, оставались съ нею обѣдать.

Отпраздновавъ съ царемъ первый день Рождества, знатный человѣкъ продолжалъ подчиняться всѣмъ требованіямъ тогдашняго святочнаго времяпровожденія.

Такъ, онъ безусловно долженъ былъ принимать, угощать и дарить деньгами царскихъ пѣвчихъ дьяковъ, приходившихъ къ нему славить. Отказавъ дьякамъ, знатный человѣкъ, по примѣру 1697 г., рисковалъ получить отъ имени царскаго строгое замѣчаніе, что «*онъ то учинилъ дуростью своею не гораздо; и такова безстрашія никогда не бывало*» (¹). На обязанности его лежало участвовать и въ придворныхъ маскарадахъ, заведен-

(¹) Изъ «Владим. Губ. Вѣдом.» за 1849 годъ.

ныхъ царемъ Иваномъ Грознымъ ([1]) и распространенныхъ Лжедмитріемъ. Надѣвъ свою *машкару* и преобразясь въ медвѣдя, козу, слѣпаго Лазаря, бойца или старуху, любимѣйшіе тогда костюмы, знатный человѣкъ ѣхалъ во дворецъ, гдѣ нерѣдко оставался до полуночи. Въ отсутствіе его, барскіе хоромы, къ утѣшенію домочадцевъ, не переставали полниться толпами наряженыхъ, съ лицами, выпачканными сажею, кирпичемъ и мѣломъ, съ усами, наведенными жженою пробкою, въ косматыхъ шапкахъ и вывороченныхъ шубахъ. А въ завѣтномъ теремѣ, оглашаемомъ подблюдными и святочными пѣснями сѣнныхъ дѣвушекъ, дочки-боярышни, подъ руководствомъ мамъ, бросали кольца и серьги въ блюдо съ водою, хоронили золото, лили воскъ.

Васильевъ вечеръ или *авсень*, канунъ новаго года нашего времени, справлялся въ теремахъ съ особенною торжественностію и слылъ важнѣйшимъ и удобнѣйшимъ временемъ для святочныхъ загадываній всякаго рода.

6 января знатный человѣкъ всегда участвовалъ на царскомъ выходѣ въ Успенскій соборъ и шествіи оттуда къ іордани, устроенной на Москвѣ рѣкѣ. Этотъ выходъ былъ однимъ изъ самыхъ торжественнѣйшихъ и всегда оканчивался поздравительною рѣчью одного изъ первенствующихъ бояръ. Въ этотъ день, болѣе нежели когда нибудь, щеголяло боярство своими драгоцѣнными шубами и величавыми горлатными шапками.

Масляничныя празднества ознаменовывались всеобщимъ пьянствомъ и ежедневнымъ *медвѣжиемъ полемъ* на льду Москвырѣки. Не только всѣ знатные люди, самъ государь присутствовалъ на этомъ полѣ или травлѣ, и лично указывалъ поить ге-

---

([1]) Царь самъ любилъ рядиться «въ преиспещренные машкары». Въ его придворномъ штатѣ были «рожечники», занимавшіеся рожечною стряпнею, то есть, дѣланіемъ масокъ, называвшихся до Ивана III *харями* и *рожами*, а съ Ивана III до Петра I *машкарами*. Дополн. къ истор. акт., I, стр. 199.

роевъ-бойцовъ виномъ изъ своего царскаго погреба. Эта награда, равно какъ и выдача отличившимся по партищу сукна или матеріи на кафтанъ, съ казеннаго двора, присуждались за слѣдующіе подвиги: одинъ «*тѣшилъ государя, билъ въ барабанъ и медвѣдя дразнилъ, и медвѣдь его дралъ*». Другаго «*на потѣхѣ дикой медвѣдь ѣлъ за голову и зубы ему выломалъ*». Третьяго «*медвѣдь дралъ и кафтанъ изодралъ и голову испробилъ*»; четвертый «*бился съ дикимъ медвѣдемъ и его-де медвѣдь ѣлъ и губы испортилъ и кафтанъ изодралъ*» (1).

Въ сыропустное воскресенье знатные люди, обоихъ половъ, получали по осетру или лососю, на заговѣнье, мужчины отъ царя, женщины отъ царицы. Въ тотъ же день, передъ вечернимъ кушаньемъ, государь, окруженный дворомъ, выходилъ въ крестовую патріаршую палату, садился тамъ на одну скамью, указывалъ патріарху другую, боярамъ и окольничимъ третью, устанавливалъ стольниковъ по лѣвую свою руку и въ такомъ порядкѣ происходилъ трогательный обрядъ *прощенія*. Нѣкоторымъ изъ знатныхъ людей доводилось тогда же слѣдовать за государемъ въ тюрьмы, гдѣ царская рука милостиво и щедро одѣляла узниковъ.

Въ субботу первой недѣли великаго поста, а иногда во вторникъ, знатные люди, вслѣдъ за царскимъ семействомъ, получали отъ каждаго изъ извѣстныхъ 35 московскихъ и другихъ монастырей, по хлѣбу, блюду капусты и кружкѣ квасу, что подносилось имъ монастырскими стряпчими (2).

Время великаго поста древняя русская аристократія проводила набожно, въ бесѣдахъ съ мужами духовными, частомъ богомысліи, непрерывномъ чтеніи священнаго писанія или пѣніи

---

(1) Приходо-расходныя книги казеннаго приказа.

(2) Архивъ оружейн. палаты, дѣла приказовъ дворцоваго вѣдомства. Можетъ быть, отъ этого сбора монастырскихъ стряпчихъ съ провизіею въ Москву и самое воскресенье первой недѣли великаго поста называется *сборнымъ*.

церковныхъ гимновъ. Когда кто могъ, неуклонно посѣщали храмы Божіи; и всѣ, безъ всякаго исключенія, держали постъ, строго соблюдая всѣ подраздѣленія его, законоположенныя въ церковномъ уставѣ.

Въ недѣлю ваій, то есть, въ вербное воскресенье, совершался достопамятный обрядъ *нарядной вербы*, отмѣненный при патріархѣ Адріанѣ. Каждый знатный человѣкъ, съ вербою въ рукахъ, ходилъ предъ государемъ въ торжественной процессіи, дѣйствовавшей между Успенскимъ соборомъ и церковью Василія блаженнаго, иначе—Покровскимъ соборомъ. Эта процессія, отправлявшаяся то съ одного, то съ другаго изъ двухъ означенныхъ пунктовъ, о чемъ сохранились разногласящія извѣстія, невсегда и въ подробностяхъ своихъ была одинакова. Извѣстно только, что въ головѣ ея, на огромныхъ дрогахъ, везли дерево, увѣшанное яблоками, винными ягодами и изюмомъ; по угламъ дрогъ сидѣли четыре юноши, въ бѣлыхъ одеждахъ, съ вербами, и возглашали осанна! За дрогами, крестнымъ ходомъ слѣдовало духовенство, потомъ царскій синклитъ, наконецъ государь въ коронѣ, поддерживаемый двумя сановниками, велъ за узду коня, на которомъ возсѣдалъ патріархъ, благословлявшій народъ, далѣе опять духовенство; наконецъ до 50 юношей, въ красныхъ одеждахъ, снимали съ себя кафтаны и полагали ихъ по пути патріаршему.

Въ среду страстной недѣли знатные люди собирались въ Успенскомъ соборѣ, куда государь выходилъ къ прощенію. Отсюда нѣкоторые сопровождали государя въ тюрьмы.

Въ великую пятницу, ночью, государь, съ самыми ближними людьми, снова посѣщалъ всѣ московскія тюрьмы, о чемъ пишетъ чужеземецъ, Самуилъ Коллинсъ.

Въ навечеріе свѣтлаго дня, послѣ полунощницы въ комнатѣ государевой, тамъ же происходилъ обрядъ *лицезрѣнія*, состоявшій въ томъ, что всѣ безъ исключенія знатные люди обязаны были явиться къ этому времени въ комнату, уда-

рить челомъ государю и видѣть его великаго государя пресвѣтлыя очи.

За тѣмъ начинался блестящій выходъ царскій въ Успенскій соборъ, къ заутрени. Свита государева ослѣпляла великолѣпіемъ одеждъ. Безъ золотнаго кафтана на плечахъ, ни одинъ человѣкъ не пропускался въ соборъ (¹), гдѣ бояре и окольничіе стояли за государемъ, а стольники въ *первыхъ рѣшеткахъ*.

Послѣ хвалитныхъ стихеръ заутрени, когда государь, приложась къ образамъ, христосовался съ патріархомъ и духовенствомъ, знатные люди дѣлали тоже и, цѣлуя патріарха въ руку, получали отъ него каждый три, два или одно яйцо, что зависѣло отъ степени ихъ званій. Потомъ направлялись къ государю, уже стоявшему на своемъ царскомъ мѣстѣ, и по старшинству своихъ степеней, заранѣе означенному въ длинномъ спискѣ находившагося тутъ же разряднаго дьяка, подходили къ государевой рукѣ и получали отъ его величества также по три, по два и по одному яйцу гусиныхъ, куриныхъ, точеныхъ деревянныхъ, росписныхъ по золоту травами (²).

Отъ заутрени знатные люди ходили за государемъ по другимъ соборамъ, шли *въ верхъ*, или во дворецъ; видѣли, какъ въ золотой или передней палатѣ государь жаловалъ къ рукѣ ихъ собратій, не бывшихъ по разнымъ службамъ въ церкви. Далѣе, слѣдовали въ столовую палату, гдѣ государь принималъ патріарха и духовенство; а оттуда, за государемъ же, въ золотую палату царицы, окруженной ея боярынями. Обождавъ, пока похристосуется съ царицею государь и благословятъ ее иконами патріархъ и духовенство, знатные люди били царицѣ челомъ и цѣловали руку ея, поддерживаемую двумя боярынями.

(¹) Золотный кафтанъ значилъ весьма много; безъ него нельзя было пробраться ко двору. Государи, чтобы не удалять отъ себя достойныхъ и знатныхъ людей, но бѣдныхъ, выдавали имъ золотные кафтаны съ казеннаго двора.

(²) «А въ травахъ птицы, звѣри и люди». Такія яица мастерили *травщики* окружейной палаты и нерѣдко троицкіе монахи.

Къ поздней обѣднѣ въ соборъ снова сбирался весь дворъ, сіявшій золотомъ и драгоцѣнными каменьями. Возвратясь съ государемъ во дворецъ, многіе изъ знатныхъ людей слѣдовали оттуда за нимъ же въ больницы и богадѣльни и, какъ въ день Рождества, приглашались къ царскому обѣденному столу, послѣ котораго государь, по обыкновенію, дарилъ патріарха.

Во второй день свѣтлаго праздника, государь, со всѣми знатными людьми, обходилъ кремлевскіе монастыри и подворья. Въ царствованіе Θеодора Алексѣевича, именно въ 1676 году, этотъ день назначенъ для цѣлованія государевой руки стольниками.

Въ среду св. недѣли, всѣ знатные люди должны были собираться въ золотую палату. Здѣсь государь торжественно принималъ подносимые ему духовенствомъ и купечествомъ дары, или поминки, состоявшіе въ золотыхъ монетахъ; причемъ даръ именитаго гостя Строгонова, обыкновенно, превышалъ стоимостію всѣ остальные, взятые вмѣстѣ. Подносчикомъ, или объявителемъ государю приносимыхъ поминокъ, всегда назначался одинъ изъ бѣднѣйшихъ знатныхъ людей, непремѣнно стольникъ; онъ получалъ отъ государя по рублю съ каждаго золотаго и по 10 р. съ каждой ширинки, въ которую были завернуты золотые.

Всѣ остальные дни св. недѣли, знатные люди объѣзжали съ государемъ московскіе мужскіе монастыри; а жены ихъ, съ царицею—женскіе.

Вообще, св. недѣля готовила для каждаго изъ членовъ аристократической семьи стараго времени что нибудь пріятное. Глава дома, знатный баринъ, былъ очень доволенъ обычаемъ, въ силу котораго ему, какъ человѣку начальному, подчиненные подносили золотые. Боярыня его могла разсчитывать, что царица, при христосованіи съ нею, *велитъ спросить ее о здоровьѣ*; а это почиталось тогда знакомъ величайшаго благоволенія. Наконецъ, дочки-боярышни съ восхищеніемъ катали яица на отцовскомъ дворѣ или, въ непогоду, въ теремѣ.

Въ семикъ, знатный человѣкъ непремѣнно слѣдовалъ за крестнымъ ходомъ къ убогимъ домамъ (1) и считалъ долгомъ совѣсти похоронить на свой счетъ нѣсколько безвѣстныхъ труповъ, во множествѣ накоплявшихся тамъ за зиму и ожидавшихъ отъ добрыхъ людей христіанскаго погребенія.

28 іюля, въ день крестнаго хода къ дѣвичьему монастырю и гулянья на тамошнемъ полѣ, шатеръ знатнаго человѣка необходимо долженъ былъ разбиваться не подалеку отъ царскаго и соотвѣтствовать блеску двора XVII вѣка.

Наконецъ, 1 августа, всѣ знатные люди спѣшили за государемъ въ Симоновъ монастырь, и многіе изъ нихъ удостоивались чести попасть въ *мовники*, то есть купаться съ государемъ тотчасъ по водоосвященіи.

Такъ зачинался и вершился годооборотъ русскаго знатнаго человѣка стараго времени.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о нашихъ старинныхъ аристократкахъ, до сихъ поръ упоминавшихся нами изрѣдка и вскользъ.

Женская половина древней русской аристократіи мало участвовала въ явленіяхъ, такъ или иначе наполнявшихъ жизнь мужчинъ. Прежнее затворничество русскихъ женщинъ обратилось, со времени татарскаго владычества, въ совершенную неволю; особенно между знатными, гдѣ женщина скорѣе могла быть удалена отъ личнаго вмѣшательства во всѣ мелочныя подробности хозяйственнаго быта. Азіатскіе вкусы, долго господствовавшіе въ Россіи, болѣе знакомой съ востокомъ, чѣмъ съ западомъ, поддерживали до самаго XVII вѣка теремный обычай барскихъ домовъ. Власть отца надъ дочерью и мужа надъ женою была почти неограниченна. Невѣста, до дня свадьбы, въ глаза не видывала жениха, котораго выбиралъ ей отецъ, нисколько не интересуясь согласіемъ или несогласіемъ дочери.

---

(1) На ихъ мѣстѣ стоитъ теперь московскій покровскій монастырь.

Жениху, допытывавшемуся у родителей невѣсты о достоинствахъ или красотѣ ея, хладнокровно отвѣчали: «спроси у людей, какова она». Чувство жениха, ничѣмъ не питаемое, едва ли было чувствомъ, когда онъ, даже и въ царскомъ быту, поддаваясь силѣ одного мгновенія и вліянію одного ловко или неловко брошеннаго взгляда, связывалъ судьбу свою съ другою. Хотите знать напримѣръ, какъ женился князь Владиміръ Андреевичъ, двоюродный братъ царя Ивана Грознаго?

«И мая въ 24 день смотрѣлъ царь и великій князь Иванъ Васильевичъ, всея Россіи, и князь Володиміръ Андреевичъ дѣвокъ, и полюбилъ дѣвку Авдотью Александрову, дочь Михайловича Нагова».

Вотъ и вся недолга. Не мудрено, что подобныя чувства быстро видоизмѣнялись. Можно думать, что почти правъ былъ Герберштейнъ, написавшій: *жена россіянка не увѣрена въ любви своего мужа, безъ частыхъ отъ него побоевъ*».

Замкнутость жизни нашихъ затворницъ была такова, что даже въ церковь ходили онѣ рѣдко и боялись показываться чернымъ людямъ. Сидя въ теремахъ, онѣ шили и пряли, не участвовали нисколько въ домашнемъ хозяйствѣ, не дѣлили почти никакихъ удовольствій своихъ мужей и отцовъ. Единственными развлеченіями ихъ было: въ стѣнахъ терема — слушать пѣсни сѣнныхъ дѣвушекъ и пѣть съ ними или внимать нескончаемой сказкѣ старой мамы; въ саду—качели; на дворѣ—катаніе яицъ въ дни пасхи. Грамотницы, встрѣчавшіяся между ними какъ исключенія весьма рѣдкія, читали священныя книги и переписывали ихъ для вкладовъ по церквамъ. Отцамъ никогда не приходило, да по понятіямъ и требованіямъ времени и не могло придти въ голову, — позаботиться о какомъ нибудь умственномъ развитіи дочерей, состоявшихъ въ полномъ вѣдѣніи мамы. Мужья, по самому образу отношеній своихъ къ женамъ, весьма ограниченныхъ, едва ли могли замѣчать въ нихъ этотъ недостатокъ, тѣмъ менѣе терпѣть отъ него. Общества, какъ при-

выкли мы понимать его, тогда не существовало. Стало быть, ни мужу, ни женѣ не приходилось краснѣть другъ за друга. Безучастіе во всемъ, не исключая и семейнаго быта, страдательная роль какого-то посредствующаго существа, какого-то орудія чего-то—вотъ что было первымъ и единственнымъ условіемъ отношеній русской аристократки XVI и XVII вѣковъ къ окружавшему ее міру, конечнымъ удѣломъ и безошибочно извѣстною будущностію каждой, выходившей въ замужство. Свадебные обряды ставили, конечно, лицомъ къ лицу оба пола. Но самая торжественность этихъ обрядовъ и ихъ публичность были такъ обязательны, что оба пола, именно, только встрѣчались. Никакой разговоръ между ними, никакой обмѣнъ мыслей, даже на лету, не имѣли мѣста: каждый шагъ, почти каждое тѣлодвиженіе присутствовавшихъ подчинялись извѣстнымъ правиламъ, которыхъ никто не дерзнулъ бы нарушить. При дворѣ повторялось тоже самое. Царицу окружали и царицѣ служили дворовыя и верховыя боярыни, казначеи, крайчія, постельницы. Всѣ онѣ, при безпрерывныхъ тогда церемоніяхъ и выходахъ, челобитьяхъ и лицезрѣніяхъ, постоянно наполняли росписанный золотомъ теремъ своей государыни; и каждая изъ нихъ находила въ этомъ теремѣ, видѣла въ этой царственной узницѣ полнѣйшее выраженіе всего того, на что и сама была осуждена въ своемъ семейномъ быту. И можетъ быть, не разъ невольно задумывалась молодая боярыня надъ тонкою пряжею, не разъ сбѣгала нежданная слеза на золотую нитку швеи-боярышни. Но едва ли которая нибудь изъ нихъ угадывала въ этихъ ощущеніяхъ души правдивый голосъ женскихъ инстинктовъ. И, вѣрно, обѣ онѣ, вздрогнувъ пугливо, отгоняли пѣснію смутную мысль — и не встрѣчались съ нею до новой думы, новой слезы...

Костюмъ боярыни того времени былъ слѣдующій: рубашка съ восьми-аршинными рукавами, которые забирались подъ кистями рукъ въ искусныя складки. *Ферезь* или *ферезея*, довольно

широкое платье безъ рукавовъ, застегивавшееся спереди и сходное съ сарафаномъ; сверхъ ферези *лѣтникъ*, шелковое платье съ рукавами, до локтя обшитыми парчею; наконецъ, *опашень*, кармазинное верхнее платье, съ рукавами до самой земли, съ золотыми или вызолоченными пуговицами, величиною иногда въ грецкій орѣхъ, и пришитымъ сзади капюшономъ, на дорогомъ мѣху, спускавшимся до половины спины. Тафтяная красная шапочка, съ бѣлымъ атласнымъ повойникомъ , чулки и коты съ высокими красными каблуками,—а со временъ Михаила Ѳедоровича голубые и алые короткіе сафьяные сапожки, вынизанные жемчугомъ,—дополняли костюмъ боярыни.

Выѣзжая куда нибудь зимою, боярыня закутывалась въ *картель* или шубу, подбитую соболемъ, горностаемъ и другими мѣхами. Лѣтомъ набрасывался атласный *лѣтникъ* съ *вошвами* или продольными вставками матерій другаго цвѣта.

Головнымъ уборомъ боярыни была, въ обоихъ случаяхъ, парчевая шапка, низанная жемчугомъ.

Если же боярынѣ случалось сопутствовать царицѣ на богомолье или прогулку, она отправлялась всегда верхомъ, въ бѣлой поярковой шляпѣ, обшитой тафтою тѣлеснаго цвѣта, лентами, золотыми пуговицами и длинными кистями, падавшими на плеча.

Боярышни, костюмъ которыхъ былъ одинаковъ съ описаннымъ выше, заплетали косу въ нѣсколько прядей, перевивая каждую шелковыми, золотыми и жемчужными нитками. Такая коса, заплетаясь отъ самой головы, закрывала всю шею и, постепенно съуживаясь, оканчивалась треугольнымъ матерчатымъ *косникомъ*, усѣяннымъ жемчугомъ. Домашній головной уборъ боярышенъ, называвшійся *лентою* и имѣвшій—отъ большой ширины верхняго края — видъ короны, состоялъ изъ широкой, связывавшейся назади шелковыми лентами, позументной повязки, съ жемчужными поднизьями.

Сбираясь въ гости, боярышня надѣвала черную лисью шап-

ку, по которой можно было отличать въ толпѣ и женщину бездѣтную.

Душегрѣи и тѣлогрѣи вошли въ употребленіе не раньше царствованія Алексѣя Михайловича, а шушуны, кафтаны и юпки—еще позже.

Богатыя золотыя серги, длиною до двухъ дюймовъ, съ рубинами и яхонтами; жемчужныя *запястья* или зарукавья, дѣлавшіяся и изъ драгоцѣнныхъ камней; кольца и перстни разнаго рода; наконецъ, *монисты* — все это составляло галантерейную часть убранства древней русской аристократки.

Не забудемъ *бѣлилъ* и *румянъ*, бывшихъ въ такомъ употребленіи, что не украшать ими лицо почитали за стыдъ даже старухи.

Въ заключеніе, намъ остается сказать про образованіе знатныхъ людей того времени. Познанія ихъ были не столько ограничены, какъ односторонни; всѣ они развивали и дополняли одинъ избранный предметъ — священное писаніе. Быть ученымъ, или, какъ говорили тогда, быть *книжникомъ* и *философомъ*—значило имѣть болѣе или менѣе обширныя познанія въ законѣ вѣры.

Ребенка-барича, послѣ азбуки, иногда на седьмомъ году возраста, заставляли учить *часовникъ*, вскорѣ за тѣмъ *псалтирь* и тотчасъ же *апостольскія дѣянія*. На восьмомъ году, онъ приступалъ уже къ *пѣнію* октоиха и *письму*. Необходимый курсъ наукъ его оканчивался *страшнымъ пѣньемъ* (1), изученіемъ обѣдни, заутрени и другихъ церковныхъ службъ, и десятилѣтній мальчикъ переставалъ быть ученикомъ. Далѣе, онъ занимался тѣмъ, на что̀ указывала ему собственная его любознательность. И чаще всего она устремлялась къ исторіи и философіи. Большая часть чужеземныхъ историковъ и греческихъ философовъ, непереведенныхъ на нашъ языкъ въ XIX вѣкѣ,

---

(1) Церковная служба страстной недѣли.

читалась и переводилась въ XVI вѣкѣ и позже. Философскія сочиненія Діонисія Ареопагита, творенія Ѳеодора Студійскаго, слова и бесѣды Василія Великаго, Іоанна Златоуста, Ефрема Сирина, разныя космографіи, хронографы, какое нибудь *описаніе царства Московскаго*, напримѣръ Гваннини, все это переводилось, переписывалось во множествѣ экземпляровъ, ходило по рукамъ до совершеннаго уничтоженія, было любимымъ чтеніемъ образованнѣйшихъ людей того времени и, нерѣдко, составляло библіотеку знатнаго человѣка. Кромѣ того, все, что интересовало тогдашнихъ любознательныхъ людей, усердно вписывалось въ многоразличные *сборники*, тѣмъ болѣе, что издававшіяся тогда въ Россіи книги были весьма рѣдки, а главное — назначались, и почти исключительно, для богослуженія. Составители и владѣльцы такихъ сборниковъ слыли, во мнѣніи своихъ современниковъ, людьми *навычными многимъ премудрымъ философскимъ наукамъ*.

Впрочемъ, уже при Борисѣ Годуновѣ изданы въ Москвѣ: *первая* русская ариѳметика и *первая* русская геометрія, да еще *первая* географія Россіи или «*Книга Большаго Чертежа*».

Что касается астрономическихъ свѣдѣній нашихъ предковъ или понятій ихъ *о небесныхъ бѣгахъ*, то эти свѣдѣнія находились въ младенческомъ состояніи; и первоначальные законы четырехъ временъ года разумѣлись весьма плохо. Тоже можно сказать и о знаніяхъ по отдѣлу естественныхъ наукъ. Степень космографическихъ сужденій, черпавшихся преимущественно изъ книгъ *бытейскихъ*, или моисеевыхъ, и доступныхъ только ученѣйшимъ людямъ того времени, всего лучше познается изъ слѣдующихъ опредѣленій Транквилліонова «*Зерцала Богословія*», книги, изданной въ 1618 году въ Почаевѣ и долгое время весьма уважавшейся: «*Огонь* (первый элементъ) есть вещество легкое, просвѣтительное, горѣносное, скороходное, согрѣятельное, сожигательное, сквозь вся видимая проходительное. *Земля* (четвертый элементъ) есть вещество холодное, исполненное

тьмы и черноты, и неподвижное. Она основана ни на чемъ и проч.»

Наконецъ, есть причины полагать, что, не считая монаховъ, и между знатными людьми того времени были лица, нечуждыя знакомства съ однимъ или двумя европейскими языками. Такъ думаютъ, напримѣръ, о бояринѣ Матвѣевѣ.

ГРАФИНЯ ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА ГОЛОВКИНА

И ЕЯ ВРЕМЯ.

(1701 — 1791).

Еще за полвѣка до рожденія Екатерины Ивановны началъ понемногу измѣняться старый порядокъ вещей на Руси и сталъ по стольку же расклеиваться механизмъ очеркнутаго въ нашемъ «Введеніи» прежняго быта русскихъ аристократовъ, — быта, подъ вліяніемъ котораго воспитывалось до-Петровское барство и находились люди, непосредственно связанные съ этимъ барствомъ. Многія новизны царя Алексія Михайловича, мысливпаго здраво и любившаго дѣло, предрасположивъ сына и преемника его, кроткаго Ѳедора, къ благоразумному уничтоженію мѣстничества, приготовили паденіе вѣковаго зданія русскаго барства, рухнувшаго во дни могучаго Петра.

Пользуясь — и постоянно кстати — начинаніями отца и брата, Петръ не могъ не понять, что затѣваемый имъ подвигъ государственнаго и общественнаго преобразованія долженъ былъ, прежде всего, коснуться высшаго класса русскаго общества. И на этотъ-то классъ всею силою царской воли обрушился Петръ, когда, высвободясь мало по малу изъ-подъ различныхъ вліяній, онъ увидѣлъ, что развитію и приложенію этой воли никто и ничто мѣшать не можетъ.

И онъ не ошибался.

Бунты кончились. Мятежные стрѣльцы уже не существовали. Кровь Нарышкиныхъ, Матвѣева, Долгорукихъ, Ромодановскихъ, Салтыковыхъ и другихъ, пролитая въ маѣ 1682 г., была отомщена рядомъ казней.

Властолюбивая и умная правительница Софія, ставъ монахиней *Сусанной*, искупала свое бурное прошлое келейнымъ уединеніемъ; такая же участь постигла и нѣсколькихъ безпокойныхъ царевенъ, сестеръ ея. Царица Евдокія, супруга Петра, не столько преступная, сколько не разумѣвшая своего царственнаго мужа, пострижена въ Суздалѣ и названа *Еленою*. Другая царица, мать Петра, добродѣтельная Наталія, стѣснявшая сына постояннымъ трепетомъ за его жизнь, кончила уже свою и лежала въ могилѣ. Еще раньше царицы Наталіи скончался братъ и соцарственникъ Петра, *скорбный главою*, Иванъ Алексѣевичъ. Наконецъ, не стало и послѣдней препоны нѣкоторымъ видамъ Петровымъ, послѣдняго — десятаго по счету — патріарха Адріана.

Сама судьба, какъ бы заранѣе готовившая Петра къ трудному подвигу, воспитала избранника своего въ школѣ опасностей и закалила духъ его рядомъ испытаній.

Обязанный первыми научными свѣдѣніями грамотѣю Зотову, потомъ — иноземцу Тиммерману и заохоченный къ преобразованіямъ другимъ иноземцемъ, смышленымъ Лефортомъ, Петръ достигнулъ теперь полнаго развитія силъ тѣлесныхъ и душевныхъ.

Передъ нимъ лежало необозримое поприще труда. И небоязненно вступалъ онъ на это поприще, окруженный такими пособниками, какъ ретивый Меньшиковъ, испытанный въ бояхъ Шереметевъ, правдивый Долгоруковъ, преданный Апраксинъ, усердный Стрѣшневъ, безкорыстный Прозоровскій, умный Куракинъ, ученый Брюсъ, неумолимый Ромодановскій, дѣятельный Головинъ и способный Головкинъ.

Исходъ XVII вѣка, — начало котораго безразлично сливалось со всѣми предшествовавшими вѣками бытія Россіи, а средина предвѣщала только могущее быть возрожденіе, — сталъ новою эрою русской жизни, свѣжимъ источникомъ русскаго государственнаго благоустройства.

Образовавъ регулярную армію и обезпечивъ навсегда систематическое кораблестроеніе въ своей землѣ, Петръ, пожавшій первые плоды того и другаго въ славномъ азовскомъ походѣ, поѣхалъ взглянуть и на чужія земли. Тамъ открылся ему новый міръ знаній, который положительно плѣнилъ свѣтлый и переимчивый умъ Петра.

По возвращеніи своемъ въ Россію, Петръ уже не могъ ни оставаться равнодушнымъ къ порядку вещей, видимому имъ на родинѣ, ни забыть видѣннаго за границею, и, сличая оба, рѣшился принять дѣятельныя мѣры къ уничтоженію несходствъ, существовавшихъ между его народомъ и европейскими, — несходствъ, становившихся въ его глазахъ невыгоднымъ отличіемъ русскихъ.

Послѣдовалъ рядъ указовъ. Съ трудомъ разбирая ихъ, наши прадѣды не вѣрили собственнымъ глазамъ: высшему классу общества повелѣлось обрить бороды [1], или ежегодно платить за нихъ сто-рублевую пеню; предписывалось навсегда сложить въ сундуки и предать забвенію прародительскіе терлики, ферези опашни и лѣтники, вмѣсто которыхъ носить: мужскому полу— верхнее платье саксонское и французское [2], а камзолы и нижнее—нѣмецкое; женскому же — нѣмецкое. Барскіе сынки, волею неволею, становились въ тѣ же гвардейскіе ряды, гдѣ нѣкогда самъ царь служилъ барабанщикомъ; или—напутствуемые горькими слезами по своему богобоязненныхъ родителей, отрыва-

(1) Алексѣй Семеновичъ Шеинъ—первый изъ русскихъ бояръ испыталъ дѣйствіе бритвы и явился безъ бороды.

(2) Первые иноземные кафтаны, введенные на Руси, были, съ 1700 г., *венгерскіе*.

лись отъ привычной голубятни, ѣхали въ басурманскую сторону и тамъ съ отвращеніемъ узнавали, что такое наука. Барыни получили свободу выходить изъ теремовъ на свѣтъ Божій и даже были *обязаны* бывать *вмѣстѣ съ дочерьми* въ потѣшномъ дворцѣ, при театральныхъ представленіяхъ, обращенныхъ Петромъ изъ придворныхъ увеселеній въ публичныя ([1]). Барышнямъ, осужденнымъ до того никогда не видать жениховъ и знакомиться только съ мужьями, разрѣшено смотрѣть на будущихъ спутниковъ жизни раньше свадебнаго ужина: имъ *дано право* выходить замужъ по собственной склонности. Даже узаконено: за шесть недѣль до свадьбы, быть сватовству и знакомству жениха съ невѣстою ([2]). Въ барскихъ домахъ исчезли толпы безполезныхъ слугъ, отправленныя на укомплектованіе войскъ; и запрещено употребленіе слова *холопъ* ([3]).

Призадумалось лѣнивое барство, обязанное вѣковѣчною службою отечеству, и возстенало о временахъ прошедшихъ.

Однимъ словомъ, наступили времена переходныя, всегда тяжкія для современниковъ. Понимая свой народъ, Петръ поворачивалъ дѣло круто и рѣшительно.

Царскіе указы, не забывавшіе малѣйшихъ подробностей даже домашняго русскаго быта, получались одинъ за другимъ въ отдаленнѣйшихъ краяхъ Россіи; историческая дубинка безошибочно отыскивала подлежавшихъ ея внушеніямъ; страхъ лишиться милости царской, навсегда потерять имущество, наконецъ дождаться чего нибудь еще худшаго, болѣе уменьшалъ число явныхъ старолюбовъ, и возбуждалъ къ прилежанію и труду не привыкшихъ трудиться баричей.

Среди такихъ коренныхъ переговоровъ внутренняго быта Россіи кануло въ вѣчность XVII столѣтіе, послѣдній годъ ко-

(1) Дѣянія Петра Великаго, собр. И. Голиковымъ. Изд. 1839 г. 2-е, т. II, стр. 9.

(2) Ук. 1702.

(3) 1702. Голик. II, 53.

тораго, освѣщенный заревомъ вспыхнувшей шведской войны и обагренный кровію нарвскаго пораженія русскихъ полковъ, оставлялъ въ наслѣдіе грядущему XVIII вѣку тяжелый подвигъ продолжительной борьбы съ Карломъ XII, и, вмѣстѣ, вѣрный залогъ будущаго преуспѣнія и величія отчизны Петровой, ставовившейся его созданіемъ.

И насталъ онъ, этотъ знаменательный въ русской жизни и исторіи XVIII вѣкъ.

Укрѣпясь союзами съ Даніею и Польшею, Петръ не замедлилъ порадоваться первымъ успѣхамъ русскаго оружія въ Прибалтійскомъ краѣ; канунъ новаго 1702 г. отпразднованъ славнымъ Шереметевымъ славною эррестферскою побѣдою надъ шведскимъ генераломъ Шлиппенбахомъ, одержанною 30 декабря ([1]), а осенью того же 1702 г. Петръ писалъ къ Апраксину: «Борисъ Петровичъ (Шереметевъ) въ лифляндахъ гостилъ изрядно, взялъ городовъ нарочитыхъ два ([2]), да малыхъ шесть; полону 12 т. душъ, кромѣ служивыхъ» ([3]). И въ ту же осень, послѣ жестокаго приступа, русское знамя водружено кн. Голицынымъ на твердыняхъ Нотебурга, названнаго, въ силу дальнѣйшихъ надеждъ Петровыхъ, Шлиссельбургомъ или Ключъ-Городомъ ([4]).

Въ ожиданіи государева пріѣзда, радовалась Москва, молебствуя за одержанныя побѣды. И въ то самое время, когда начальникъ столицы, князь-кесарь Θедоръ Юрьевичъ Ромодановскій, распоряжался приготовленіями къ тріумфальному пріему побѣдителей, Богъ посѣтилъ его семейною радостію. У сына его, князя Ивана Θедоровича, женатаго на Анастасіи Θе-

---

([1]) См. нашу статью, Артиллерія и Артиллеристы на Руси въ единодержавіе Петра Перваго». Артил. Журн. 1865.

([2]) Въ числѣ ихъ г. Маріенбургъ, гдѣ, между прочими, взята въ плѣнъ русскими Марта Сковорощанко, впослѣдствіи имп. Екатерина I.— Исторія царствованія Петра Великаго, Н. Устрялова.

([3]) Голик. II. 428.

([4]) Журналъ Петра Великаго.

доровнѣ Салтыковой, родной сестрѣ вдовы царя Ивана Алексѣевича, Прасковіи, родилась, 22 ноября, дочь, а ему кесарю, внука, княжна Екатерина, впослѣдствіи графиня Головкина.

Но такъ какъ первыя 15 лѣтъ жизни новорожденной княжны протекли въ домѣ и на глазахъ дѣда ея, то познакомимся съ личностію князя-кесаря, весьма оригинальною.

Князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій, сынъ князя Юрія Ивановича, любимца царя Алексѣя, былъ прямымъ потомкомъ Рюрика въ XXII колѣнѣ. Годъ рожденія его неизвѣстенъ. Какъ сынъ друга царскаго, князь Ѳедоръ Юрьевичъ съ малыхъ лѣтъ находился при дворѣ. Когда, въ 1672 г., праздновалось рожденіе царевича Петра Алексѣевича, то въ числѣ *десяти дворянъ*, приглашенныхъ къ родинному столу въ грановитой палатѣ, князь Ѳедоръ Юрьевичъ показанъ *первымъ*. Послѣ того онъ получилъ званіе ближняго стольника, которое и не переставалъ носить въ теченіе всей своей долгой жизни. Въ достопамятное утро 12 января 1682 г., когда разрядныя книги преданы огню, а мѣстничество забвенію, князь Ѳедоръ Юрьевичъ засѣдалъ въ царской думѣ, положившей такое разумное опредѣленіе. Нѣтъ сомнѣнія, что въ кровавый день 15 мая 1682 г. князь Ѳедоръ Юрьевичъ былъ очевидцемъ честной смерти двухъ Ромодановскихъ: его двоюроднаго дѣда, боярина князя Григорія Григорьевича съ сыномъ, бояриномъ же Андреемъ. Съ первыхъ лѣтъ правленія Петрова, князь Ѳедоръ Юрьевичъ *вѣдалъ* Преображенскій приказъ,—страшное мѣсто допросовъ и пытокъ, учрежденное при царѣ Грозномъ, по временамъ отмѣняемое и возстановляемое, существовавшее, по необходимости, и во дни незлобиваго Алексѣя, — пользовался особеннымъ довѣріемъ юнаго Петра, и былъ однимъ изъ ближайшихъ его совѣтниковъ. Въ 1689 г., когда мятежная Софія была заключена въ Московскій Новодѣвичій монастырь, Ромодановскому, какъ мужу твердому и строгому, ввѣренъ надзоръ за нею ([1]). Несогласія кня-

([1]) Гол. I, 65.

зя Θедора Юрьевича съ Иваномъ Ивановичемъ Бутурлинымъ, возникшія съ 1692 г. за порубежныя владѣнія обоихъ, по берегамъ Хапиловской рѣчки (¹), были поводомъ извѣстнаго Кожуховскаго похода 1694 г., при чемъ князь Θедоръ Юрьевичъ, облеченный въ званіе генералиссимуса, предводилъ регулярною арміею, а Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, упрямый поборникъ старины, стрѣльцами. Выступивъ торжественно изъ Москвы въ предшествіи 20 стольничьихъ ротъ и послѣдуемый полезными людьми, князь Ромодановскій, послѣ трехнедѣльныхъ маневровъ, одержалъ верхъ надъ Бутурлинымъ, чѣмъ и доказано на дѣлѣ превосходство новой военной системы надъ старою. Привѣтствованный, какъ побѣдитель, салютаціонной пальбою своихъ полковъ, генералиссимусъ задалъ великолѣпный пиръ всѣмъ участвовавшимъ въ маневрахъ лицамъ—и тѣмъ окончился походъ. Съ этого времени, Петръ, въ письмахъ своихъ къ Ромодановскому, именовалъ себя «*бомбардиромъ его пресвѣтлѣйшества генералиссимуса*». Въ 1697 г., при первомъ отъѣздѣ царя за границу, Ромодановскій, не смотря на скромное званіе ближняго стольника, получилъ предсѣдательство въ пятигласномъ совѣтѣ, назначенномъ, въ отсутствіи Петра, править государствомъ, и тогда же возведенъ въ небывалый санъ *князя-кесаря*, съ титуломъ *величества*, чѣмъ и пользовался всю жизнь, сохраняя званіе ближняго стольника. Въ этомъ году, Петръ писалъ къ нему многія письма изъ Амстердама и Гаги, донесеніями извѣщая князя Θеодора Юрьевича о разныхъ своихъ распоряженіяхъ. Въ слѣдующемъ 1698 г., князь Θеодоръ Юрьевичъ оказалъ Петру важную услугу, не допустивъ развиться бунту, затѣвавшемуся Софьею въ самой столицѣ, и принявъ дѣятельныя мѣры противъ стрѣльцовъ, самовольно двинувшихся къ Москвѣ съ литовской границы, бывшей тогда у г. Великихъ-Лукъ, гдѣ, въ видѣ ссылки, находились они со времени перваго

(¹) Кожух. походъ (Современное описаніе).

мятежа, подъ командою князя Михаила Григорьевича Ромодановскаго, родственника князя-кесаря. Гордонъ и Шеинъ, въ самый Духовъ день, встрѣтили и разбили шестнадцати-тысячный корпусъ мятежниковъ у Новаго Іерусалима, а за тѣмъ прискакалъ изъ Вѣны и самъ Петръ, извѣщенный объ опасности княземъ Ѳедоромъ Юрьевичемъ. Въ допросной коммиссіи, наряженной надъ стрѣльцами, вины ихъ «разыскивалъ» князь-кесарь. Коммиссія кончилась постриженіемъ Софіи, казнію двухъ тысячъ мятежниковъ и уничтоженіемъ самаго имени стрѣльцовъ. Замѣтимъ кстати, что князь Ѳедоръ Юрьевичъ, еще до пріѣзда Петра изъ Вѣны, получилъ царскій выговоръ за то, что, предотвративъ бунтъ въ самой Москвѣ, не сдѣлалъ надлежащаго розыска; а родственникъ его, князь Михаилъ Григорьевичъ Ромодановскій, послѣ нѣсколькихъ очныхъ ставокъ съ стрѣльцами, былъ даже сосланъ въ свои деревни подъ стражею. Въ 1699 г., въ одну изъ троекратныхъ поѣздокъ Петра въ Воронежъ, князь-кесарь слѣдовалъ за нимъ, оставя намѣстничество свое въ Москвѣ князю Михаилу Алегуковичу Черкаскому (1). Одно изъ царскихъ писемъ этого же года князь Ромодановскій получилъ съ надписью: «Вашъ нижайшій подданный, Piter Schiptimer mann» (2). Въ 1700 г., отпраздновавъ съ царемъ первый январскій годъ (3), князь Ѳедоръ Юрьевичъ, какъ начальникъ Москвы, занимался сборомъ денегъ съ обывателей на заготовленіе матеріаловъ къ первому мощенію московскихъ улицъ, а по другому указу царскому, уничтожилъ обычай писанія и совершенія крѣпостныхъ актовъ среди Ивановской площади въ Кремлѣ. Въ 1701 г., послѣ жестокаго пожара, опустошившаго Москву въ Петровъ день, князю Ѳедору Юрьевичу прибавилось новое дѣло—отстроивать ввѣренную ему столицу.

(1) Гол. I. 606—613.

(2) Гол. II. 613.

(3) Всѣ женщины обязаны были на это празднество явиться къ столу въ нѣмецкихъ платьяхъ.

Кромѣ завѣдыванія Преображенскимъ приказомъ, князь-кесарь, получившій, съ 1703 г., въ управленіе свое приказы Аптекарскій и Сибирскій, постоянно распоряжался снабженіемъ арміи артиллеріею, лилъ пушки, заготовлялъ снаряды, наконецъ судилъ и рядилъ Москву, производилъ въ чины, принималъ, возсѣдая на тронѣ, рапорты, и выслушивалъ почтительныя рѣчи самого царя, надписывавшаго письма свои къ нему не иначе, какъ «min her kenig или siir». Наружное почтеніе, которымъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, Петръ окружалъ угрюмаго кесаря, переходило почти въ злую насмѣшку. На свадьбѣ какого нибудь придворнаго шута, напримѣръ, Шанскаго, въ февралѣ 1702 г., тотъ же князь Ѳедоръ Юрьевичъ и по волѣ того же Петра, наряжался въ старинную одежду и изображалъ царя, въ компаніи старухи Бутурлиной, одѣтой царицею.

Потому-то и улыбаешься невольно, читая Страленберговы (¹) укоры царю въ предоставленіи подданному власти стѣсняющей власть царскую.

Каковъ же былъ, въ настоящемъ случаѣ, выборъ Петра? Поборникъ въ душѣ старыхъ обычаевъ, человѣкъ съ характеромъ грубымъ и тяжелымъ, съ сердцемъ жестокимъ, съ умомъ не просвѣщеннымъ, но великій мастеръ выпить и художникъ въ розыскѣ самыхъ мудреныхъ дѣлъ, князь Ромодановскій отличался непреложною вѣрностію своему государю, неподкупною душою и страстною любовію къ истинѣ, во имя которой онъ не щадилъ никого и ничего. Верховный судія Москвы, князь Ѳедоръ Юрьевичъ былъ грозою стрѣльцовъ и преступниковъ, дрожавшихъ отъ одного его взгляда или при малѣйшемъ звукѣ его голоса. По преданію въ преображенскихъ сибиркахъ Ромодановскаго, арестантовъ караулила медвѣдица — стражъ, отъ котораго трудно уйти. Въ особенности каралъ

(¹) Секретарь цесарскаго посольства, въ Москвѣ, 1698.

князь-кесарь разбойниковъ: цѣлыми сотнями умирали они, повѣшенные, по приказанію его, за ребра.

Необщительный и суровый въ обращеніи, Ромодановскій серживалъ, какъ видно, и самого царя: «*съ дѣдушкой нашимъ*, какъ съ чортомъ вожусь—писалъ Петръ къ Апраксину — и не знаю, что съ нимъ дѣлать».

Какъ бы то ни было, этотъ *дѣдушка*, полный, высокій мужчина, съ полусѣдыми усами, неизмѣнно вѣрный русскому кафтану въ галунахъ, всегдашній поклонникъ простыхъ щей и кулебяки съ какимъ нибудь угремъ, предшествуемыхъ хорошимъ кубкомъ доброй перцовки, отличный знатокъ въ столѣтнихъ медахъ и помѣщикъ многихъ тысячъ душъ, былъ, по особому снисхожденію Петра, послѣднимъ представителемъ стараго допетровскаго барства. Хотя въ просторныхъ хоромахъ своихъ, стоявшихъ неподалеку отъ Преображенскаго приказа (¹), кн.-кесарь и являлся радушнымъ хозяиномъ, но самое радушіе его выражалось въ какихъ-то дикихъ формахъ. Такъ, напримѣръ, широко растворялись званому и незваному тесовыя ворота Ромодановскаго: но всѣ и каждый, не выключая и самого государя, обязывались: оставя у этихъ воротъ верховыхъ коней своихъ, колымаги и одноколки, брести пѣшкомъ чрезъ дворъ его кесарскаго величества, какъ бы ни былъ онъ грязенъ. Каждый гость, по вступленіи въ домъ, приглашался выпить перцовки; но эту перцовку подносилъ, на золотомъ блюдѣ, ручной медвѣдь—и безцеремонно вцѣплялся въ парикъ гостя, отказывавшагося отъ угощенія. Вообще же, кн.-кесарь, внушавшій большинству одно чувство страха и пользовавшійся заказнымъ уваженіемъ толпы, жилъ, по тому времени, роскошно, и удивлялъ москвичей великолѣпіемъ соколиной охоты своей, когда, въ осеннее время, задумывалъ потѣшиться ею въ Коломенскихъ и Измайловскихъ рощахъ,—о чемъ мы скажемъ впослѣдствіи.

(¹) Дневн. кам.-юнк. Беркгольца.

Таковъ былъ дѣдъ новорожденной княжны, пресловутый князь-кесарь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій, оригинальная забава Петра, женатый на *Евдокіи Васильевнѣ*, фамилія которой не сохранилась потомству, а годъ смерти никому неизвѣстенъ.

О сынѣ князя-кесаря и отцѣ княжны, ближнемъ стольникѣ *Иванѣ Ѳедоровичѣ*, при жизни самого кесаря, упоминается чрезвычайно рѣдко. Но извѣстно, что въ сентябрѣ 1698 года онъ засѣдалъ вмѣстѣ съ отцомъ въ допросной коммиссіи, разыскивавшей стрѣлецкія вины. Петръ, возвысившій отца на небывалую степень, соотвѣтственно тому почиталъ и сына. Государево письмо къ князю-кесарю изъ Кіева, отъ 21 іюля 1706 г., оканчивалось такъ: «при семъ поздравляю вашему величеству тезоименитствомъ сегодня вашего сына, а нашего государя, царевича и великаго князя Іоанна Ѳеодоровича, про котораго́ здравіе чашу заздравную вашъ государевъ дядя, преосвященный Мишура (¹), всѣмъ раздавалъ. Сіе извѣстя, Piter».

Кромѣ сына, у князя-кесаря было двѣ дочери: *Ирина*, вышедшая потомъ за Вас. Вас. Шереметева, и *Ѳедосья*, первая жена извѣстнаго Авраама Ѳедоровича Лопухина, брата несчастной царицы Евдокіи, счастливаго не болѣе своей сестры.

И такъ, княжна Екатерина Ивановна явилась въ міръ со всѣми предзнаменованіями счастія: ее, внуку именитаго дѣда, дочь богача-отца, близкую родную царскаго семейства, казалось, ожидали всѣ блага жизни. Первые звуки, коснувшіеся младенческаго слуха ея, были побѣдные клики соотчичей. Въ первые же дни, колыбель ея сотряслась отъ пушечной пальбы, колокольнаго звона, барабаннаго боя, громовой музыки и возгласовъ радостнаго народа: то счастливый Петръ тріумфально вводилъ въ Москву свои побѣдоносные полки (²), уже страш-

---

(¹) Кн. Мих. Григ. Ромодановскій, сынъ боярина кн. Григ. Григ., убитаго 15 мая 1682 г.

(²) 6 дек. 1702 г.—Голик. II, 65.

ные не страшнымъ отнынѣ Шведамъ. Прошло еще полгода — и тотъ же Петръ, объ руку съ тою же побѣдой, изъ развалинъ съ боя взятаго Ніеншанца, воздвигалъ на непривѣтныхъ болотахъ Петербургъ,—городъ, въ которомъ суждено было теперешней малюткѣ княжнѣ отвѣдать и счастія и горя, и блистать и померкнуть.

Княжна начинала жить.

Русскія арміи, обшиваемыя въ Москвѣ дѣдомъ малютки-княжны, вырывали изъ рукъ самоувѣреннаго Карла лавръ за лавромъ, низлагая къ ногамъ Петровымъ, городъ за городомъ. Послѣднія надежды недруговъ Петра умерли со смертію царевны-схимницы Сусанны. Воздвиглись и улеглись бунты въ Астрахани и на Дону, давъ новую пищу дѣятельности князя-кесаря, страстнаго къ розыскамъ. Пронеслось новое гоненіе на старомодное платье, батогами (¹) разразилось другое надъ нѣкоторыми упрямыми бородами, безъ церемоніи выбиты палками баричи, опоздавшіе на царскій смотръ къ указному сроку. На Украйнѣ хитрилъ и мудрилъ гетманъ Мазепа, облитый кровію вѣрнаго Кочубея «съ товарищи». Отважный Карлъ искалъ дорогу къ Москвѣ, забрелъ, разсчитывая на измѣнника гетмана, къ мирной Полтавѣ, облегъ всею арміею ничтожные валы ея, морилъ голодомъ мужественнаго Келлина съ горстію воиновъ.—

«И грянулъ бой, полтавскій бой».

Княжнѣ минуло семь лѣтъ.

По общему порядку вещей, этому возрасту княжны должны были принадлежать и первыя воспоминанія ея. Естественно, что между ними въ дѣтской головкѣ ея глубже всего напечатлѣлись московскія празднества, сопровождавшія полтавскій разгромъ шведовъ.

Двѣ лѣтнія и двѣ зимнія недѣли одного и того же 1709 г. торжествовала Москва. Едва получились въ іюлѣ побѣдныя

(¹) Батоги — деревянныя палки, длиною въ $^3/_4$ аршина и толщиною въ палецъ.

вѣсти изъ Полтавы, загудѣли колокола московскихъ сорока сороковъ, начались угощенія народныя, пошли непрерывные пиры—то у девятнадцатилѣтняго царевича Алексѣя Петровича, жившаго тогда въ столицѣ, то у дѣда княжны, князя-кесаря; каждый вечеръ иллюминовался весь городъ разноцвѣтными огнями. Княжна не могла не запомнить, какъ передъ домомъ дѣда ея еженочно зажигалась прозрачная картина, изображавшая царскій портретъ, съ надписью:

Непобѣдимѣйшему и счастливѣйшему
ИМПЕРАТОРУ
ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ
Князю изящнѣйшему
Благочестивому и благополучному
Который собственною храбростію
Всѣхъ шведовъ
При Полтавѣ и Бористенѣ (1)
Разрушилъ
Дня XXVII іюнія MDCCVIIII (2)

Въ ночь на 13 декабря, государь, успѣвшій, послѣ полтавскаго дня, побывать и въ Польшѣ, и въ Петербургѣ, пріѣхалъ въ подмосковное село Коломенское, въ окрестностяхъ котораго были расположены тысячи плѣнныхъ шведовъ. Утромъ, 13 декабря, отправились поклониться его царскому величеству всѣ московскія власти и обѣдали съ царемъ на берегу Москвы рѣки, у дворцоваго приказчика. Въ Коломенскомъ царь прожилъ съ недѣлю, ожидая прибытія Меншикова и занимаясь распорядкомъ тріумфальнаго вступленія въ Москву.

Столица готовилась къ тому же, забывъ недавній пожаръ, поразстроившій ее въ августѣ. Хозяева домовъ, расположенныхъ по пути тріумфальнаго шествія, хлопотали о построеніи передъ жильемъ своимъ *знаковъ радостныхъ* и заботились о из-

(1) Древнее названіе р. Днѣпра.
(2) Голик. XI, 269.

готовленіи прозрачныхъ картинъ. Хозяйки запасали яства и напитки, намѣреваясь выставить тѣ и другіе къ воротамъ, для шествующихъ воиновъ, всѣхъ желающихъ, и особенно, нищихъ. *Семь* тріумфальныхъ воротъ, воздвигнутыхъ усердіемъ гражданъ различныхъ классовъ, были уже готовы и, изукрашенныя надписями и эмблемами, ожидали царя-побѣдителя. Великолѣпнѣйшія возвышались на Красной площади. Князь-кесарь повѣстилъ плѣнныхъ шведовъ, что и они должны участвовать въ шествіи, пѣшіе и безъ шпагъ,—такъ точно, какъ были проведены чрезъ весь Стокгольмъ, девять лѣтъ тому назадъ, русскіе, вѣроломно захваченные подъ Нарвою, — и утромъ, 18 декабря, весь кортежъ собрался къ Серпуховскимъ воротамъ.

Шествіе тронулось, но было прервано радостною вѣстію: Петру родилась дочь, царевна Елисавета, будущая императрица всероссійская. Вмѣсто предположенной церемоніи, государь поспѣшилъ въ соборъ благодарить Бога, потомъ — во дворецъ, къ царицѣ и новорожденной царевнѣ. Шествіе, на этотъ разъ отсроченное, состоялось 21 декабря.

Къ утру этого дня, достопамятнаго въ лѣтописяхъ Москвы, улицы, крыши, заборы, каждое окно по пути шествія, — все было наполнено массами любопытныхъ. Сотни тысячъ глазъ смотрѣли въ направленіи Серпуховскихъ воротъ.

Въ 8 часовъ утра двинулось оттуда шествіе, открываемое блестящими мундирами трубачей и литаврщиковъ, ѣхавшихъ на богато убранныхъ коняхъ. Началась непрерывная пушечная пальба, разнесся въ воздухѣ торжественный гулъ колоколовъ. Восхищенный народъ любовался на побѣдоносные полки, проходившіе въ стройномъ порядкѣ; заглядывался на ѣхавшихъ тамъ и тамъ генераловъ, окруженныхъ блестящими штабами; любопытно слѣдилъ за группою плѣнныхъ шведскихъ министровъ и военачальниковъ, сопровождавшихъ историческіе носилки своего короля, покинутые героемъ въ бѣгствѣ съ поля битвы; радостно считалъ стяжанные соотчичами шведскія пуш-

ки, знамена, другіе трофеи и — потерялъ счетъ болѣе чѣмъ 20 тысячамъ плѣнныхъ, слѣдовавшихъ по 4 человѣка въ рядъ. Сзади всѣхъ, имѣя при себѣ только дежурнаго генералъ-адъютанта, ѣхалъ Петръ, въ полтавскомъ мундирѣ и простреленной шляпѣ. *Здравствуй, государь, отецъ нашъ!* гремѣло ему на встрѣчу и во слѣдъ. Шествіе направлялось къ Кремлю. Погода была прекрасная. Вечеромъ весь городъ освѣтился иллюминаціей, всюду загорѣлись прозрачныя картины.

Всего этого не могла не видѣть и забыть княжна Ромодановская.

На другой день, въ деревянномъ дворцѣ, только что выстроенномъ на царицыномъ лугу, происходила новая церемонія. Князь-кесарь, сидя на возвышенныхъ креслахъ, подъ балдахиномъ, торжественно выслушивалъ словесные рапорты Шереметева, Меньшикова и Петра—и передавалъ письменные, стоявшему, сзади будущему свату своему, канцлеру Головкину.

Вотъ что говорилъ кесарю *полковникъ гвардіи* ([1]) Петръ Алексѣевичъ:

«Божію милостію, и вашего кесарскаго величества счастіемъ, въ прошломъ 1708 года 28 сентября имѣлъ я жестокое сраженіе подъ Лѣснымъ съ генераломъ Левенгауптомъ, одержалъ полную побѣду надъ арміею его, состоявшею болѣе нежели въ 16 тысячахъ природныхъ и опытныхъ шведовъ, меньшимъ числомъ войска, и изъ всей сей шведской арміи малое только спаслось число, прочіе же всѣ побиты и плѣнены со всѣмъ ихъ обозомъ и артиллеріею, а при полтавской баталіи сражался я съ полкомъ моимъ лично, былъ въ великомъ огнѣ; и нынѣ плѣнные генералы съ ихъ фельдмаршаломъ и войска шведскаго 22,185 человѣкъ приведены въ Москву, и полкъ мой состоитъ въ добромъ здоровьѣ» ([2]).

([1]) Этотъ чинъ *объявилъ* Петру князь-кесарь.

([2]) Голик. XI, 368.

Затѣмъ, князь-кесарь, благосклонно принявъ представленныхъ ему и *ударившихъ челомъ* знатныхъ плѣнныхъ, по похвальному обычаю того времени, задалъ побѣдителямъ и побѣжденнымъ роскошный обѣдъ, болѣе чѣмъ на тысячу кувертовъ, который онъ кушалъ подъ своимъ балдахиномъ самъ — пятъ (1).

Подобныя торжества, сопровождаемыя наградами побѣдителямъ и милостями преступникамъ, не прерывались во всѣ наступившіе святки. Петръ, со всею плеядою своихъ главнѣйшихъ сподвижниковъ, ежедневно пировалъ у кого нибудь изъ вельможъ, и, нѣтъ сомнѣнія, что въ домѣ кесаря не забывалъ приласкать ребенка-княжну.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Миновала година прутскаго несчастья (1711), явившая во всей доблести рыцарскія свойства Петра и любовь къ новой отчизнѣ въ царственной супругѣ его, лифляндкѣ изъ-подъ Маріенбурга. Выборгъ, Рига, Перновъ, Динаминдъ, Кексгольмъ, Аренсбургъ, Ревель, Нейшлотъ, Абовъ — присоединились къ взятымъ прежде Ніеншанцу, Ямбургу, Копорью, Дерпту, Нарвѣ, Иванъ-городу, такъ что вся Лифляндія, вся Корелія и часть Финляндіи были уже въ рукахъ Петра. Свершилась и первая *морская* побѣда русскихъ: шаутбенахтъ (2) Петръ *лично* одержалъ ее 27 іюля 1714 г. при Гангудѣ, плѣнивъ *девять* судовъ съ предводителемъ шведовъ и всѣмъ экипажемъ, за что князь-кесарь объявилъ ему новый чинъ, словами: «*Здравствуй, вице-адмиралъ*» (3). Петербургъ, основаніе котораго упрочилось Полтавою, росъ не по днямъ, а по часамъ, вышелъ изъ тѣсныхъ предѣловъ Петербургскаго

(1) Ромодановскій пригласилъ подъ свой балдахинъ Петра, Шереметева, Меньшикова и Головкина.

(2) Шаутбенахтъ — тоже, что контръ-адмиралъ.

(3) Извѣщая министровъ и другія лица объ этой побѣдѣ, Петръ оканчивалъ письма такъ: «сею *николи* у насъ бывшею викторіею, вамъ поздравляемъ». Голик. V, 242.

острова, силился обнять всѣ извороты Невы — и, въ 1710 г., весело отпразднована въ немъ свадьба государевой племянницы, царевны Анны Ивановны ([1]), будущей императрицы всероссійской, съ герцогомъ курляндскимъ. А годъ спустя, за границей, въ Торнау, женился на вольфенбиттельской принцессѣ *Шарлоттѣ* сынъ государя, царевичъ Алексѣй, которому судьба готовила невеселую будущность. Между тѣмъ, Москва, какъ водится, горѣла раза два-три. Государь, неутомимый и дѣятельный, являлся, почти въ одно и тоже время, и хозяиномъ въ своихъ столицахъ, древней и возраждавшейся, и побѣдителемъ въ Помераніи, и мирнымъ паціэнтомъ на водахъ Карлсбадскихъ. Россія охотнѣе и охотнѣе шла путемъ указанныхъ ей преобразованій, и жители отдаленныхъ предѣловъ ея не столбенѣли отъ ужаса, — какъ прежде, слыша, что русскія боярыни и боярышни, одѣтыя во французскія платья, выплясываютъ во дворцѣ съ гвардейцами, подъ нѣмецкую музыку. Отыскивались вольнодумцы, тихонько подсмѣивавшіеся надъ бородачами. Изрѣдка оказывались, кое-гдѣ, потаенные поклонники всего французскаго. Являлись юноши, поглядывавшіе съ сознательною завистью на сверстниковъ, отправляемыхъ за море, по указу. Учрежденъ *Сенатъ*, родились слово и значеніе *губерніи*. Заграничная торговля расположилась въ Петербургѣ, какъ у себя дома. Потомство «дѣдушки русскаго флота», подъ сѣнію обнесеннаго земляными валами Петербургскаго адмиралтейства, плодилось неимовѣрно. Морская академія зачиналась. Явилась мысль объ учрежденіи *училищъ* собственно *для благороднаго юношества* — и выразилась въ одномъ изъ указовъ 1714 г. При архіерейскихъ домахъ возникали неслыханныя *ариѳметическія* и *геометрическія школы*. Геодезисты, разсѣясь по всѣмъ концамъ Россіи, чертили какія-то невиданныя ландкарты. Россія переставала быть *Московіею* и училась, — всему училась.

Училась и наша княжна.

([1]) По матери, двоюродная сестра княжнѣ Ромодановской.

Чему, какъ? Отвѣчать на это не совсѣмъ легко.

Для приблизительнаго рѣшенія *перваго* вопроса, мы имѣемъ только одно основаніе: извѣстіе Бантыша-Каменскаго, записанное имъ «по словесному преданію». Этотъ почтенный изыскатель заслугъ «Достопамятныхъ людей русской земли» утвердительно говоритъ, что княжна — потомъ графиня — была «отлично воспитана» ([1]), ни однимъ словомъ не объясняя, *что* знала она и *въ чемъ* состояло ея «*отличное воспитаніе*».

Судя по прекраснымъ свойствамъ души Екатерины Ивановны, чаще слѣдствіямъ «отличнаго» воспитанія, мы расположены *вѣрить* Бантышу.

Но поименовать науки, преподававшіяся внучкѣ князя-кесаря Ромодановскаго, опредѣлить объемъ и степень ея познаній, можно не иначе, какъ соображаясь съ общими чертами воспитанія аристократокъ *того времени*, чертами трудно уловимыми. Мы сказали уже, въ «предисловіи» къ настоящему очерку, что даже объ аристократкахъ нашихъ источники говорятъ мало. О способѣ же воспитанія ихъ и самомъ воспитаніи — менѣе, нежели мало.

Нечего и говорить, что отвѣтъ на то́, *какъ* училась Ромодановская и у кого, едва ли знаетъ и узнаетъ кто нибудь.

Слѣдовательно, мы поставлены въ необходимость—ощупью бродить во мракѣ прошлаго. Признаемся заранѣе, что не ошибаться — нельзя.

Согласившись съ Бантышемъ, что Екатерина Ивановна получила воспитаніе *отличное*, разсмотримъ, въ чемъ могло состоять оно для аристократки временъ Петра I, что̀ входило въ кругъ ея знаній.

Главнымъ основаніемъ этихъ знаній и началомъ премудрости полагался, разумѣется,—«*Букварь*». Въ этомъ родѣ лучшимъ сочиненіемъ считалась тогда книга *Вас. Бурцова*, издававшаяся четыре раза: «*Букварь языка словенска, сирѣчь на-*

([1]) Слов. Бант.-Кам. II, 117.

чало ученія дѣтямъ», съ молитвами. Познакомясь съ Бурцовымъ, можно было употреблять, для практики, «*Молитвословецъ Повседневный*», что̀, обыкновенно, и дѣлалось. Затѣмъ, ученица-аристократка — къ тому, не каждая—приступала къ письму, и раскрывала «*Букварь славенороссійскихъ письменъ*» (1), іеромонаха Истомина, изданіе, въ которомъ каждая начальная буква изображалась въ видѣ человѣческой фигуры. Курсъ русскаго языка, тогда еще не бывшаго *русскимъ*, оканчивался, для избранницъ, «*Грамматикою россійскою, съ руководствомъ къ грамматикѣ славенской*» (2), Лудольфа.

Математическія свѣдѣнія дѣвицъ тогдашняго времени, весьма сомнительныя, могли черпаться изъ «*Краткаго и полезнаго руковеденія въ Ариѳметику*» (3), Копіевскаго, или только-что изданной въ Петербургѣ «*Книги считанія удобнаго*» (4), обѣщавшей возможность *безъ труда познати* цѣну и мѣру вещей.

Къ историческому образованію охотницъ служили руководствами только-что изданныя тогда книги: «*Ѳеатръ или зерцало монарховъ*» (5), пер. съ греческаго почтеннаго Беклемишева;- переводъ Квинтовой «*Исторіи о Александрѣ, царѣ Македонскомъ*» (6); «*Исторія раззоренія Трои, столичнаго города фригійскаго царства*» (7) Ѳеофанова, «*Родословная великихъ князей и царей россійскихъ до Петра*», съ гравированнымъ портретомъ каждаго, издана не ранѣе 1717 г.

Географическія познанія добывались изъ книги: «*Географія*, или «*Краткое земнаго круга описаніе*».

---

(1) Изд. 1694 г.
(2) Изд. Оксфордское 1696.
(3) Изд. 1699.
(4) — 1714.
(5) — 1701.
(6) — 1709.
(7) — 1709.

По пріобрѣтеніи такихъ разностороннихъ свѣдѣній, *отлично воспитываемой* аристократкѣ оставалось укрѣплять свои религіозныя вѣрованія и развивать литературные вкусы.

И то и другое могло быть болѣе или менѣе достигаемо перелистываніемъ, между дѣломъ и бездѣльемъ, слѣдующихъ книгъ: «*Маргаритъ*», собраніе поученій Златоуста; «*Перло Многоцѣнное*» ([1]) Транквилліона; «*Слава торжествъ и побѣдъ*» великаго государя Петра Алексѣевича, *вкратцѣ списанная стихами поэтыцкими*», Копіевскаго; «*Политиколѣпная Апоѳеозисъ*, по случаю побѣды полтавской», архим. Туробойскаго.

Для чтенія вообще—нравственнаго, разумѣется—годилась и, конечно, употреблялась очень хорошая книга: «*Зрѣлище житія человѣческаго, различныхъ животныхъ и старожитныхъ людей, примѣрами всякому добрыхъ нравовъ въ поученіе представленное*», изд. 1712 г., еще новое.

Сочиненіе архимандрита Іоанникія Голетовскаго, поднесенное царевнѣ Софіи: «*Боги поганскіе, въ болванѣхъ мѣшкаючи, духове злые*»—занимало, вѣроятно, обожательницъ міра древняго, если такіе существовали на нашей Руси, даже и при Петрѣ.

Не знаемъ, всѣ ли названныя сочиненія перебывали въ рукахъ *отлично воспитывавшейся* княжны; но за нѣкоторыя—почти ручаемся,—потому что всѣ другіе источники, откуда могли бы получиться признаки *отличнаго воспитанія женщины*, были или серьезны для такой дѣвочки, какъ княжна, или—и всего чаще—ихъ вовсе не было. Что касается до источниковъ *иностранныхъ*, то мы не имѣемъ *никакихъ* основаній заподозрить существованіе ихъ въ рукахъ сверстницъ княжны.

Затѣмъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что княжна, какъ и всѣ—или почти всѣ—тогдашнія аристократки училась и

([1]) *Названо*—продолжаетъ оглавленіе книги—*для двухъ причинъ поважныхъ: для высокаго богословскаго и сладкоглаголиваго языка риторскаго и для поэтицкаго художества*. Изд. 1699.

говорила по нѣмецки; училась, понимала и, *можетъ быть*, говорила по французски; играла на лютнѣ и клавесинѣ; танцовала менуэты, англезы, польскіе простые и польскіе съ поклонами, церемоніальные и прощальные танцы (¹), цѣпной танецъ (cottentanz), и, вѣрно, ѣздила верхомъ, что̀ дѣлали, сопутствуя государынѣ, и ея знатныя прабабушки (²).

Процессъ нравственнаго развитія княжны, возможное уясненіе котораго гораздо интереснѣе догадокъ о классическомъ образованіи ея, происходилъ при обстоятельствахъ *исключительныхъ*.

Окруженная, *въ домашнемъ быту*, всѣми условіями стараго порядка вещей, терпимаго Петромъ только въ домѣ князя-кесаря, княжна, къ то же время, не могла *внѣ* этого дома не встрѣчаться на каждомъ шагу съ болѣе или менѣе яркими чертами преобразованій, быстро подвигавшихся. Намъ кажется, что такая разнородность впечатлѣній, поражая воображеніе княжны, въ томъ ея возрастѣ, когда оно было особенно воспріимчиво, рано пріучила княжну къ размышленію. А размышленіе было уже достаточнымъ залогомъ всего добраго.

Членъ семьи, открыто и строго—даже при Петрѣ — соблюдавшей завѣтную старину, княжна, подъ крышей роднаго дома, постоянно вращалась въ сферѣ той патріархальности нравовъ, *полнаго* уничиженія которой, конечно, не имѣлъ въ виду и самъ преобразователь, Петръ. Эта патріархальность, во многихъ отношеніяхъ почтенная, обстанавливала подроставшую княжну ежедневными примѣрами: повиновенія всего дома главѣ семьи, рачившему о благосостояніи всего дома, тѣсной взаимной связи членовъ семьи,—связи, можетъ быть, ненормальной или какой другой, но все-таки существовавшей; уваженія младшихъ къ старшимъ, отплачиваемаго ласковостію; скромности женщинъ,

---

(¹) Это два танца, каждый—та или другая смѣсь танцевъ, имъ предшествующихъ.

(²) См. «Предисловіе».

требуемой, пожалуй, до излишества; наконецъ, точнаго и дружнаго исполненія всѣми домашними порядковъ, разъ заведенныхъ.

Такіе примѣры, безспорно хорошіе, заронили и въ дѣтскую душу княжны добрыя сѣмена.

Привычка безусловно подчиняться требованіямъ окружающаго быта, съ развитіемъ возраста и мышленія княжны, да еще при воспитаніи, выработывалось въ ней въ чувство долга, безкорыстнаго служенія которому Екатерина Ивановна — уже не покидала во всю свою долгую жизнь.

Но, отдавая должную справедливость благотворному вліянію патріархальной среды на душевныя свойства княжны, мы обязаны сказать, что невыгоды этой самой среды, тяжело испытанныя цѣлыми поколѣніями предшественницъ Екатерины Ивановны, нашихъ княженъ-затворницъ, — не коснулись счастливой въ этомъ отношеніи внучки князя-кесаря. Судьба обошлась съ княжною чрезвычайно благосклонно, судивши ей родиться и начать жизнь въ эпоху Петра, когда въ Россіи — такъ или иначе—все видоизмѣнялось, умирало и возрождалось, когда отъ вліянія новизны не могъ засторонить своей внучки и самъ старовѣръ-кесарь, получившій ерлыкъ на право не бояться новизны.

И княжна, благодаря общему, широкому ходу преобразованій, увлекавшему до нѣкоторой степени и ея неподвижныхъ родичей, Ромодановскихъ, или чтеніемъ, или выѣздами, или, наконецъ, обращеніемъ съ людьми, могла пополнять тѣ громадные пробѣлы, изъ которыхъ, за вычетомъ потребностей ѣсть и спать, обращавшихся въ истинное наслажденіе, слагалась тупая, *безжизненная* жизнь ея бабушекъ и прабабушекъ, и совершенно отъ нихъ независимо.

Чьей же мысли обязана княжна счастіемъ получить воспитаніе, въ эпоху, когда она, *и только она*, какъ внучка кесаря, къ дому и быту котораго не прививалась всеобщая перемѣна, рис-

ковала остаться и быть живымъ слѣпкомъ длинной восходящей вереницы княгинь и княженъ Ромодановскихъ?

Нечего и говорить, что къ дѣду княжны, суровому кесарю, заклятому врагу XVIII вѣка и всей его обстановки, ни съ какой стороны не могла подойдти такая немыслимая мысль. Отецъ княжны, вообще похожій на своего отца, или думалъ о воспитаніи съ нимъ одинаково, то есть, ничего не думалъ, или, дѣйствительно думая, не осмѣливался, безъ отчаго вопроса, заявлять свое сыновнее мнѣніе. А старикъ кесарь только *приказывалъ.* Что̀ касается матери княжны, княгини Настасьи Ѳедоровны, извѣстія о которой въ потомствѣ ограничиваются однимъ ея именемъ, она, собственно потому, что была *не больше какъ матерью*, не имѣла права голоса, особенно въ такомъ мудреномъ дѣлѣ, какъ вопросъ воспитывать или не воспитывать дочь.

И мы серьезно останавливаемся на мысли, что воспитаніе княжны Ромодановской—дѣло воли Петровой. Кто, кромѣ царя, могъ вмѣшиваться въ домашнія распоряженія стараго князя-кесаря? Кто, если не Петръ, запретилъ бы Ромодановскому думать и дѣйствовать по своему? Петръ не запрещалъ ему ни того, ни другаго, но въ отношеніи княжны дозволилъ только первое—думать, остальное запретилъ формально. Отпуская самому кесарю *кесарскіе грѣхи* его противъ наступившаго столѣтія, Петръ, естественно, не хотѣлъ допустить, чтобы въ тѣхъ же самыхъ грѣхахъ была взлелѣяна и внучка-княжна, ничѣмъ не виноватая. Онъ приказалъ и былъ покоенъ, зная, что старый Ромодановскій исполнитъ царскій указъ, во что̀ бы то ни стало, чего бы это ему, Ромодановскому, ни стоило. Такъ оно и вышло. Такъ дѣло воспитанія и сладилось.

Но Петръ, въ самомъ дѣлѣ, любилъ Ромодановскаго, цѣнилъ въ немъ преданность испытанную, уважалъ самую неумолимость кесаря въ дѣлѣ правды и принималъ близкое участіе въ семейныхъ дѣлахъ его. Вотъ тому доказательство. Въ 1709 г.

князь-кесарь выдалъ младшую дочь свою, *Ѳедосью*, за Авраама Лопухина, брата сосланной царицы Евдокіи, и просилъ государя, бывшаго тогда въ Кіевѣ, объ увольненіи зятя отъ посылки на годъ за границу, для ученія. Петръ, вѣроятно, предвидѣвшій будущую судьбу Лопухина, былъ раздосадованъ этимъ бракомъ и отвѣчалъ кесарю, что онъ письмо его принялъ съ печалью, не вѣритъ, что у него явился зять; *ибо*—заключаетъ государь—*предъ симъ какъ сына вашего, такъ и старшей дщери бракъ утаенъ отъ насъ не былъ, и мнѣ сіе письмо прислано или во гнѣвъ, или въ поруганіе. Того ради никакого зятя знать не можемъ, ибо никому о томъ не явлено по обычаю* ([1]).

Одна дочь у отца и матери, не имѣвшихъ другихъ дѣтей, княжна росла въ холѣ и бережи, чѣмъ, въ старое время, и ограничивались любовь и нѣжность родительскія. Сторонніе люди уважали въ княжнѣ внучку князя-кесаря, оффиціально и публично почитаемаго самимъ Петромъ. Домашняя челядь боготворила свою княжну боярышню, потому что видѣла въ ней *послѣднюю* отрасль знаменитаго рода — обстоятельство, всегда вызывавшее въ старинномъ людѣ низшаго разбора нелицемѣрное участіе.

Слѣдовательно, отношенія людей, встрѣчавшихся съ княжною на поприщѣ ея дѣвической жизни, были благопріятны княжнѣ, и сердцу ея, если оно было врожденно доброе, нельзя было не сдѣлаться любящимъ. Опасность стать избалованнымъ существомъ, какъ зачастую бываетъ и бывало съ дѣтьми, княжнѣ не грозила: въ домѣ кесаря, гдѣ неуклонно велся и свято соблюдался старинный обычай, все смотрѣло въ глаза только кесарю. Глава и хозяинъ, онъ одинъ имѣлъ исключительное право на раболѣпное поклоненіе каждаго домочадца. Поддаться же сколько нибудь обаянію свѣжаго, дѣтскаго личика внучки и тѣмъ какъ бы передать ей нѣкоторую часть правъ своихъ—не

([1]) Голик. IV. 383.

могъ, еслибы и хотѣлъ того, черствосердый старикъ,ежедневно и равнодушно присутствовавшій въ преображенскомъ застѣнкѣ.

Но воображенію княжны, особенно въ первую пору его жизни самую важную, несомнѣнно, хотя и неумышленно, разставливались опасныя сѣти неизбѣжными *сказками* мамокъ и нянекъ,во множествѣ ухаживавшихъ тогда за подобными княжнѣ *дитятками*. Задушевный складъ и фантастическое содержаніе этихъ сказокъ, всегда дѣйствующіе на ребенка, особенно на дѣвочку, должны были и въ душѣ княжны оставить неизгладимый слѣдъ, то есть какое-то невольное настроеніе и стремленіе ко всему необыкновенному, неизвѣстному, чудесному. Такое настроеніе, уединяясь въ мягкой женской душѣ, легко можетъ погубить женщину. Но, дѣйствуя на душу княжны въ связи съ другими вліяніями, по большей части счастливыми, это настроеніе нисколько не мѣшало ея совершенствованію, даже, можетъ быть, отозвалось, вмѣстѣ съ другими побужденіями, и въ ту минуту, когда рѣшался вопросъ: должна ли графиня Головкина прославить себя и не умирать въ потомствѣ, или безлично слиться съ тысячами безвѣстныхъ графинь?...

Врожденное расположеніе княжны ко всему благородному и нравственному видно изъ того, что грязныя стороны общества, современнаго ея юности и ей не чуждаго, не загрязнили ея прекрасной души, не отразились впослѣдствіи въ ея свойствахъ и вкусахъ, стало быть, не заслужили сочувствія княжны даже и въ томъ періодѣ ея возраста, когда юная, впечатлительная душа женщины, не вооруженная никакимъ опытомъ, готова сочувствовать всему ее окружающему.

Вотъ нѣсколько примѣровъ того, что могла видѣть и, конечно, видѣла княжна.

Въ силу правъ, дарованныхъ Петромъ женскому полу и нерѣдко принимавшихъ характеръ обязательный, княжна, почти съ дѣтства, не разъ имѣла случай присутствовать за пировыми столами своего дѣда и другихъ аристократовъ. Каждый такой

обѣдъ или ужинъ, состоявшій изъ 4-хъ перемѣнъ (1), начинался обязательною для всѣхъ водкою, сопровождался обильными возліяніями венгерскаго, бургонскаго, шампанскаго, понтака и рейнвейна, и постоянно оканчивался лихою попойкою мужчинъ, не всегда обходившеюся безъ потасовокъ, подчасъ довольно энергическихъ. Бывали и болѣе пасторальныя сцены: какой нибудь господинъ, весьма порядочный, торжественно *перелѣзалъ* черезъ столъ, попадая сапогомъ въ одно изъ блюдъ, ставившихся, какъ и въ старину, разомъ на столъ, и никто не обращалъ на это никакого вниманія, кромѣ, разумѣется, сосѣдей, невольныхъ очевидцевъ событія (2). Или княжна отправлялась съ матерью въ Измайлово, подмосковную царскую отчину, гдѣ въ большомъ деревянномъ дворцѣ, весьма ветхомъ, жила родная тетка княжны и сестра ея матери, вдовствующая царица Прасковья Өедоровна, съ дочерью, царевной Прасковьей Ивановой. Дорогой, особенно если день бывалъ праздничный, а время лѣтнее, княжна легко могла наѣзжать на толпы совершенно раздѣтыхъ фабричныхъ, усердно производившихъ кулачные бои—тогда любимое удовольстіе простаго класса. Въ комнатахъ Измайловскаго дворца, весьма плохо убранныхъ, ожидали княжну другія удовольствія: она или слушала нелѣпыя пѣсни грязнаго бандурщика, или смотрѣла, какъ, по данному приказанію, начнетъ плясать старая, слѣпая дура, все время безцеремонно торчавшая тутъ же, въ одной рубахѣ и босикомъ (3).

---

(1) 1) холодныя; 2) супы и овощи; 3) жаркія; 4) пастеты, торты и пироги. Первыя три перемѣны сильно приправлялись лукомъ и чеснокомъ. Нѣкоторые гости, изъ иностранцевъ, не сочувствуя русскому вкусу и приправамъ, не касались блюдъ, не снимали даже перчатокъ, ѣли одинъ хлѣбъ и вставали изъ-за стола голодные. *Беркгольцъ*.

(2) Фактъ разсказанъ въ дневникѣ камеръ-юнкера Беркгольца. См. 1722 г.

(3) Дневн. Беркгольца.

Таковы были обстоятельства, въ кругу которыхъ началъ развиваться нравственный міръ княжны, подготовлявшій въ ней будущую графиню, съ ея доброю, кроткою, ангельскою душою (¹), съ ея доблестнымъ подвигомъ.

А время шло своимъ чередомъ, одни событія смѣняли другія. Трудно составлялся и быстро разрушился союзъ *семи* европейскихъ державъ противъ Швеціи. И Петръ, избранный сначала предводителемъ соединенныхъ флотовъ, всего 83 кораблей, огорченный потомъ недовѣріемъ къ нему союзниковъ, поѣхалъ разсѣяться въ Гамбургъ, Данцигъ, Амстердамъ, Парижъ, Берлинъ и лечиться въ Піемонтъ и Спа. Явились двѣ мысли: одна—освободить крестьянъ (²), другая послать Кикина въ Испанію, для заключенія торговаго трактата; но обѣ не осуществились. Въ Петербургѣ, уже испытавшемъ наводненіе, у царевича Алексѣя Петровича родился сынъ, будущій императоръ Петръ II, и умерла царица Марфа Матвѣевна, изъ рода Апраксиныхъ, вдова царя Ѳедора Алексѣевича, между тѣмъ какъ, въ Данцигѣ, обвѣнчана съ герцогомъ Карломъ-Леопольдомъ Мекленбургскимъ другая племянница государя и двоюродная сестра княжны Ромодановской, царевна Екатерина Ивановна. Москва ужасалась публичному сожженію живымъ изувѣра попа Ѳомы, дерзнувшаго въ Чудовѣ монастырѣ, среди праздничнаго богослуженія, рубить топоромъ образа, и рыдала, отпуская по указу 12,000 кровныхъ своихъ семей на заселеніе ненавистнаго ей Петербурга. Несчастный царевичъ Алексѣй Петровичъ бѣжалъ за границу. Знатные негодовали на отмѣну золота и серебра въ одеждахъ; безнаказанно притѣсняли несчастныхъ крестьянъ, прятавшихъ отъ нихъ деньги; въ свою очередь, утаивали отъ правительства награбленныя сокровища, которыя въ капиталахъ, скрытно переводились въ лондонскій

(¹) «Рус. Бесѣда» за 1841 г. См. «Остерманъ».

(²) Nouveaux memoires sur l'état present de la Grande Russie, Weber, Paris, 1725.—I, 78.

и амстердамскій банки, отчего сильно терпѣло обращеніе монеты въ государствѣ. Но знатные же затѣвали *общество приготовленія шелковыхъ тканей* ([1]). Взяточники-приказные, получавшіе отъ 15 до 20 руб. годоваго жалованья, строили себѣ домы. Двѣ давно воюющія державы, Россія и Швеція, задумывали о мирѣ и назначали Аландъ сборнымъ пунктомъ министровъ.

Въ это самое время не стало въ Москвѣ грознаго дѣда княжны, князя-кесаря Ромодановскаго. Ѳедоръ Юрьевичъ умеръ 17 сентября 1717 года, маститымъ старцемъ. Свободнѣе вздохнули въ этотъ день преображенскіе колодники, порадовались давно желанной смерти князя-кесаря разбойники и душегубцы, во множествѣ наполнявшіе тогда темные лѣса и всевозможныя дороги Россіи; *поближе* придвинулись они къ богатой Москвѣ.

Въ послѣдніе годы жизни, князь-кесарь часто ѣзжалъ въ Петербургъ, заживался тамъ по нѣскольку мѣсяцевъ сряду, чуть не утонулъ, въ 1714 г., вмѣстѣ съ будущимъ сватомъ своимъ Головкинымъ и многими министрами иностранныхъ дворовъ, во время одной увеселительной морской поѣздки къ Кронштадту, назначенной Петромъ, и вообще любилъ новый городъ. Послѣднее подтверждается письмомъ Петра къ кесарю, изъ Полтавы, отъ 8 іюля 1709 г., оканчивавшимся такъ: «*и нынѣ уже безъ сомнѣнія желаніе Вашего Величества, еже резиденцію вамъ имѣть въ Петербургѣ, совершилось черезъ сей упадокъ конечный непріятеля*».

Но перебирался ли въ Петербургъ старый кесарь со всѣмъ семействомъ, важивалъ ли туда только нѣкоторыхъ его членовъ, катался ли изъ Москвы одинъ, объ этомъ мы не отыскали никакихъ извѣстій.

Преданіе о кесарѣ долго сохранялось въ Москвѣ. Разсказывая объ ужасахъ его правосудія, неразлучнаго съ кровавыми

([1]) Weber.

пытками и мучительными казнями, москвичи съ видимымъ удовольствіемъ вспоминали о блиставшихъ великолѣпіемъ охотахъ князя. Или любили слушать и передавать другъ другу анекдоты о томъ, какъ Ромодановскій, для наступающаго Николина дня, отпустилъ въ деревню, на праздникъ, уже приговореннаго къ смерти преступника, обязавъ его клятвою, передъ образомъ того же угодника, прибыть въ срокъ; какъ *недоброхоты* кесаря сказали о томъ государю, который грозилъ Ѳедору Юрьевичу: «*ну, дядя, чтобъ не отвѣчать тебѣ за него*»; какъ преступникъ сдержалъ слово и, помилованный за то государемъ, написанъ на службу въ сибирскіе полки (¹). Ходила молва и такого рода, будто разъ строилъ Ромодановскій дворецъ въ Преображенскомъ и подрядчиковъ подрядилъ, а дворецъ сгорѣлъ недостроенный, и будто не хотѣлъ, боялся онъ доложить государю о пожарѣ, а подрядчики денегъ требуютъ—не даетъ; подрядчики пожаловались государю; государь велѣлъ имъ выдать деньги изъ казны, а съ Ромодановскаго высчитывать изъ его жалованья (²).

Соколиныя охоты Ромодановскаго были, въ самомъ дѣлѣ, не совсѣмъ обыкновенны. Князь-кесарь, любившій щегольнуть азіятскою роскошью, ослѣплялъ ею москвичей, чаще всего въ то время осени, когда поля, оголенныя серпами жнецовъ, обѣщаютъ охотнику широкое раздолье и выманиваютъ его на вольный просторъ.

Назначивъ день охоты Ромодановскій обыкновенно обсылалъ вѣстію о томъ друзей и знакомыхъ, отдавалъ приказаніе домашнимъ запасти множество яствъ и питей, приготовить для этого надлежащій обозъ, а для *каждаго* изъ гостей—верховаго коня.

Въ назначенный день, на зарѣ, уже весело трубили роги съ охотничьяго двора князя-кесаря. Десятки ловчихъ, сокольничихъ, подсокольничихъ. поддатней, всѣ на горскихъ коняхъ, сгрупировывались у воротъ кесаря. Охотничій уборъ ихъ былъ одина-

(¹) Голик. XV. Анекд. LXXV.
(²) Голик. XV. Анекд. XCVII.

ковъ: зеленый чекмень съ золотыми или серебряными нашивками, иногда опушенный соболями, красные шаровары, горностаевыя шапки, лосинныя по локоть рукавицы и желтые сапоги. У каждаго перекрещивались на груди двѣ перевязки черезъ плечо: серебряная, съ привѣшенною къ ней бархатною лядункою, и золотая, съ красовавшимся внизу ея серебрянымъ рогомъ. На смычкахъ одной части охотниковъ прыгали своры собакъ; другіе, на металлическихъ палочкахъ или *кляпышахъ*, прикрѣпленныхъ къ пальцамъ, держали нарядныхъ сибирскихъ кречетовъ, въ вышитыхъ золотомъ, серебромъ и шелками бархатныхъ клобучкахъ, съ бубенчиками на шейкахъ.

Князь-кесарь, извѣщенный, что все готово, выѣзжалъ изъ своихъ воротъ на арабскомъ жеребцѣ, послѣдуемый приглашенными гостями. Окинувъ глазомъ всю охоту, личный составъ которой, съ гостями, доходилъ иногда до 500 человѣкъ, князь подавалъ знакъ. И все направлялось за нимъ, къ Коломенскому или Измайлову, удивляя встрѣчныхъ и поперечныхъ блескомъ поѣзда. Сзади длиннымъ хвостомъ вытягивался обозъ.

По пріѣздѣ на мѣсто, князь и гости его принимали отъ подсокольничихъ кляпыши съ кречетами. Спущенныя со своръ собаки бросались отыскивать дичь. Чуть только взлетала какая нибудь утка, поднятая княжьимъ псомъ, съ кречетовъ снимали клобучки. Вымуштрованныя птицы стрѣлою бросались на добычу и поражали ее острымъ клювомъ. Привѣтствуемые одобрительными криками, кречеты, по свистку сокольничаго, летѣли каждый на свой кляпышъ.

Послѣ каждаго такого *поля*, истреблялся роскошный обѣдъ, за которымъ, вмѣстѣ съ господами, усаживались отличившіеся охотники; день оканчивался одинаково - ужасающею попойкой ([1]).

([1]) Русская старина, А. Корниловича, 1825.—Москва, или историческій путеводитель по знаменитой столицѣ государства россійскаго, 1831. Т. IV.—Словарь достопамятныхъ людей русской земли. Н. Бантыша-Каменскаго.

Петръ никогда не любилъ забавъ этого рода. Но разныя прихоти стараго Ромодановскаго, слѣдовательно и безконечныя охоты его, выносились царемъ съ необъяснимымъ терпѣніемъ, но ничуть не въ примѣръ другимъ.

Мѣсто князя-кесаря оставалось вакантнымъ.

Но Петръ, по привычкѣ ли къ шуткѣ, безвредно игранной столько лѣтъ, находя ли, въ самомъ дѣлѣ, не лишнимъ собственнымъ примѣромъ поучать свой народъ царепочтенію, вовсе не готовилъ кесарскому мѣсту судьбы патріаршаго.

Выборъ лица недолго затруднялъ Петра. И отецъ княжны Екатерины Ивановны, князь Иванъ Ѳедоровичъ Ромодановскій, сынъ почившаго кесаря, признанъ достойнѣйшимъ и способнѣйшимъ къ замѣщенію отцовской вакансіи. Съ 1718 года княгиня Екатерина Ивановна изъ внуки стала дочерью князя-кесаря, то есть *княжною-кесаревною*. И въ апрѣлѣ того же года князь Иванъ Ѳедоровичъ Ромодановскій, новый кесарь на старый ладъ, продолжавшій, подобно отцу, числиться ближнимъ стольникомъ и наслѣдовавшій отъ отца кровавый Преображенскій приказъ, торжественно въѣзжалъ въ Петербургъ. Отцу княжны-кесаревны, считавшей себѣ, по выраженію поэтовъ, шестнадцатую весну, было тогда около 40 лѣтъ ([1]).

Петръ, сопровождаемый большою свитою, встрѣтилъ князя-кесаря за городомъ, какъ вице-адмиралъ. Чрезвычайно учтиво поздравивъ князя Ивана Ѳедоровича съ новымъ достоинствомъ, царь помѣстился въ царской каретѣ *напротивъ* кесаря, а рядомъ съ собой посадилъ генералъ-поручика Бутурлина. Такъ въѣхали они въ городъ, привѣтствовавшій князя-кесаря пушечною пальбою. Во дворцѣ, кн. Иванъ Ѳедоровичъ встрѣченъ и поздравленъ императрицею и ея придворными дамами, посаженъ въ кресло и подчиванъ виномъ и водкою, которыя подносила ему сама Екатерина.

(¹) *Weber, 1, 346.*

Но замѣтимъ тутъ же, что недѣли за три до этого, *съ тѣми же церемоніями*, былъ привѣтствованъ въ Петербургѣ новый *князь-папа*, другая забава Петра, личность всегда дряхлая, окруженная ровесниками *кардиналами*, извѣстнѣйшими пьяницами, и штатомъ, въ составъ котораго исключительно выбирались *заики*, съ достоинствами сороковой бочки. Главною обязанностію и единственною службою всего этого шутовскаго собора было—напиваться ежедневно, разумѣется, на царскій счетъ.

Сходство церемоніальныхъ встрѣчъ князя-папы и князя-кесаря немного говоритъ въ пользу оффиціальнаго значенія втораго изъ нихъ и какъ бы уравниваетъ его съ значеніемъ перваго, то есть убѣждаетъ въ томъ, что князь-кесарь и князь-папа, необходимые, конечно, для видовъ Петра, отличались отъ обыкновенныхъ шутовъ, тогда многочисленныхъ, знатною породою, торжественною обстановкою и всеобщемъ почтеніемъ, которое оказывалось имъ наружно, но скрывало всю горечь насмѣшки.

Иначе и быть не могло. На что годились, напримѣръ, Зотовъ и Бутурлинъ, оба старцы, одинъ выжившій изъ ума, другой никогда не имѣвшій его? И куда было дѣвать Петру людей богатыхъ и родовитыхъ, но въ родѣ суроваго и пьянаго Ромодановскаго съ сыномъ, вѣроятно, походившимъ на отца?

Петръ, не любившій затрудняться, умѣлъ и для этого *квартета* придумать особое поприще дѣятельности, сообразное недостаткамъ каждаго лица, игравшимъ, въ этомъ случаѣ, роль достоинствъ. Первыхъ двухъ, одного за другимъ, Петръ облекалъ бархатною мантіею фантастическаго папы, а Ромодановскихъ, отца съ сыномъ, тоже одного за другимъ, сажалъ въ кесарскія кресла.

Умный государь былъ безспорно мастеръ *выбирать* и отличать людей даже между женщинами: Ржевская и потомъ Стрѣшнева титуловались *архіигуменьями*, а Голицына *князь-игуменьею*—тѣ же роли князя-папы и кардиналовъ, его конклава, но исполняемыя женщинами.

А для доказательства, какъ различно въ сходныхъ, повидимому, церемоніяхъ умѣлъ оцѣнивать Петръ достоинства и заслуги отличаемыхъ лицъ, упредивъ событія, прослѣдимъ встрѣчу, сдѣланную тѣмъ же Петромъ двумъ знатнымъ русскимъ, *негоднымъ* ни въ князья-кесари ни въ князья-папы и сравнимъ ее съ встрѣчами послѣднихъ.

Въ 1723 г. возвратились въ Россію министры Петра при французскомъ и прусскомъ дворахъ, князь Василій Лукичъ Долгорукій и графъ Александръ Гавриловичъ Головкинъ, будущій деверь княжны Екатерины Ивановны. Государь приказалъ обоимъ министрамъ, украшеннымъ иностранными орденами, прибыть въ Петербургъ къ одному и тому же времени. Въ день исполненія министрами царской воли, Петръ, сопровождаемый отрядомъ гвардіи, отправился къ нимъ навстрѣчу, за нѣсколько верстъ отъ города, въ богатой каретѣ, заложенной шестерикомъ. Пригласивъ обоихъ министровъ въ свой экипажъ, государь посадилъ ихъ на первыя мѣста и главными улицами города, къ удивленію народа, не знавшаго за государемъ такой пышности, повезъ гостей во дворецъ, куда заранѣе велѣлъ собраться всѣмъ знатнѣйшимъ лицамъ. Здѣсь монархъ, умѣвшій достойно оцѣнивать истинныя заслуги, сказалъ во всеуслышаніе, не щадя самолюбія завистливыхъ вельможъ: *Я отдаю справедливое уваженіе достоинствамъ, пріобрѣтеннымъ этими россіянами у другихъ народовъ.* ([1])

Пушечной пальбы, вина и водки, необходимыхъ для чествованія кесарей и папъ, тутъ не было. Присутствовавшіе, скованные церемоніаломъ, и тамъ и тутъ молчали одинаково. Но *тамъ* многими чувствовалось почти *презрѣніе* къ торжественнику, пріодѣтое узаконеннымъ изъявленіемъ чувства противоположнаго; *тутъ* же, напротивъ, готова была выказаться *зависть*, еслибъ не сдерживала ее правдивая рѣчь государя.

([1]) «Словарь» Бант. Кам.

Женщины развиваются раньше мужчинъ. Княжна, въ томъ возрастѣ, какого достигла она, не могла не угадывать, хотя приблизительно, истиннаго значенія роли, сужденной ея дѣду, а потомъ отцу. Съ каждымъ моментомъ дальнѣйшаго развитія, княжна болѣе и болѣе должна была убѣждаться въ безошибочности своей догадки. И ее, какъ существо съ инстинктами врожденно благородными, сначала оскорблялъ обидный выборъ царя, два раза сряду падавшій на одну и ту же семью Ромодановскихъ. Но, современемъ, когда, не ослѣпляясь совершенно родственною привязанностію, княжна не могла не сознать, что выборы царя, касавшіеся Ромодановскихъ, едва ли могли быть удачнѣе, грустное чувство объяло ея юную душу. Видѣть отца, человѣка самаго близкаго, оффиціальнымъ посмѣшищемъ чужихъ людей тяжко было ей, дочери. Знать же, что самъ онъ, этотъ отецъ ея, очень спокойно не понимаетъ всего ничтожества своего положенія, было для княжны еще больнѣе. Чаще и чаще стала задумываться княжна. Душа ея настроивалась серьёзнѣе и серьёзнѣе. Дни праздниковъ и торжествъ, въ которые Ромодановскій разыгрывалъ свою странную роль, стали для оскорбленной души его дочери днями страданій. Рѣшительная необходимость не только скрывать свои настоящія чувства, но и маскировать ихъ, начала пріучать княжну къ трудной, не всегда благодарной работѣ надъ собою собственно. Уроки этой работы повторялись часто; въ Россіи царствовалъ Петръ, побѣды слѣдовали одна за другою, спуски кораблей были безпрестанные, кесарю кланялись, какъ и прежде. Но княжна успѣвала: съ каждымъ разомъ она казалась и чувствовала себя равнодушнѣе къ знакамъ уваженія, расточаемымъ ея отцу. Размышленіе и покорность судьбѣ уже не оставляли княжну. Объ руку съ первымъ, она развивалась духовно и развивалась быстрѣе сверстницъ. Характеръ ея былъ очеркнутъ, испробованъ, почти готовъ. Все это, съ начала до конца, ладила судьба, зная, для чего.

И такъ, мы указали рядъ впечатлѣній, необходимо, по нашему мнѣнію, вліявшихъ на нравственный міръ молодой княжны. Мы видѣли, что причины, способныя ускорить духовное развитіе женщины, и безъ того быстрое, дѣйствительно существовали въ условіяхъ, постоянно обстанавливавшихъ собою княжну, и пришли къ заключенію, что, благодаря тому и другому, а также участію врожденныхъ началъ добра, княжна, уже въ 17 лѣтъ своего возраста, имѣла опредѣлившійся характеръ и всѣ тѣ свойства, безъ которыхъ не былъ бы возможенъ предлежавшій ей подвигъ.

Но, собственно говоря, нравственное воспитаніе человѣка не ограничивается никакимъ временемъ: событія жизни, продолжая отражаться въ душѣ впечатлѣніями, хотя и не съ прежнею силою, все таки непрерывно дополняютъ развитіе человѣка.

Слѣдовательно, отъ посильнаго анализа условій первоначальнаго развитія княжны, теперь уже развитой, перейдемъ и мы къ простому изложенію событій, обстанавливаясь которыми, далѣе или ближе потянулся отнынѣ длинный путь ея жизни.

Время, въ которое отецъ княжны сталъ княземъ-кесаремъ, было тяжкое, кровавое время. Дѣло несчастнаго царевича Алексѣя Петровича, силою возвращеннаго изъ-за границы, *слѣдовалось*, и въ Москвѣ и въ Петербургѣ, со всѣми ужасами допросовъ, пытокъ и казней. Оговоренные по этому дѣлу, безъ различія пола и званія, хватались въ городахъ и селеніяхъ, заковывались въ желѣза, держались въ тюрьмахъ и призывались въ застѣнки, откуда многіе, истерзанные кнутомъ и полусожженные огнемъ предварительныхъ допросовъ «съ пристрастіемъ» отправлялись доканчивать свое бѣдственное существованіе въ сибирскихъ пустыняхъ или глухихъ затворахъ отдаленнѣйшихъ монастырей, а другіе, виновнѣйшіе, выводились предъ народъ, въ глазахъ котораго ихъ обезглавливали,

ломали на колесахъ, живыми сажали на колъ, живыхъ рвали клещами на части (1). Московскимъ казнямъ на Красной площади, въ мартѣ, откликнулись петербургскія, у Петропавловской крѣпости, въ декабрѣ того же 1718 года. И тутъ, *послѣднею* изъ всѣхъ, отрублена голова Авраама Лопухина, бывшаго женатымъ, въ первомъ бракѣ, на родной теткѣ княжны по отцу, Ѳедосьѣ Ѳедоровнѣ, въ это время давно уже умершей. Еще 26 іюня скончался самъ царевичъ, смерть котораго предупредила *исполненіе надъ нимъ смертнаго приговора*, подписаннаго, въ числѣ другихъ, и отцомъ княжны (2), несмотря на то, что дѣдъ ея, умершій кесарь, былъ тоже *оговоренъ* по дѣлу царевича, но, вмѣстѣ съ другими 32 лицами, избѣжалъ даже ареста.

30 іюня, княжна, въ черномъ тафтяномъ платьѣ, (3) несомнѣнно присутствовала, вмѣстѣ со всѣмъ дворомъ, при погребеніи царевича, по смерти прощеннаго отцомъ. И въ тотъ же день Петръ спускалъ корабль «Старый Дубъ», при входѣ на который, князь-кесарь встрѣченъ, по обычаю, пальбою и, по обычаю же, остался на кораблѣ пировать. Въ іюлѣ видимъ княжну въ Кронштадтѣ, гдѣ все ея семейство живетъ въ одномъ дворцѣ и вмѣстѣ съ семействомъ вдовы-царицы. Сюда пріѣзжалъ и Петръ, съѣздившій къ Аланду, гдѣ шведскій министръ Герцъ и нашъ обрусѣвшій вестфалецъ Остерманъ развязывали узелъ войны, 18 лѣтъ губившей Швецію и тяготившей Россію. Въ декабрѣ, въ Петербургѣ узнали о смерти главнаго виновника этой войны, безразсудно отважнаго, но все-таки знаменитаго Карла XII, павшаго на валахъ осажденной имъ крѣпости

---

(1) Исторія царствованія Петра Великаго. Н. Устрялова, т. VI (царевичъ Алексѣй Петровичъ).

(2) Въ числѣ 119 лицъ, подписавшихъ смертный приговоръ царевичу ближній стольникъ, по инымъ каммергеръ, кн. Ив. Ѳед. Ромодановскій занимаетъ 18 мѣсто.

(3) Такъ были одѣты всѣ дамы и дѣвицы во время погребенія царевича. *Weber.*

отъ руки измѣнника. Петръ, узнавъ о смерти своего соперника, говорятъ, прослезился и сказалъ: «жаль мнѣ тебя, братъ Карлъ». И, вмѣстѣ съ аландскими переговорами, разорванными въ половинѣ, кончился первый *достовѣрный* годъ знакомства княжны съ Петербургомъ, ознаменованный и для Россіи учрежденіемъ петербургскихъ *коллегій*, замѣнившихъ тѣ самые московскіе приказы, гдѣ нѣкогда засѣдали *бородатые* князья Ромодановскіе.

Княжна стала членомъ петербургскаго общества и, разумѣется, его высшаго слоя.

Составленное не случаемъ, но тонкою разборчивостію самого Петра, извѣстное ему поголовно, единодушно выражавшее—по крайней мѣрѣ, наружно—сочувствіе всѣмъ преобразовательнымъ видамъ государя, это общество, болѣе, чѣмъ всякое другое въ цѣлой Россіи, удовлетворяло личнымъ вкусамъ Петра, создававшаго и любившаго свои созданія. И Петръ, изобрѣтатель неутомимый и дѣятельный, именно на петербургскомъ обществѣ, какъ на оселкѣ, пробовалъ бо́льшую или меньшую практичность новыхъ замысловъ, касавшихся внутренняго, домашняго быта Россіи. А общество, само по себѣ не сильное пріобрѣсти какой нибудь мѣстный колоритъ и составить собственную характеристику, безусловно довольствовалось тѣми оттѣнками того и другаго, какіе набрасывала творческая рука могучаго Петра. Но, продолжая удерживать и нѣкоторыя родовыя черты прежняго русскаго быта, изглаживаемыя труднѣе, петербургское общество необходимо должно было представлять картину пестраго смѣшенія, всегда поучительную для умовъ и характеровъ, какіе мы съ убѣжденіемъ предположили въ княжнѣ-кесаревнѣ. Стало быть, и въ Петербургѣ княжна нашла *двойственность* впечатлѣній, изстари знакомую ей въ Москвѣ.

Но въ самыхъ представленіяхъ той и другой двойственности была разница. Въ Москвѣ княжну поражало несходство чисто русскаго, стариннаго элемента, развивавшагося въ домѣ ея

дѣда, съ другимъ, не имѣвшимъ еще названія и плохо прививавшимся въ Москвѣ. Въ Петербургѣ же она снова встрѣтила этотъ другой элементъ, нѣсколько очищенный опытомъ 10—12 лѣтъ, и кромѣ того въ связи съ элементомъ чисто европейскимъ, княжнѣ вовсе не знакомымъ.

Въ какомъ же именно положеніи нашла княжна петербургское общество? Что̀ въ жизни этого общества поражало ее по преимуществу?

Балы подъ звуки трубъ, фаготовъ, гобоевъ и литавръ, съ претензіями совершенно европейскими, и рядомъ — татарскій кнутъ, зачастую публично бороздившій спину аристократа, который затѣмъ снова какъ ни въ чемъ не бывало вступалъ во всѣ права члена общества. Шоколадъ и лимонадъ, деликатно подносимые красавицамъ на ассамблеяхъ, и обязательный для тѣхъ же красавицъ стаканъ венгерскаго, на каждомъ *порядочномъ* обѣдѣ. Свѣтская ловкость плѣнныхъ офицеровъ Карла XII и ученическая неповоротливость русскихъ юношей-аристократовъ въ гвардейскихъ сержантскихъ кафтанахъ. Домъ красавицы княгини Марьи Юрьевны Черкасской, державшей собственную музыку, французскую гувернантку и нѣмца повара, и домъ худощаваго канцлера Головкина, будущаго свекора княжны, съ единственнымъ парикомъ его сіятельства на стѣнѣ, всегда однимъ и тѣмъ же кофейнымъ кафтаномъ на самомъ хозяинѣ и кислымъ виномъ на его столѣ, даже для государя. Кружокъ просвѣщеннаго князя Кантеміра и его образованной дочери — и компанія вѣчно хмѣльнаго князя-папы, съ его вѣчно пьяными кардиналами.

Весь этотъ хаосъ уравнивался общими вкусами: мужской половины—къ попойкамъ и взяткамъ, а женской—къ румянамъ и танцамъ, и совершенно исчезалъ въ безразличномъ исполненіи всѣми обязанностей, ожидавшихся ежедневно.

И петербургское общество, волею неволею, жило въ тѣ времена весело.

Кромѣ безпрерывныхъ побѣдныхъ пировъ и праздниковъ, по случаю спусковъ кораблей, первымъ, по времени, развлеченіемъ этого общества былъ театръ, любимое удовольствіе сестры государя, царевны Наталіи, сочинявшей *трагедіи* и умершей года за два до пріѣзда княжны въ Петербургъ. Послѣ ея смерти, Петръ заботился о заведеніи въ Петербургѣ *оперы* и *комедіи*, хотя и не былъ охотникомъ ни до той, ни до другой.

Сначала театръ былъ въ одномъ изъ домовъ на Литейной, а въ описываемое время, устроенный съ партеромъ и ложами, стоялъ на мѣстѣ, гдѣ теперь придворный госпиталь (¹). Тутъ игрались трагедіи, смѣсь священной исторіи со всеобщею, въ которыхъ иносказательно порицались или стрѣлецкіе бунты, или что нибудь подобное. Арлекинъ, неизбѣжное лицо тогдашнихъ театральныхъ представленій (²), не лишенныхъ и оркестра человѣкъ изъ пятнадцати русскихъ музыкантовъ, потѣшалъ публику не только въ антрактахъ, но и во время самаго хода пьесы. За пьесою слѣдовалъ эпилогъ, то есть тотъ же арлекинъ перечислялъ примѣчательнѣйшія мѣста пьесы. Представленіе заключалось изустною моралью, которую терпѣливо выслушивала публика, обыкновенно съѣзжавшаяся въ театръ по повелѣнію. Иногда, въ томъ же зданіи, показывалъ свое искусство какой нибудь заморскій фигляръ. При этомъ, если подвертывалось кстати 1 апрѣля, фигляръ безцеремонно надувалъ публику, утѣшая ее, вмѣсто обѣщаннаго представленія, извѣстіемъ, что сегодня 1 апрѣля. Деньги, заплаченныя за входъ, никому не возвращались. Въ 1719 г. именно такъ обошелся съ своими посѣтителями силачъ Самсонъ, изъ Германіи, по соизволенію, впрочемъ, самого государя, всегда милостиваго къ иностранцамъ, заѣзжавшимъ въ любезный ему Петербургъ. Но за то,

---

(¹) «Панорама С.-Петербурга», Башуцкаго. I, 195.

(²) Роль арлекина, при Веберѣ (1714 — 1720), исполнялъ *офицеръ* одного изъ полевыхъ полковъ, бывшихъ въ караулѣ въ Петербургѣ.

на другой день, 2 апрѣля, тотъ же Самсонъ, вторично собравшій червонцы, удивлялъ публику такими затѣйливыми штуками, что большинство зрителей-аристократовъ видѣло въ искусствѣ Самсона несомнѣнное присутствіе нечистой силы. Когда же силачъ поднялъ зубами скамейку, многіе заговорили громко, что, будь тутъ же священникъ съ евангеліемъ, не устояла бы прелесть дьявольская. Петръ, заслышавъ шумъ и узнавъ, въ чемъ дѣло, велѣлъ тотчасъ же одному изъ высшихъ лицъ петербургскаго духовенства явиться въ собраніе и захватить съ собою книгу евангелія. Можно представить себѣ изумленіе публики, когда Самсонъ, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ новоприбывшихъ лица и книги, быстро грянулся о-земь, ловко выгнулся полуколесомъ, выпятилъ молодецкую грудь, принялъ на нее поднятую Петромъ и княземъ-кесаремъ наковальню и, едва касаясь пола макушкою и ступнями, былъ неподвиженъ, пока огромными молотами выковали *на немъ* нѣсколько толстыхъ желѣзныхъ полосъ. Потомъ Самсонъ взялъ въ зубы палку, и Петръ, человѣкъ очень сильный, не только не вытащилъ ея обѣими руками, но даже не сдвинулъ съ мѣста самого силача. Представленіе кончилось тѣмъ, что Самсонъ, положивъ ту же палку въ зубы поперекъ рта, пригласилъ пару дюжихъ зрителей вытаскивать ее за оба конца и потащилъ обоихъ, какъ малыхъ ребятъ, вокругъ всего театра (¹).

Кромѣ съѣздовъ въ театръ, петербургское общество имѣло другое, не менѣе обязательное развлеченіе, которымъ должно было пользоваться еженедѣльно, въ теченіе всего того времени, когда Нева не была во льду. Въ воскресные дни, по тремъ выстрѣламъ съ крѣпости, тогда еще наполовину не каменной, жители высшихъ классовъ Петербурга спѣшили на *партикуляр-*

(¹) Weber. I, 398.

ную верфь (¹), садились въ буера (²), зажиточные въ собственные, небогатые въ казенные, и *Невскій* флотъ, предводимый *Невскимъ* адмираломъ (³), въ составѣ до 100 и болѣе судовъ, входилъ изъ Фонтанки въ Неву. Тутъ, при участіи государя и всего двора, флотъ нѣсколько часовъ маневрировалъ съ музыкою и пальбою изъ своихъ крошечныхъ пушекъ, иногда выѣзжалъ на взморье и въ стройномъ порядкѣ возвращался къ той же партикулярной верфи, собственно для него устроенной. Всѣ не явившіеся по сигналу платили денежный штрафъ. Это удовольствіе было, впрочемъ, такимъ только для одного Петра да еще весьма немногихъ охотниковъ, хотя и доставляло толпившемуся по берегамъ народу зрѣлище весьма любопытное.

Но побѣдные пиры, спуски кораблей, театральныя и другія представленія, не говоря уже о невскихъ катаньяхъ, имѣли назначеніе спеціальное, касались наполовину однихъ мужчинъ и потому недостаточно способствовали исполненію любимыхъ намѣреній Петра: пріучить общество къ *обществу* и сблизить два пола, размежеванные вѣковымъ обычаемъ. Средства къ вѣрнѣйшему достиженію того и другаго, особенно послѣдняго, могли быть отысканы не иначе, какъ въ какомъ нибудь новомъ учрежденіи, не менѣе спеціальномъ. И Петръ завелъ *ассамблею*, для точнаго разумѣнія которой начерталъ собственноручный уставъ и строго слѣдилъ за его исполненіемъ. Передать нашимъ читателямъ сущность, духъ и формы этого замѣчательнаго петровскаго учрежденія можетъ лучше всего самый уставъ ассамблеи,

(¹) Такъ называлось мѣсто храненія собственныхъ и выдаваемыхъ отъ казны судовъ петербургскихъ жителей, заведенное по указу 12 апрѣля 1718 г. Находилось оно у впаденія Фонтанки въ Неву, между нынѣшними Прачешнымъ и Цѣпнымъ мостами, противъ Лѣтняго сада, гдѣ соляные магазины.

(²) Голландское слово, означающее полупалубное судно, одномачтовое, съ крыльями, употребляемое въ приморскихъ мѣстахъ для перевозки людей и клади.

(³) Онъ же и коммиссаръ, т. е. начальникъ партикулярной верфи, осматривавшій всѣ суда ея три раза въ годъ.

ясный и короткій. Онъ, какъ памятникъ нравовъ тогдашняго времени, долженъ быть любопытенъ для всѣхъ, особенно для любительницъ нынѣшнихъ баловъ, которыхъ петровская *ассамблея* была зародышемъ и предтечею. Приводимъ этотъ уставъ, отъ слова до слова ([1]).

«Ассамблеи—слово французское, которое на русскомъ языкѣ однимъ словомъ выразить невозможно, обстоятельно сказать, вольное, въ которомъ домѣ собраніе или съѣздъ дѣлается, не только для забавы, но и для дѣла; ибо тутъ можетъ другъ друга видѣть и о всякой нуждѣ переговорить, также слышать, что̀ гдѣ дѣлается, притомъ же и забава. А какимъ образомъ оныя ассамблеи отправлять, опредѣляется ниже сего пунктомъ, покамѣстъ въ обычай не войдетъ:

«1) Въ которомъ домѣ имѣетъ ассамблея быть, то надлежитъ письмомъ, или инымъ знакомъ, объявить людямъ, куда вольно всякому придтить, какъ мужскому, такъ и женскому.

«2) Ранѣе пяти или четырехъ не начинается, а далѣе десяти по полудни не продолжается.

«3) Хозяинъ не повиненъ гостей ни встрѣчать, ни провожать, ни подчивать и не точію вышеписанное неповининъ чинить, но хотя и дома не случится онаго, нѣтъ ничего; но токмо повиненъ нѣсколько покоевъ очистить, столы, свѣчи, питье, употребляемое въ жажду кто проситъ, игры, на столахъ употребляемыя.

«4) Часы не опредѣляются, въ которомъ быть, но кто въ которомъ хочетъ, лишь бы не ранѣе и не позже положеннаго времени; также тутъ быть сколько кто похочетъ и отъѣзжать воленъ, когда хочетъ.»

«5) Во время бытія въ ассамблеѣ вольно сидѣть, ходить, играть и въ томъ никто другому прешкодить или унимать; также

([1]) Указъ объ ассамблеяхъ подписанъ въ 1718 г., *26 ноября*,—день приснопамятный для поклонниковъ и поклонницъ *ассамблей* нашего времени.

церемоніи дѣлать вставаньемъ, привожаньемъ и прочимъ отнюдь да не дерзаетъ, подъ штрафомъ Великаго Орла (1), но только при пріѣздѣ и отъѣздѣ поклономъ почтить должно.

«6) Опредѣляется, какимъ чинамъ на оныя ассамблеи ходить, а именно: съ высшихъ чиновъ до оберъ-офицеровъ и дворянъ, также знатнымъ купцамъ и начальнымъ мастеровымъ людямъ, тоже знатнымъ приказнымъ; тожъ, разумѣется, и о женскомъ полѣ, ихъ женъ и дочерей.

«7) Лакеямъ или служителямъ въ тѣ апартаменты не входить, но быть въ сѣняхъ, или гдѣ хозяинъ опредѣлитъ, также въ Австеріи (2); когда и въ прочихъ мѣстахъ будутъ балы или банкеты, не вольно вышеписаннымъ служителямъ въ тѣ апартаменты входить, кромѣ вышеозначенныхъ мѣстъ».

Первая такая ассамблея была у генералъ-адмирала Апраксина, вторая, черезъ день, у тайнаго совѣтника Толстаго, и такъ далѣе, по очереди, заведенной между придворными. Ассамблеи повторялись всю зиму, бывая по *три* раза въ недѣлю. Въ день ассамблеи, часа въ три послѣ обѣда, являлся въ очередной домъ генералъ-полиціймейстеръ (3), обязанный *записывать* всѣхъ пріѣзжающихъ. Потомъ собирались гости, а въ шесть часовъ обыкновенно пріѣзжала царская фамилія. Комнаты, предоставленныя хозяиномъ собранію, посвящались каждая особому занятію. Въ одной — ловкіе шведскіе офицеры и русскія красавицы въ «jupes à cerceaux» (4), съ вычерненными зубами (5), чинно выступали въ польскихъ, церемонно раскланп-

(1) Такъ назывался кубокъ огромной вмѣстимости, имѣвшій фигуру орла. Наполненный виномъ или водкою, этотъ кубокъ осушался каждымъ погрѣшавшимъ въ несоблюденіи какого нибудь общепринятаго правила, что опьяняло виновнаго и, разумѣется, смѣшило гостей.

(2) Ресторанъ тогдашняго времени, называвшійся и аустеріею.

(3) Антонъ Мануиловичъ Девіеръ, любимецъ и генералъ-адъютантъ Петра I, женатый на родной сестрѣ князя Меншикова, впослѣдствіи графъ.

(4) Weber. I, 64.

(5) Странная мода, бывшая тогда во всеобщемъ употребленіи между женщинами.

вались въ менуэтахъ и весело подпрыгивали въ англійскомъ контрдансѣ; въ другой—гости курили вокругъ столовъ, уставленныхъ бутылками; въ третьей—серьезно козыряли въ l'entrée, невинно забавлялись въ короли, задумывались надъ шахматами и стучали шашками, игра, въ искусствѣ которой государь не зналъ себѣ равнаго. Четвертая комната была самою интересною. Тамъ «les dames et les gentilshommes se divertissainet à se faire les uns aux autres des questions et des commendemens, â se condamner à l'amende, quand ils avient manqué á faire des propos interrompus, et autres choses semblables qui sont capables d'exciter la belle humeur et de faire rire» (¹).

Все это освѣщалось сальными свѣчами, перемежалось разносимыми чаемъ и мороженымъ, оглушалось довольно грубою музыкою, о которой мы дали понятіе выше.

Таковы были петровскія ассамблеи.

Свидѣтельница и участница всѣхъ или почти всѣхъ явленій петербургскаго общественнаго быта, княжна, во все время пребыванія своего въ Петербургѣ, продолжала жить зимою въ самомъ городѣ, лѣтомъ—въ Кронштадтѣ, подносить анисовую водку государю, не рѣдкому посѣтителю дома ея отца, слышать о странныхъ чествованіяхъ этого отца, частію — видѣть ихъ, наконецъ читать царскія письма князю-кесарю, съ подписью: «*нижайшій слуга Петръ*». Нѣтъ сомнѣнія, что княжна участвовала въ поѣздкахъ къ олонецкимъ минеральнымъ водамъ, цѣлебная сила которыхъ была тогда въ большой славѣ и даже рекомендовалась публикѣ указами, съ прописаніемъ состава и свойствъ самыхъ водъ, методы леченія ими и проч. За тѣмъ, княжна не разъ обѣдывала во дворцѣ роскошнаго Меншикова и ѣзжала къ обѣднѣ въ его домовую церковь послушать *предику*, т. е. проповѣдь, тогда новинку въ Петербургѣ, особенно, если витійствовалъ умный и хитрый епископъ Ѳеофанъ или—жертва его впослѣдствіи—архимандритъ Ѳеофилактъ Лопатинскій, из-

(¹) Weber. I, 64.

вѣстный архіепископъ-страдалецъ при Биронѣ. Наконецъ княжна пировала въ садахъ радушнаго Апраксина, при громѣ роговой музыки, и тамъ конечно видала какъ, въ исходѣ веселаго пира, почтенный адмиралъ-хозяинъ опускался на колѣни передъ гостемъ, едва державшимся на ногахъ, и со слезами упрашивалъ его осушить *послѣдній* кубокъ. Бывала княжна и на праздникахъ въ Лѣтнемъ саду, тогда украшенномъ цвѣтами, водометами и великолѣпнымъ гротомъ, видавшемъ даже царицу, тетку княжны, въ ея черномъ платьѣ и большой шапкѣ, обыкновенномъ тогдашнемъ уборѣ старухъ. На глазахъ княжны похоронили въ Петербургѣ грозу шведовъ—Шереметева, и надежду Россіи — царевича-наслѣдника Петра Петровича; отправили гвардейскаго капитана Измайлова посломъ въ Китай и отпраздновали гренгамскую побѣду Голицына тріумфальнымъ входомъ въ С.-Петербургъ, фейерверкомъ на Троицкой площади и трехдневными иллюминаціями всего города. Въ 1720 г., княжна читала, напримѣръ, въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ (¹), что: «сего декабря въ 13 день, въ Санктпетербургѣ на площади сожженъ богохульникъ и іконоборецъ Шуйскаго уѣзда Василья Зміева крестьянинъ Івашка Красной, за то, что октября 23 дня, сего же 720 года, какъ было въ Москвѣ ізъ соборной церкви Успенія Пресвятыя Богородицы крестное хожденіе въ соборную церковь Чудотворнаго Образа Пресвятыя Богородицы, именуемаго Казанскія, онъ, Івашка, обругалъ спасителевъ образъ и животворный крестъ Господень въ Никольскихъ воротахъ и для того поіманъ», и—знала, что производителемъ этой страшной казни былъ отецъ ея, князь-кесарь. А лѣтомъ 1721 г. княжна слышала о торжественномъ повѣшеніи предъ окнами Юстицъ-Коллегіи великолѣпнаго и гордаго князя Гагарина, губернатора

(¹) Извѣстны съ 1714 г. Впослѣдствіи, именно съ 1728 г., изданіе ихъ поручено Академіи Наукъ. Выходили по вторникамъ и пятницамъ, *in*—4.

всей Сибири, обвиненнаго въ лихоимствѣ, а по преданію—мечтавшаго о независимости за Ураломъ.

И тѣмъ же лѣтомъ, когда Россія, заново расчерченная на *провинціи*, привыкала къ учрежденіямъ *почтъ* и *Сѵнода*, на петербургскихъ улицахъ, уже наблюдаемыхъ новорожденною *полиціею*, показался отрядъ драгунъ, передъ нимъ трубы и литавры, и наконецъ, какіе-то люди, съ бѣлыми тафтяными шарфами черезъ плечо, державшіе въ рукахъ бѣлыя знамена, украшенныя зелеными лавровыми вѣнками. Эти люди были герольды, вѣстники мира, подписаннаго въ Нейштадтѣ 30 августа и кончившаго двадцатилѣтнюю войну.

Петербургу предстояли торжества, а отъ княжны была уже недалеко новая, замужняя жизнь...

Праздники и увеселенія, по случаю мира, украшенные недавнимъ пріѣздомъ въ Петербургъ герцога Голштинскаго, будущаго супруга царевны Анны Петровны и дѣда императора Павла I, были продолжительны и разноообразны.

4 сентября государь отслушалъ обѣдню и благодарственный молебенъ въ Троицкой церкви, принялъ предложенное ему государственными чинами званіе адмиральское и, въ преображенскомъ мундирѣ, съ андреевскою лентою черезъ плечо, явился на площадь, уставленную кадями пива и меда для угощенія народнаго. Здѣсь Петръ взошелъ на высокій, нарочно устроенный помостъ, снялъ шляпу, поклонился толпамъ многочисленнаго народа и сказалъ: *Здравствуйте и благодарите Бога, православные, что за толикую долговременную войну, которая продолжалась чрезъ двадцать одинъ годъ, оную всесильный Богъ прекратилъ, и даровалъ вамъ и Швеціи миръ вѣчный.*» Потомъ государь зачерпнулъ въ одной изъ кадей ковшъ вина, повторилъ: «здравствуйте, православные!» и выпилъ [1].

---

(1) «Панорама С.-Петербурга», Башуцкаго. I, 207.

На другой день былъ большой обѣдъ въ залахъ почтоваго дома (1).

10 сентября, въ девять часовъ утра, пушечные выстрѣлы возвѣстили городу особое торжество. Всѣ обѣдавшіе въ почтовомъ домѣ съѣзжались на Троицкую площадь, закутанные въ широкіе плащи. Въ десять часовъ прибыла царская фамилія, и всѣ вошли въ Троицкій храмъ. Здѣсь вѣнчали дряхлаго князя-папу, Бутурлина, съ вдовою предмѣстника его, графа Зотова (2). Шестидесятилѣтняя невѣста, почтенная Анна Еремѣевна, по себѣ Пашкова, вѣнчанная и въ первый-то разъ на 55 году жизни съ семидесятилѣтнимъ Зотовымъ, да еще девяностолѣтнимъ священникомъ, цѣлый годъ не соглашалась на вторичное посмѣяніе. Но дѣлать было нечего, и она стала женою Бутурлина. Когда всѣ вышли изъ церкви, Петръ собственноручно ударилъ сборъ. По этому сигналу, мигомъ слетѣли широкіе плащи, и глазамъ удивленнаго народа предсталъ великолѣпный маскарадъ, болѣе, чѣмъ въ тысячу масокъ, раздѣленныхъ кадрилями.

Чего-чего тутъ не было! Князь-кесарь Ромодановскій, въ бархатной мантіи на горностаяхъ, сіяющей драгоцѣнными каменьями, и въ золотой коронѣ, со скиптромъ въ рукѣ, изображалъ древняго царя. Его окружала толпа слугъ, въ старинныхъ одеждахъ. Ему предшествовали четыре барабанщика, въ томъ числѣ и самъ государь. Княгиня-кесарша, въ pendant къ своему супругу, являлась древнею царицею и шествовала въ длинной красной бархатной мантіи, отороченной золотомъ, съ короною на головѣ изъ драгоцѣнныхъ камней и жемчуга. За нею слѣдовала свита женщинъ, въ русскихъ платьяхъ. Императрица,

(1) Стоялъ на мѣстѣ нынѣшняго Мраморнаго дворца.

(2) Хотя на это *графство* и выдана грамота, но, по смерти Зотова, въ 1717 г., сыновьямъ его *запрещено именоваться графами* (вотъ что значилъ князь-папа!) и только праправнуку Зотова, женатому на княжнѣ Куракиной, возвращено уже при Александрѣ I графское достоинство. «Рос. Родосл. Книга», изд. княземъ Долгоруковымъ. II, 111.

окруженная восемью арабами въ индѣйскихъ костюмахъ, была одѣта фрисландскою крестьянкою; Меншиковъ — гамбургскимъ бургомистромъ; герцогъ Голштинскій — въ розовомъ шелковомъ кафтанѣ съ золотыми галунами. Князь-папа, *молодой*, отличался смѣшнымъ величіемъ. Танцмейстеръ дѣтей Меншикова чрезвычайно удачно подражалъ Сатиру. Одинъ изъ придворныхъ служителей, съ тигровою кожею на плечахъ и виноградною кистью въ рукѣ, за три дня *практически* вникавшій въ настоящую роль свою, неподражаемо напоминалъ Бахуса. Далѣе слѣдовали страусы, журавли, пѣтухи; два карлика съ бородами вели на веревкахъ двухъ великановъ, одѣтыхъ дѣтьми; нѣсколько длинныхъ бородъ, въ парчевой одеждѣ древнихъ бояръ, ѣхало на живыхъ медвѣдяхъ; царскій шутъ Вителли, зашитый въ медвѣжью шкуру, преловко пугалъ изъ своей клѣтки народъ и проч.

Вся эта компанія отправилась въ зданіе Сената, бывшее тогда на Петербургской сторонѣ; а брачнымъ чертогомъ назначена молодымъ маленькая комнатка внутри деревянной пирамиды, воздвигнутой на Троицкой площади, въ воспоминаніе гренгамской побѣды.

На слѣдующій день весь маскарадъ собрался снова — поздравлять новобрачныхъ. Князь-папа встрѣчалъ каждаго гостя въ дверяхъ, подчивалъ пивомъ изъ стоявшаго возлѣ чана, цѣловалъ и благословлялъ *на веселіе*. За тѣмъ слѣдовало переѣхать чрезъ Неву, къ торжественному свадебному обѣду въ почтовомъ домѣ. На плоту изъ бочекъ утвердили огромный чанъ съ пивомъ и пустили плавать въ этомъ пивѣ деревянную чашу, въ которую посадили самого князя-папу. Къ этому оригинальному экипажу прибуксировали нѣсколько другихъ плотовъ, по числу кардиналовъ. Каждый такой плотъ состоялъ изъ двухъ связанныхъ бочекъ, съ боченкомъ наверху, гдѣ и возсѣдалъ кардиналъ. Поѣздъ отправился. Впереди, въ лодкѣ, сдѣланной наподобіе морскаго чуда, ѣхалъ царскій шутъ, одѣтый Нептуномъ; трезуб-

цемъ онъ поворачивалъ и колыхалъ чашу, гдѣ сидѣлъ папа, голова котораго едва выглядывала изъ-за высокихъ краевъ громаднаго чана. Наконецъ окончился переѣздъ, непріятный для князя-папы и нѣсколько опасный для его кардиналовъ. Но при выгрузкѣ новобрачнаго на берегъ, представились неожиданныя и смѣшныя затрудненія: при малѣйшемъ покушеніи папы подняться на ноги, чаша накренялась и грозила нырнуть въ пиво. Наконецъ Бутурлина подхватили подъ-руки, стали высаживать и, какъ будто нечаянно, окунули въ пиво. Старикъ обидѣлся и разсердился ([1]).

Тотъ же маскарадъ, съ нѣкоторыми перерывами, продолжался до исхода мѣсяца. Но участвовавшіе въ кадриляхъ, даже и во дни отдыха, должны были являться на улицѣ въ своихъ костюмахъ. Иначе, они платили штрафныхъ денегъ 50 рублей.

Главнѣйшее же торжествованіе мира назначалось 22 октября.

Въ этотъ день царская фамилія и дворъ прибыли къ обѣднѣ въ Троицкую церковь. Послѣ службы, прочитанъ съ амвона ратификованный мирный трактатъ. Краснорѣчивый Ѳеофанъ, въ произнесенномъ тутъ же словѣ, приглашалъ народъ воздать монарху дань признательности, достойную увѣковѣчить настоящій достопамятный день. Тогда изъ толпы вельможъ отдѣлился канцлеръ Головкинъ, приблизился къ государю и, отъ лица всѣхъ государственныхъ чиновъ, произнесъ рѣчь, въ которой, именемъ всѣхъ подданныхъ, благодарилъ Петра за то, что «*они Петромъ изъ тмы невѣдѣнія на ѳеатръ славы всего свѣта, и, тако рещи, изъ небытія въ бытіе произведены, и въ сообщество политичныхъ народовъ присовокуплены*», молилъ Петра принять названія: *отца отечества*, *великаго*, *императора*, и заключилъ словами: «*Твоя отъ твоихъ, и достойное достойному воздаемъ! Виватъ, виватъ, виватъ! Петръ Великій,*

([1]) «Дневникъ» Беркгольца. «Панорама» Башуцкаго.

отецъ отечества, императоръ всероссійскій». Едва Сенатъ повторилъ заключеніе рѣчи Головкина, раздались громкія восклицанія народа внутри и внѣ церкви, зазвучали барабаны и литавры, загудѣлъ колокольный звонъ и загрохотала съ крѣпости, адмиралтейства и флота пушечная пальба, переливаясь съ ружейною двадцати полковъ, стоявшихъ въ парадѣ на Троицкой площади. Когда все успокоилось, Петръ сказалъ: «*Зѣло желаю, чтобъ нашъ весь народъ прямо узналъ, что Господь Богъ прошедшею войною и заключеніемъ сего мира намъ сдѣлалъ. Надлежитъ Бога всею крѣпостію благодарить; однако же, надѣясь на миръ, не надлежитъ ослабѣвать въ воинскомъ дѣлѣ, дабы съ нами не такъ сталось, какъ съ монархіею Греческою. Надлежитъ трудиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ, который Богъ намъ предъ очьми кладетъ, какъ внутрь, такъ и внѣ, отъ чего облегченъ будетъ народъ*» (1). Отправлено новое молебствіе, снова повторилась пальба и особою колѣнопреклоненною молитвою кончилось церковное торжество дня.

Петръ вышелъ изъ церкви. Народъ, заливавшій площадь, хваталъ его за полы кафтана и цѣловалъ ихъ. Французскій, прусскій, голландскій, датскій и мекленбургскій посланники были очевидцами этого восторга.

Въ Сенатѣ ждалъ государя столъ на тысячу кувертовъ. Народу отданъ жареный быкъ, начиненный птицами, выставлены фонтаны бѣлаго и краснаго вина и открытъ театръ. Преступникамъ, кромѣ разбойниковъ и святотатцевъ, объявлено помилованіе. Всѣмъ вообще прощены недоимки на сумму въ нѣсколько милліоновъ рублей. Придворный балъ и великолѣпный фейерверкъ, въ которомъ горѣлъ храмъ Януса, заключили лучшій день жизни Петра, увѣковѣченный золотыми и серебряными медалями.

Черезъ день послѣ описаннаго торжества, повторился прежній маскарадъ. А ровно черезъ двѣ недѣли, 5 ноября, ликующій

(1) Голиковъ; Башуцкій.

Петербургъ былъ встревоженъ довольно серьезнымъ наводненіемъ: вода поднялась въ Невѣ на семь слишкомъ футовъ выше обыкновенной (¹).

Недѣлю спустя, Петербургъ былъ уже покоенъ, и 12 ноября сыграна свадьба гвардіи маіора Матюшкина, на которой въ должности *подругъ* невѣсты, вдовы Яковлевой, состояли: княжна-кесаревна и будущая золовка ея графиня Анна Гавриловна Головкина. Другія свадебныя роли, при той же невѣстѣ, занимали: *посаженнаго отца* — адмиралъ графъ Апраксинъ, *матери* — императрица, *брата* — старый генералъ Ив. Ив. Бутурлинъ, *сестры* — генеральша Балкъ, *дружки*—каммеръ-юнкеръ Балкъ.

На этой свадьбѣ *два раза* публично выразилось уваженіе Петра къ фамиліи Ромодановскихъ, съ цѣлью, разумѣется, забавною. А такъ какъ это уваженіе оба раза относилось именно къ лицу княжны, то можно думать, что и прежде, въ разное время, доводилось ей, по милости судьбы, участвовать въ комической роли отца. Но разскажемъ, какъ было дѣло.

По законамъ свадебнаго церемоніала, подруга невѣсты, въ началѣ обѣда, повязывала бантъ невѣстину дружкѣ (²); а дружка, по общепринятому обычаю, цѣловалъ въ губы повязывавшую, какъ бы благодаря ее за трудъ. Такъ точно поступилъ и Балкъ, кавалеръ красивый и ловкій, знатокъ свадебныхъ обрядовъ и танцовальныхъ премудростей. Но Петръ, желая подшутить надъ красавцемъ, замѣтилъ, что Балкъ, *изъ почтенія къ дочери кесаря*, не долженъ былъ цѣловать кесаревну въ губы, а могъ только приложиться къ ея ручкѣ. Послѣдовалъ, разумѣется, штрафъ, то есть, каммеръ-юнкеръ принужденъ былъ выпить до дна огромнѣйшій бокалъ венгерскаго вина. Потомъ, когда во время послѣобѣденныхъ танцевъ княжна прошла

(¹) Башуцкій. I, 222.

(²) Такой бантъ состоялъ изъ кружевъ и разноцвѣтныхъ лентъ, былъ очень великъ и прикрѣплялся на правой рукѣ, нѣсколько ниже плеча.

одинъ минуэтъ съ герцогомъ Голштинскимъ и начала другой съ франтоватымъ Балкомъ, объ этой парѣ доложили государю, бывшему въ сосѣдней комнатѣ. Петръ прибѣжалъ въ залу и мигнулъ одному изъ своихъ денщиковъ. Можно себѣ представить ужасъ Балка, по окончаніи танца, увидѣвшаго передъ собою самого Петра съ тѣмъ же бокаломъ, на этотъ разъ полнехонькимъ. Не чувствуя за собою никакой погрѣшности, Балкъ изумленными глазами смотрѣлъ на государя. — «Это за то», говорилъ государь, «что ты не отдалъ княжнѣ решпекту и, послѣ танца, не поцѣловалъ ей ручки», и подалъ каммеръ-юнкеру бокалъ. Дѣлать было нечего. Бѣдный Балкъ, у котораго и такъ уже шумѣло въ головѣ отъ перваго штрафа, снова увидѣлъ знакомое ему дно бокала и охмѣлѣлъ совершенно ([1]).

Въ декабрѣ государь выѣхалъ въ Москву, свидѣтельницу первоначальныхъ его тріумфовъ. За нимъ послѣдовалъ дворъ, отправились и Ромодановскіе.

18 декабря Петръ съ гвардіею и бутырскимъ полкомъ церемоніально вступилъ въ Москву и прошелъ *пятью* тріумфальными воротами, воздвигнутыми въ разныхъ мѣстахъ города.

Съ наступившими святками начались московскія празднества, продолженіе петербургскихъ, но съ тѣмъ отличіемъ, что въ одинъ зимній день Москва увидѣла на своихъ улицахъ флотъ. Да, флотъ. Онъ явился по петербургской дорогѣ, именно отъ Всесвятскаго, и, начиная съ Тверской, прослѣдовалъ многими лучшими улицами. Впереди шла раззолоченная галера, съ генералъ-адмираломъ и сильными гребцами, которые усердно дѣйствовали веслами, какъ на морѣ. За галерою всѣ увидѣли трехмачтовый фрегатъ, о шестнадцати мѣдныхъ пушкахъ, экипажъ котораго, одѣтый по-голандски, въ черное бархатное платье, очень серьезно лазилъ по марсамъ и реямъ, съ крикомъ «ура!» который подхватывался и зрителями. Далѣе—рядъ великолѣпныхъ баржъ, съ царскою фамиліею и дворомъ, разныя шлюпки

([1]) «Дневникъ» Беркгольца. 1721 г., 12 ноября.

и до 30 мелкихъ судовъ. Съ флота раздавались барабаны, литавры, трубы и другіе инструменты. Всѣ эти корабли и лодки были очень искусно поставлены на сани, вовсе не замѣтныя глазу (¹).

Торжествованіе мира въ Москвѣ, назначенное 28 января, было одинаково съ петербургскимъ: богослуженіе, парадный обѣдъ, угощеніе народа выставкою питей и яствъ, наконецъ фейерверкъ, послѣ котораго государь катался въ санкахъ по городу, иллюминованному прозрачными картинами.

На масляницѣ, въ понедѣльникъ, Петръ пріѣхалъ къ Краснымъ воротамъ, повертѣлся на качеляхъ и, предоставивъ то же удовольствіе солдатамъ, сѣлъ обѣдать за столомъ, приготовленнымъ подъ открытымъ небомъ, у самыхъ Красныхъ воротъ. Народъ не могъ наглядѣться на государя; «ура!» не умолкало. А во вторникъ распахнулся шатеръ, скрывавшій москворѣцкія горы. Первый скатился государь, за нимъ царская фамилія, вельможи и множество охотниковъ (²).

Веселясь съ народомъ, Петръ не забывалъ и государственныхъ дѣлъ: далъ Сенату генералъ-прокурора, Москвѣ—полицію; издалъ табель о рангахъ, отъ которой не ушли ни жены, ни дочери вельможъ и чиновниковъ, отмѣченныя въ 9 и 10 пунктахъ этой табели; наконецъ объявилъ всенароднымъ манифестомъ, отъ 5 февраля, что монархъ Россіи воленъ самъ себѣ назначать преемника.

Что̀ же дѣлала въ Москвѣ княжна? Необходимо участвовала во всѣхъ удовольствіяхъ двора и города. Ѣздила къ царицѣ-теткѣ въ Измайлово, гдѣ, по воскресеньямъ, всегда встрѣчала царевенъ Анну и Елизавету, избиравшихъ именно этотъ день для посѣщенія вдовы царя Ивана Алексѣевича. Была, въ числѣ семи особъ женскаго пола, на ассамблеѣ у Александра Григорь-

(¹) Голик. IX, 36.

(²) «Москва, или историческій путеводитель по знаменитой столицѣ государства Россійскаго». III, 223. Изд. 1831 г.

евича Строгонова, богатѣйшаго барина тогдашней Москвы, и тамъ, потанцовавъ подъ музыку хозяйскаго оркестра, участвовала въ petits-jeux ([2]), затѣянныхъ новымъ генералъ-прокуроромъ Ягушинскимъ, человѣкомъ вообще очень веселаго нрава. Отпраздновала послѣднюю зимнюю—и свою дѣвичью—ассамблею въ домѣ родительскомъ, въ одномъ обществѣ съ Петромъ, герцогомъ Голштинскимъ и всѣмъ дворомъ, только что пріѣхавшими съ имениннаго обѣда отъ княгини Меншиковой, гдѣ была и сама княжна. Дѣлала *визиты*, существовавшіе, какъ неизбѣжное зло, и во дни Петра, но только съ тою разницею, что тогда визиты совершались *по вечерамъ*, потому что старинная публика, послѣ ранняго обѣда, торжественно ложилась почивать, по крайней мѣрѣ, часа на три. Наконецъ, и самое главное, княжна стала невѣстою.

Познакомимся съ семействомъ, въ которое готовилась вступить княжна Ромодановская.

Головкины происходятъ изъ Польши. Первовыѣхавшій въ Россію (около 1485 г.), Головкинъ, *Иванъ Кишукумовичъ*, значится въ 1512 г. удѣльнымъ бояриномъ въ г. Дмитровѣ. Потомки его подарили нѣсколько деревень Троицкому-Сергіеву монастырю. Одинъ изъ нихъ, *Семенъ Родіоновичъ*, былъ женатъ на Акулинѣ Ивановнѣ Раевской, родная сестра которой, *Прасковья*, была родная бабка, по матери, царицы Наталіи Кириловны. Внукъ Семена, *Гавріилъ Ивановичъ*, служилъ сначала спальникомъ, потомъ постельничимъ, далѣе верховнымъ комнатнымъ и былъ очень любимъ своею внучатною сестрою, царицею Наталіею. Въ 1703 г., за бой у дер. Калинкиной, Петръ возложилъ на Головкина андреевскую ленту. Въ 1709 г., на полтавскомъ полѣ, поздравилъ его государственнымъ канцлеромъ. Графъ Римской имперіи съ 1707 года, Головкинъ, въ 1710 году, получилъ графское достоинство *россійское*. Кромѣ множества договоровъ,

([2]) *Petits-jeux* тогда не были еще общеизвѣстны, и только въ кругу московскихъ нѣмцевъ существовали *фанты*. Беркг.

онъ же заключилъ и миръ прутскій, сопровождалъ Петра въ путешествіяхъ за границу, пользовался особеннымъ расположеніемъ государя, имѣлъ великое значеніе, какъ мужъ совѣта, владѣлъ цѣлымъ Каменнымъ островомъ въ Петербургѣ, многими домами и помѣстьями въ разныхъ мѣстахъ, но былъ чрезвычайно скупъ ([1]). Три сына его были воспитаны за границею. Два изъ нихъ, *Иванъ* и *Александръ*, были въ описываемое время министрами при иностранныхъ дворахъ, а съ третьимъ, *Михаиломъ Гавриловичемъ*, тогда еще сержантомъ гвардіи, должна была соединить судьбу свою княжна Ромодановская. Впослѣдствіи мы короче познакомимся съ Михаиломъ Гавриловичемъ, а теперь, опираясь на показаніе Беркгольца, можемъ сказать одно, что суженый княжны Екатерины Ивановны хорошо говорилъ по-нѣмецки. Были у канцлера и двѣ дочери: *Анна*, первая въ Петербургѣ искусница танцовать, отлично говорившая по-нѣмецки, и *Настасья*, недурная собою, но великая охотница румяниться. Обѣ сестры вышли замужъ въ одинъ и тотъ же годъ съ княжною: сначала младшая, за князя Никиту Юрьевича Трубецкаго, а потомъ и старшая, за извѣстнаго уже намъ издали Ягушинскаго.

Свадьбѣ княжны-кесаревны государь указалъ быть 8 апрѣля. За два дня, нѣсколько капитановъ гвардіи отправлены съ приглашеніями ко всѣмъ знатнѣйшимъ лицамъ Москвы. Красныя ворота назначались сборнымъ пунктомъ гостей. Тутъ же неподалеку былъ и домъ жениха. Званіе *маршала* свадьбы принялъ на себя самъ государь.

8 апрѣля, въ 11 ч. утра, государь пріѣхалъ къ жениху и повезъ его въ церковь, сосѣднюю съ домомъ князя-кесаря. Этотъ поѣздъ жениха слѣдовалъ такъ:

Два трубача, верхомъ, не трубившіе.

([1]) Гавріилъ Ивановичъ былъ женатъ на *Домнѣ Андреевнѣ Дивовой*, а сынъ его, Иванъ, на дочери повѣшеннаго князя Гагарина, губернатора сибирскаго.

Двѣнадцать шаферовъ, верхомъ.

Петръ, въ открытомъ кабріолетѣ (Ягушинскаго) шестернею, съ большимъ маршальскимъ жезломъ въ рукѣ.

Женихъ, въ каретѣ шестернею.

Гости, кому какъ пришлось.

Оставя жениха въ церкви, Петръ отправился за невѣстою. Поѣздъ княжны-кесаревны въ церковь расположенъ былъ такъ:

Два трубача, верхомъ, игравшіе маршъ.

Двѣнадцать шаферовъ—капитаны гвардіи—на прекрасныхъ лошадяхъ въ богатыхъ чепракахъ и сбруяхъ.

Петръ, верхомъ на превосходномъ гнѣдомъ конѣ, съ жезломъ въ правой рукѣ. Чепракъ и сѣдло его — зеленые бархатные — были шиты золотомъ.

Невѣста, въ каретѣ шестернею. Съ нею, на переднемъ мѣстѣ, двѣ ея подруги: *Нарышкина*, тогда невѣста несчастнаго впослѣдствіи Волынскаго, и младшая *Головкина*, невѣста князя Трубецкаго.

Дамы, занимавшія свадебныя должности.

Когда невѣста подъѣхала къ церкви, Петръ проворно спрыгнулъ съ лошади и отворилъ дверцу кесаревниной кареты. Посаженные отцы, князь Меншиковъ и графъ Апраксинъ, приняли невѣсту подъ руки и ввели ее въ церковь. Серебрянный вѣнецъ невѣсты былъ такъ тяжелъ, отъ множества брилліантовъ и жемчуга, что его все время держали на рукахъ, не опуская ей на голову.

По окончаніи обряда, молодую отвезли, прежнимъ порядкомъ, посаженые отцы.

Когда весь поѣздъ прибылъ въ домъ, Петръ началъ строго разсортировывать присутствующихъ, высылая изъ первой комнаты всѣхъ, кто не имѣлъ должностнаго прибора за свадебнымъ столомъ. Исключеній сдѣлано немного. Остались: каммеръ-юнкеръ Балкъ, 2 каммеръ-пажа императрицы, 2 деньщика государя, шаферы и голштинскій каммеръ-юнкеръ Беркгольцъ, изъ

описанія котораго мы заимствуемъ нашъ разсказъ объ этой свадьбѣ.

Оставшись съ избранными, Петръ лично занялся порядкомъ свадебныхъ столовъ и самъ разсаживалъ гостей, по мѣстамъ и чинамъ, каждый полъ особо.

За *дамскій* столъ государь посадилъ: молодую, по правую руку—ея посаженую мать, *императрицу*, по лѣвую—женихову, княгиню *Меншикову*; подлѣ императрицы—сестру невѣсты, *княгиню Черкасскую*; подлѣ Меншиковой—сестру жениха, *генеральшу Балкъ;* у средины стола, противъ невѣсты, дружку ея, *Нарышкина*; подлѣ него, по обѣимъ сторонамъ, подругъ невѣсты, *Нарышкину* и *Головкину*; далѣе, въ обѣ стороны, дамъ по чинамъ.

Въ *мужскомъ* столѣ государь велѣлъ сѣсть: молодому, подлѣ него, по правую руку, его посаженому отцу *князю Меншикову*, по лѣвую—посаженому отцу невѣсты, *графу Апраксину;* подлѣ Меншикова его брату, тайному совѣтнику *Толстому*; подлѣ Апраксина—ея брату, генералъ-маіору и оберъ-шенку (¹) Вас. Ѳед. *Салтыкову;* противъ жениха—*герцогу Голштинскому;* подлѣ него, по правую руку, цесарскому послу *графу Кинскому;* а по лѣвую—прусскому послу, барону *Мардефельду*. Далѣе, въ обѣ стороны, мужчинамъ, по чинамъ.

Тосты слѣдовали въ удивительномъ порядкѣ. Петръ всѣмъ распоряжалъ самъ и былъ въ отличномъ расположеніи духа. Императрица, какъ бы сжалясь надъ хлопотавшимъ и не ѣвшимъ маршаломъ, послала ему съ каммеръ-юнкеромъ жаренаго голубя. Петръ отошелъ къ буфету и тамъ, не присаживаясь, ѣлъ голубя *изъ рукъ*, съ большимъ аппетитомъ.

Первая перемѣна кушаній была, по обычаю, *холодная*, вторая — *горячая*.

Увидя, что эту вторую перемѣну несутъ на столъ гренадеры, Петръ побѣжалъ къ оберъ-кухмейстеру, ударилъ его мар-

---

(¹) Исправлялъ эту должность при вдовствовавшей царицѣ, родной сестрѣ своей.

шальскимъ жезломъ, велѣлъ гренадерамъ съ перемѣною возвратиться и передать блюда капитанамъ гвардіи, которые и поставили ихъ на столы. Герцогу и иностраннымъ министрамъ государь подавалъ напитки собственноручно; прочимъ разносили шаферы, то есть капитаны гвардіи.

По окончаніи стола, начались танцы, сперва *церемоніальные*, То есть: дамы стали по одну сторону, кавалеры по другую; музыканты заиграли родъ погребальнаго марша; кавалеръ и дама первой пары, сдѣлавъ *реверансы* сосѣдямъ и другъ другу, взялись за руки, оттанцовали туръ влѣво и стали опять на свое мѣсто. То же, поочередно, повторили и всѣ пары, вообще безъ всякаго такта (¹). За тѣмъ слѣдовали *польскіе*, *минуэты* и *англезы*. Молодая часто танцовала съ герцогомъ, но первый минуэтъ торжественно прошла съ мужемъ.

Когда стемнѣло, передъ домомъ зажгли фейерверкъ. Въ щитѣ сіяли двѣ соединенныя буквы *P* и *C*, изъ бѣлаго и голубаго огней, съ надписью бѣлымъ огнемъ «Vivat» (²). Фейерверкомъ распоряжался самъ Петръ, все время бывшій на дворѣ.

Послѣ фейерверка состоялся обычный танецъ, называвшійся *прощальнымъ*. Пары связывались носовыми платками, и каждая, становясь поочередно первою, должна была изобрѣтать фигуры, а прочія—подражать ей. Этотъ танецъ, начинаясь въ залѣ, могъ окончиться и въ другихъ комнатахъ, въ саду, даже на чердакѣ, что зависѣло отъ коновода, то есть прыгавшаго впереди скрипача. Но на свадьбахъ этимъ коноводомъ становился маршалъ. И Петръ, съ жезломъ въ рукѣ, усердно прыгалъ передъ танцующими и завелъ всѣхъ въ спальню. Тамъ, за столомъ, уставленнымъ только однѣми сластями, усаживалась исключительно свадебная родня, не встававшая съ мѣста

(¹) Церемоніальный танецъ, особенно на свадьбахъ, возобновлялся разъ до шести.

(²) То есть: *Wivat princesse Catherine*.

до тѣхъ поръ, пока не доложатъ ей, что молодой совершенно пьянъ. Такъ было и тутъ. Михаилъ Гавриловичъ, къ 11 часамъ вечера, не стоялъ на ногахъ, и гости разъѣхались, выслушавъ отъ шаферовъ приглашеніе: пожаловать завтра, въ 3 часа пополудни, въ домъ князя-кесаря.

На другой день герцогъ и многіе гости были уже на мѣстѣ въ 3 часа. Но Петръ и Екатерина пріѣхали въ $6^1/_2$ часовъ и тотчасъ же сѣли за столъ, по вчерашнему; только бывшіе въ правой рукѣ сѣли обратно. Когда молодой, *пройдя*, по обычаю, *черезъ столъ*, сорвалъ вѣнокъ надъ головою своей жены и, возвращаясь, хотѣлъ сѣсть на приготовленное ему мѣсто по правую ея руку, Петръ сказалъ ему по голландски: «нѣтъ, постой, дочь кесаря должна сидѣть на первомъ мѣстѣ.» Молодые пересѣли. Тосты слѣдовали одинъ за другимъ, съ обычными церемоніями. Петръ, какъ маршалъ, прислуживалъ. Когда обѣдъ окончился, Екатерина и дамы пошли въ другія комнаты, чтобы дать время подмести и убрать все въ залѣ для танцевъ; а Петръ съ шаферами сѣлъ въ сосѣдней комнатѣ обѣдать.

Послѣ церемоніальныхъ танцевъ, Екатеринѣ вздумалось помучить стариковъ, — канцлера и Григ. Ѳед. Долгорукова: она, танцуя въ первой парѣ съ герцогомъ Голштинскимъ, долго не прекращала танца, и старики страшно устали. Но тотчасъ же начавшійся *англезъ* обязалъ не только ихъ, но и всѣхъ толстяковъ приготовиться къ моціону. Государь и государыня придумывали, въ первой парѣ, разныя премудрости; Апраксинъ, Шафировъ, Толстой и князь-кесарь, люди очень толстые, слѣдуя за ними, едва переводили духъ. Но первая пара была неутомима, и толстяки, обливаясь потомъ, полумертвые отъ утомленія, валились на стулья. Развеселившійся государь пустилъ въ ходъ штрафные бокалы. Пляска и попойка длились до 11 часовъ вечера. Танцовали, впрочемъ, только тѣ, которые были въ башмакахъ. Императрица уѣхала первая; за нею вскорѣ государь, а потомъ, понемногу, и гости.

Беркгольцъ особенно хвалитъ видѣнную имъ постель кесаревны, *лучшую во всей Россіи*, сдѣланную по французской модѣ, обитую краснымъ бархатомъ, съ широкимъ вездѣ золотымъ галуномъ.

И такъ, не стало *послѣдней* въ Россіи княжны Ромодановской.

Недѣлю спустя, новобрачные присутствовали на новой свадьбѣ, въ своемъ же семействѣ: младшая сестра Головкина, Настасья, выходила за гвардіи сержанта, князя Никиту Юрьевича Трубецкаго, въ которомъ и наша молодая графиня пріобрѣтала себѣ новаго роднаго.

Но жребій той и другой четы былъ неодинаковъ, — Трубецкимъ предстояло, черезъ нѣсколько дней, ѣхать: ему — въ Персію за царемъ, ей — до Астрахани за царицею; тогда какъ Головкины оставались въ Москвѣ, хотя еще съ февраля мѣсяца Михаилъ Гавриловичъ былъ назначенъ министромъ въ Пруссію, на смѣну брата своего Александра. Не мѣшаетъ замѣтить, что такое назначеніе давало Головкину, простому сержанту гвардіи, званіе каммеръ-юнкера. Содержаніе же, ассигнованное ему, 3,000 р. въ годъ, равнялось только *половинѣ* получавшагося Александромъ Гавриловичемъ, потому что послѣдній «высокій градусъ имѣлъ и больше иждивенія надобно было» (¹).

Но пользовался ли невысокоградусный Михаилъ Гавриловичъ, оставаясь дома, званіемъ каммеръ-юнкера и содержаніемъ, этого мы не знаемъ.

День 1 мая Москва отпраздновала гуляньемъ въ Семеновской рощѣ (²), гдѣ, не смотря на сильный дождь, были царская фамилія и весь дворъ, а 15 — провожала своего государя въ дальній походъ. Послѣ молебствія въ Успенскомъ соборѣ, Петръ, съ императрицею и частію двора сѣлъ въ москворѣцкій стругъ

(¹) Голик. IX, 121.
(²) Это гулянье переведено теперь въ Сокольники.

и, подъ императорскимъ флагомъ, сопровождаемый пальбою и музыкою, отправился водою въ Коломну, Астрахань и далѣе, моремъ, до предѣловъ персидскихъ, на завоеванiе Дербента.

Вопросъ о томъ, что происходило въ душѣ бывшей княжны, въ первые дни ея новаго положенiя, не подлежитъ рѣшенiю, по крайней мѣрѣ нашему. Партiя, сдѣланная Екатериной Ивановной, была *прилична*, что видно изъ общественнаго положенiя обѣихъ породнившихся семей. Но существовало ли тутъ чувство, превозмогалъ ли разсчетъ — конечно, со стороны Головкиныхъ — дѣйствовала ли одна воля государя, знаютъ тѣ, кого касалось это дѣло. Мы готовы думать, что Петръ былъ не только маршаломъ свадьбы, но и сватомъ, даже авторомъ ея. Единственная наслѣдница 20,000 душъ крестьянъ, княжна-кесаревна была завидною невѣстою. На выборъ ея отца мудрено было полагаться. Старикъ Головкинъ, родичъ Петра, былъ вѣрнымъ его слугою, дѣлилъ всѣ его опасности, а потомъ и труды, и стоилъ награды, даже въ дѣтяхъ; *Михель* его (1), малый порядочный, за моремъ былъ—прокъ будетъ. Все это *могло* промелькнуть въ широкомъ соображенiи Петровомъ, — и довольно. Ни невѣста, ни кесарь, ни канцлеръ, ни Михель не стали бы противорѣчить, особенно канцлеръ, человѣкъ скупой, слѣдовательно разсчитывающiй. Если же, по прошествiи двадцати лѣтъ, бывшая кесаревна оказалась счастливою женой достойнаго человѣка, это, не бросая никакого свѣта на ощущенiя ея въ *первые дни* замужества, доказываетъ только, что судьба и Петръ любили кесаревну одинаково и дѣйствовали, въ пользу ея, заодно.

Медовый мѣсяцъ молодой четы смѣнился наступившимъ лѣтомъ. Двора, какъ мы видѣли, не было въ Москвѣ; канцлеръ, оставленный заправлять дѣлами, часто отъѣзжалъ въ Петер

---

(1) Такъ называлъ государь Михаила Гавриловича въ письмѣ къ отцу его, канцлеру, изъ Соломостья, отъ 6 августа 1705 г., «*какъ возможно скорѣе прислать Михеля своего черезъ почту*». Голик. XIV, 139.

бургъ; князь-кесарь, какъ водится, пропадалъ на охотѣ. Супругамъ оставалось—одно Измайлово, съ его живописными — теперь позабытыми—рощами. И часто ѣзжали туда Головкины навѣстить старую, больную царицу, жившую монахиней и возимую по комнатамъ въ стулѣ на колесахъ, или поразвлечь грусть ея дочки, царевны Прасковьи, разлученной съ своимъ генераломъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ, командовавшимъ въ Персіи гвардіею Петра (¹). Петровъ день ознаменовался для молодыхъ праздничнымъ обѣдомъ у князя-кесаря, съ обычною попойкою и почти обычною ссорою гостей; а въ Александровъ — князь-кесарь, при дѣтяхъ, показывалъ герцогу Голштинскому блестящую охоту свою и рѣдкими, дорогими соколами цѣлое утро пугалъ утокъ.

Въ сентябрѣ, число обитательницъ Измайловскаго дворца увеличилось: на житье туда пріѣхала, изъ Данцига, разсорившаяся съ мужемъ герцогиня Мекленбургская Екатерина Ивановна — двоюродная сестра молодой графини Головкиной — и привезла съ собою дочь, малютку Анну Леопольдовну, будущую правительницу Россіи, извѣстную своими несчастіями мать младенца-императора Ивана VI. Въ октябрѣ, царскій фаворитъ князь Меншиковъ и даровитый вице-канцлеръ Шафировъ, разбранившись, чуть не подрались въ полномъ присутствіи московскаго сената, и тогда же вернулся изъ Астрахани дворъ, но безъ царя. Въ ноябрѣ, обѣдомъ и баломъ торжествовалъ князь-кесарь день рожденія молодой графини, и герцогъ Голштинскій танцовалъ съ нею минуэтъ. А въ декабрѣ, въ самый день торже-

(¹) Генералъ-майоръ Иванъ Ильичъ Дмитріевъ-Мамоновъ, впослѣдствіи полный генералъ, состоялъ въ церковномъ бракѣ съ царевною Прасковьею Іоанновною. Умеръ скоропостижно въ маѣ 1730 года, безъ малаго 50 лѣтъ. У него было еще два брата, оба моложе его, тоже Иваны Ильичи. Внукъ двоюроднаго брата ихъ, *Александръ Матвѣевичъ*, генералъ-адъютантъ императрицы Екатерины II, получилъ въ 1788 году римское графство, а въ 1797 г. россійское, и сталъ родоначальникомъ нынѣшнихъ *графовъ* Дмитріевыхъ-Мамоновыхъ.

ственнаго вступленія въ Москву царственнаго покорителя Дербента,—Петра, князь-кесарь, у себя въ домѣ, за столомъ, не менѣе торжественно схватился въ рукопашную съ однимъ изъ множества пировавшихъ у него вельможъ, княземъ Григоріемъ Ѳедоровичемъ Долгорукимъ, всегдашнимъ его врагомъ, и—оказался *слабѣйшимъ* (¹).

Около того же времени, графъ Михаилъ Гавриловичъ Головкинъ выѣхалъ изъ Москвы и отправился къ своему министерскому посту, въ Берлинъ, откуда вызывался въ Петербургъ братъ его, графъ Александръ Гавриловичъ (²).

Мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ извѣстій о томъ, чтобы графиня сопутствовала мужу за границу; и, одинаково, нѣтъ у насъ другихъ, которыя утверждали бы противное. Мы знаемъ, однако же, что весьма многія жены русскихъ посланниковъ не разлучались съ мужьями и за границею. А такъ какъ графиня Екатерина Ивановна *двадцать лѣтъ спустя послѣ свадьбы* — что, едва ли, не помудренѣе — не задумалась раздѣлить съ мужемъ его сибирское изгнаніе, то, мы увѣрены, что она не побоялась пуститься съ нимъ и въ пріятный европейскій вояжъ, *въ первый годъ* своего замужства.

Если такъ, графинѣ не суждено было вернуться въ Россію при Петрѣ. И жаль, если послѣдними впечатлѣніями графини въ *петровской* Россіи были февральскія сцены на Красной площади, въ Москвѣ, когда сверкалъ топоръ надъ умною головой Шафирова и объявлялось *помилованіе* полезному для той же петровской Россіи вице-канцлеру (¹). Но, можетъ быть, Голов-

---

(⁰) Беркгольцъ.

(⁰) Торжественный пріемъ, сдѣланный Петромъ графу Александру Головкину, описанъ выше.

(⁰) По снятіи съ эшафота помилованнаго, но взволнованнаго ожиданіемъ смерти вице-канцлера, лейбъ-медикъ Гови открылъ ему кровь.—«Мнѣ бы легче было», сказалъ тогда Шафировъ, «если бы пустили кровь изъ главной жилы и пресѣкли мои страданія»—«Опытъ Обозр. Жизни Сановник.» Терещенки, III, 37.

кина уѣхала раньше этого, даже раньше позорной драки князя-кесаря съ княземъ Долгорукимъ (¹).

Въ Пруссіи, куда направлялся графъ Михаилъ Гавриловичъ съ женою, царствовалъ тогда Фридрихъ-Вильгельмъ I, прежде всѣхъ другихъ европейскихъ государей признавшій Россію имперіей, а Пруссія являла, по преимуществу, видъ военнаго лагеря. Не сильно сочувствуя просвѣщенію, король занимался исключительно *шагистикой* и *ружистикой* и страстно любилъ солдатъ огромнаго роста. Великаны ловились, вербовались, покупались и дарились королю—отвсюду и безпрерывно. Само собою разумѣется, что общее впечатлѣніе такого порядка вещей въ Пруссіи было весьма тощее.

Въ обязанности тогдашняго русскаго министра при прусскомъ дворѣ входило: располагать короля въ пользу того кандидата на курляндскій герцогскій престолъ, который будетъ пріятенъ Россіи, *понеже* — предписывалъ Петръ — *зѣло великую нужду въ томъ имѣемъ*; и — искусно *въ даль отвратить* предложеніе короля о сочетаніи бракомъ племянника его, маркграфа Бранденбургскаго, съ вдовствующею герцогинею Курляндскою Анною Ивановною. Кромѣ того, въ случаѣ конгресса между Польскимъ сеймомъ и Швеціею, русскій министръ въ Берлинѣ долженъ былъ явиться на конгрессѣ представителемъ Россіи, какъ державы посредствующей.

Въ какой степени графъ Михаилъ Гавриловичъ выполнялъ эту министерскую програму — по крайней мѣрѣ, первые два пункта ея — можно судить по тому, что, въ томъ же 1723 году, молодому мужу молодой графини присланъ изъ Петербурга камергерскій ключъ. Тогда же повелѣно графу ѣхать въ Парижъ,

(¹) Поведеніе, въ этомъ случаѣ, князя Долгорукова, брата знаменитаго Якова Өедоровича—тѣмъ болѣе странно, что Григорій Өедоровичъ считался однимъ изъ образованнѣйшихъ людей того времени и болѣе двадцати лѣтъ провелъ внѣ Россіи, въ званіи чрезвычайнаго и полномочнаго министра при варшавскомъ дворѣ.

привѣтствовать новаго короля Людовика XV съ восшествіемъ на престолъ французской монархіи. Вѣроятно, графинѣ довелось побывать и въ Парижѣ, откуда мужъ ея воротился въ Берлинъ въ апрѣлѣ 1724 года.

Разность впечатлѣній двора потсдамскихъ капраловъ суроваго Фридриха, зараженныхъ мертвящею прозою воинскаго устава, и двора версальскихъ кавалеровъ эпохи регентства, обвѣянныхъ эфемерными проектами авантюриста Лоу (¹), конечно, была значительна. Воспринимая тѣ и другія, графиня, съ дѣтства не покидаемая двойственными вліяніями, въ ея судьбѣ особенно рѣзкими, пріобрѣтала и тутъ новый опытъ жизни, новое познаніе людей. И для нея, стало быть, какъ для всякаго *размышляющаго* существа, знакомство съ чужою стороною, чужими людьми и чужимъ обычаемъ было только полезнымъ.

Межу тѣмъ, въ Россіи, въ отсутствіе графини, умерла тетка ея, царица Прасковья Ѳедоровна; учреждена С.-Петербургская Академія Наукъ; пріобрѣтены отъ Персіи земли; заключенъ союзъ съ Швеціей; посланъ на ученые подвиги Берингъ; коронована, въ Москвѣ, вѣнцомъ мономаховымъ маріенбургская плѣнница...

Въ самые первые дни наступившаго 1725 года, въ Берлинъ прискакалъ петербургскій курьеръ. Графъ Головкинъ распечаталъ депеши. Съ извѣщеніемъ объ опасной болѣзни государя, русскому министру въ Берлинѣ предписывалось: подробное описаніе болѣзни государевой, тутъ же прилагаемое, какъ можно поспѣшнѣе передать знаменитому берлинскому врачу Шталю, истребовать настоящее мнѣніе и совѣтъ ученаго германца и немедленно препроводить то и другое въ Петербургъ (²).

(¹) *John Law*, шотландецъ изъ Эдинбурга (р. 1671 г. ум. 1729 г.), извѣстенъ, какъ изобрѣтатель финансовой системы вымышленныхъ цѣнностей (*valeurs fictives*), надѣлавшей много шума въ Европѣ, въ началѣ XVIII столѣтія, разорившей Францію и приготовившей французскую революцію.

(²) Голик. X, 135. Такое же предписаніе, касательно знаменитаго Боергава, получилъ, въ то же время, и братъ графа Головкина (Иванъ), русскій министръ въ Гагѣ.

Графъ тотчасъ же приступилъ къ исполненію повелѣній, какъ другой курьеръ, изъ того же Петербурга, привезъ другія вѣсти. И мнѣніе, и совѣтъ Шталя были уже безполезны.

Вѣроятно, ни графиня, ни мужъ ея не успѣли быть свидѣтелями того, какъ витія, простирая къ плачущимъ слово утѣшенія, воскликнулъ: «*Что се есть? До чего мы дожили, о Россіяне! Что видимъ? Что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ*» ([3]), и умолкъ, не могъ продолжать, самъ залился слезами. «И возрыдало все множество бывшихъ людей въ церкви.» ([2])

Извѣстіе о кончинѣ перваго русскаго императора—какъ называли Петра его современники—Европа приняла не безъ нѣкотораго удовольствія: давно уже съ тайною непріязнію безпокойно слѣдила она за быстрымъ возрастаніемъ русскаго могущества. Многіе европейскіе кабинеты несомнѣнно полагали, что лучшая пора этого могущества миновала. Шведы намѣревались поправиться на счетъ Россіи; варшавскіе политики, заранѣе увѣренные въ согласіи петербургскаго министерства на уступки, готовились извлечь выгоды изъ договоровъ своихъ съ Петромъ; Данія и Турція располагались вздохнуть свободнѣе.

Такіе и подобные слухи, носясь по Европѣ съ первыхъ дней предсмертной болѣзни Петра, отозвались, разумѣется, и въ берлинской молвѣ.

Головкины, опечаленные сначали болѣзнію благодѣтельствовавшаго имъ государя, а потомъ и его смертію, не могли, какъ патріоты, быть равнодушными ко всему ими слышимому. Безпокойство ихъ о судьбахъ отчизны увеличивалось тѣмъ болѣе, что и петербургскія извѣстія какъ бы оправдывали преждевременныя заключенія Европы о будущемъ осиротѣвшей Россіи.

Въ Берлинъ было уже оффиціально сообщено о восшествіи на всероссійскій престолъ вдовы покойнаго государя, императ-

---

([3]) Начало знаменитаго слова Ѳеофана Прокоповича, сказаннаго 10 марта 1725 г., въ день погребенія императора Петра Великаго.

([2]) Голик. X, 160.

рицы Екатерины I. Самодержавная власть въ государствѣ, переживавшемъ эпоху переходную, вручалась женщинѣ. Въ то же время, частныя письма изъ Петербурга передавали Головкинымъ всѣ подробности избранія Екатерины, доказывавшія, что этимъ избраніемъ Екатерина была обязана хитрости голштинскаго министра Бассевича, апатичности стараго канцлера, свекора графини, витіеватости хитраго іерарха Ѳеофана Прокоповича, услужливости кабинетъ-секретаря Макарова, а болѣе всего смѣлости князя Меншикова, поддержанной восклицаніями гвардейскихъ полковъ, заблаговременно собранныхъ передъ дворцомъ.

Головкины, вмѣстѣ со всею Россіею, очень хорошо знали, что покойный государь, предоставившій одному себѣ право избранія наслѣдника, не успѣлъ положительно указать народу ни на Екатерину, хотя и коронованную имъ, ни на одну изъ двухъ цесаревенъ-дочерей своихъ, уже взрослыхъ, ни даже на отрока царевича, роднаго внука своего, послѣднюю отрасль въ мужской линіи дома Романовыхъ, имѣвшаго поэтому всѣ права на престолъ.

Съ другой стороны, и мужъ и жена Головкины, какъ придворные, считались, вмѣстѣ съ семьями Голицыныхъ, Трубецкихъ, Долгорукихъ, Куракиныхъ, Репниныхъ, Апраксиныхъ, Лопухиныхъ, Нарышкиныхъ, Салтыковыхъ и прочихъ, въ рядахъ партіи, желавшей воцаренія отрока великаго князя, перенесенія императорской резиденціи въ оставленную Москву, однимъ словомъ, возвращенія къ старинѣ, оплакиваемой многими. Эта партія, называвшаяся *русскою*, ратовала съ другою, преданною Екатеринѣ, гдѣ были Меншиковъ, Толстой, всѣ иностранцы, служившіе на русскихъ хлѣбахъ, также синодъ, гвардія и флотъ, какъ перлы созданія императора-преобразователя.

Видя, въ самомъ фактѣ избранія Екатерины, торжество не своей партіи, Головкины не могли не скорбѣть о томъ, что

предсмертное завѣщаніе Петра, начавшееся собственноручными словами его: «отдайте все», не продолжилось ни однимъ словомъ болѣе и, за крайнимъ разслабленіемъ умирающаго государя, осталось не дописаннымъ. Посвященные во всѣ тайны дворскаго быта, Головкины вмѣстѣ съ огромнымъ большинствомъ полагали, что слова «отдать все» едва ли относились къ Екатеринѣ, которой въ послѣдній годъ жизни своей царственный супругъ оказывалъ нѣкоторую холодность. Наконецъ, давно и хорошо постигая Меншикова, Головкины не сомнѣвались, что онъ съумѣетъ воспользоваться признательностію императрицы, и предугадывали новое, желѣзное вліяніе, отъ котораго, въ случаѣ гоненія, не охранили бы ихъ, Головкиныхъ, ни устарѣвшее значеніе канцлера, отца Михаила Гавриловича, ни безличная именитость князя Ромодановскаго, отца Екатерины Ивановны.

Было о чемъ призадуматься нашимъ супругамъ, особенно когда, вскорѣ по воцареніи своемъ, новая самодержица послала графу Михаилу Гавриловичу указъ—оставить Берлинъ и прибыть въ С.-Петербургъ.

Любя мужа, человѣка достойнаго, графиня Екатерина Ивановна, конечно, принимала теплое участіе въ тревожномъ состояніи его души, ей понятномъ. Испытавъ же сама, какъ мы видѣли выше, много тайнаго горя, подготовленная своимъ прошлымъ къ болѣе спокойному перенесенію будущихъ невзгодъ, графиня тѣмъ дѣйствительнѣе могла служить и совѣтомъ, и утѣшеніемъ своему графу, знавшему жизнь едва ли не со стороны однѣхъ радостей и удачъ.

Таково было душевное состояніе нашихъ супрргговъ, когда они, сбираясь въ Россію, прощались съ старшимъ братомъ Михаила Гавриловича, графомъ Александромъ Гавриловичемъ Головкинымъ и отъ него, какъ старшаго представителя Россіи при прусскомъ дворѣ, получали положенную сумму на проѣздъ до Петербурга. Сумма эта, выдаваемая червонцами, ефимками и талерами, не могла быть велика, потому что «*на разъѣзды*»

русскихъ министровъ при всѣхъ дворахъ отпускалось всего 5000 р. въ годъ (¹), и Головкины, сопровождаемые, по обычаю того времени, множествомъ прислуги, должны были приложить къ казенной прогонной суммѣ немало собственнаго иждивенія. Дождавшись открытія навигаціи, Головкины оставили Берлинъ, проѣхали сухопутно до Гданска (т. е. Данцига), водою до Кенигсберга, далѣе — и сухимъ путемъ, и водою—до Мемеля, въ тридцати-пяти верстахъ отъ котораго начинались тогда земли Курляндскаго герцогства, и, наконецъ, прибыли въ Митаву, столицу этого герцогства.

Здѣсь, въ окрестностяхъ города, проживала тогда двоюродная сестра графини Екатерины Ивановны, вдовствующая герцогиня курляндская Анна Ивановна, охраняемая драгунскимъ полкомъ и руководимая русскимъ приставомъ, въ качествѣ гофмаршала ея двора, Петромъ Михайловичемъ Бестужевымъ-Рюминымъ. Головкины посѣтили уединеніе своей августѣйшей родственницы, замокъ Анненбургъ, гдѣ будущая императрица всероссійская, окруженная маленькимъ придворнымъ штатомъ благородныхъ курляндцевъ и нелюбимая дряхлымъ герцогомъ Фердинандомъ, дядею ея мужа, жившимъ въ Данцигѣ, существовала сорока тысячами вдовьяго пенсіона, радовалась ежегодному добавку въ 4,500 р., только что назначенному ей покойнымъ дядею, и покорствовала Екатеринѣ. Тогда же, можетъ быть, родилось нерасположеніе графа Михаила Гавриловича къ Бирену (²) камеръ-юнкеру герцогини, оставшееся неизмѣннымъ и, какъ увидимъ далѣе, едва не погубившее графа.

Послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія ва красивомъ Анненбургѣ, отъ котораго не осталось теперь и развалинъ, Головкины отправились далѣе, заѣхали въ Ригѣ къ тамошнему губерна-

(¹) Полное Собраніе Законовъ, изд. 1830 г., Т. VII, ст. 4696.

(²) Биренъ, впослѣдствіи герцогъ Курляндскій, самопроизвольно именовался *Бирономъ*, изъ одного пустаго желанія причесться въ небывалое родство къ древнему дому французскихъ герцоговъ Biron.

*

тору, знаменитому фельдмаршалу, князю Аникитѣ Ивановичу Репнину, и, чрезъ Дерптъ и Нарву, прибыли въ Петербургъ, гдѣ остановились или въ палатахъ князя Ромодановскаго, бывшихъ на нынѣшней Воскресенской набережной (¹), или на модной тогда Петербургской сторонѣ, въ домѣ канцлера Гаврилы Ивановича Головкина, первомъ, по времени, *каменномъ* зданіи Петербурга (²).

Съ радостными слезами обняли свое единственное дѣтище старики Ромодановскіе, можетъ быть, втайнѣ содѣйствовавшіе отозванію графа Михаила Гавриловича изъ-за границы; весело было и самой Екатеринѣ Ивановнѣ свидѣться съ милыми сердцу, послѣ первой двухлѣтней разлуки. Наши путешественники нашли въ Петербургѣ почти весь свой родственный кругъ: и стараго канцлера съ супругою, почтенною Домною Андреевною, и молодыхъ дочерей его, Трубецкую и Ягужинскую съ мужьями, наконецъ царевенъ Екатерину и Прасковью, двоюродныхъ сестеръ молодой графини.

Вскорѣ за тѣмъ Михаилъ Гавриловичъ и жена его должны были представиться государынѣ. Трауръ по умершемъ императорѣ былъ тогда во второмъ кварталѣ. А потому Головкины подъѣхали ко дворцу въ каретѣ не обитой чернымъ сукномъ, съ гайдуками въ цвѣтныхъ ливреяхъ и предстали императрицѣ въ указномъ костюмѣ: Михаилъ Гавриловичъ—въ цвѣтномъ кафтанѣ съ чернымъ прикладомъ, а Екатерина Ивановна, какъ «*дама въ рангѣ обрѣтающаяся*»—въ шелковомъ черномъ платьѣ и бѣломъ *камордковомъ фонтанжѣ* безъ *шнипкиновъ* (³). Екатерина милостиво приняла молодаго дипломата и обласкала бывшую кесаревну. Меншиковъ, ладившій съ отцомъ Михаила Гавриловича и ничего не имѣвшій противъ отца Екатерины

(¹) Дневникъ кам.-юнк. Берхгольца, 6 сент. 1723 г.

(²) «Краткое описаніе начала и приращенія царствующаго города Санктпетербурга, съ начала по 1748 г.», въ мѣсяцесловѣ на 1778 годъ.

(³) Указъ 11 марта 1725 г., въ П. С. Зак. Т. VII, ст. 4849.

Ивановны, былъ благосклоненъ къ пріѣзжимъ. Сомнѣніямъ Михаила Гавриловича, какъ придворнаго, не оставалось мѣста, и наши супруги спокойно предались удовольствію отдыхать съ дороги въ сообществѣ родныхъ и друзей.

Но дворъ и городъ ожидали тогда свадьбы старшей дочери покойнаго императора, красавицы цесаревны Анны Петровны ([1]), съ герцогомъ голштинскимъ Карломъ-Фридрихомъ, и Головкины, какъ члены придворнаго общества, должны были заняться необходимыми приготовленіями къ предстоявшему торжеству. Можно думать, что туалетъ графини Екатерины Ивановны, хотя въ главныхъ чертахъ и подлежавшій вліянію петровскихъ указовъ, былъ, при этомъ случаѣ, однимъ изъ лучшихъ. Проведя два года за границей, графиня, разумѣется, пріобрѣла или развила вкусъ свой и въ этомъ отношеніи. Не мудрено, стало быть, если наряды ея, только что привезенные изъ-за моря, не говоря уже о разнообразіи и роскоши выбора, на что графиня имѣла всѣ средства, плѣнительно удовлетворяли всѣмъ требованіямъ тогдашней послѣдней моды и нравились до зависти всѣмъ знакомкамъ и незнакомкамъ Екатерины Ивановны.

Свадьба цесаревны состоялась 21 мая того же 1725 г. и праздновалась съ большимъ торжествомъ, при которомъ одна только императрица сохранила носимый дворомъ трауръ. Вѣнчаніе происходило въ Троицкой церкви, что на Петербургской сторонѣ, куда молодые, а съ ними и свадебные чины, слѣдовали изъ Лѣтняго дворца по Невѣ въ великолѣпно убранной баржѣ. За ними ѣхала императрица, въ траурной баржѣ подъ штандартомъ, сопровождаемая остальнымъ дворомъ. Канцлеръ Головкинъ былъ посаженымъ отцомъ герцога; графиня, жена его, замѣняла сестру цесаревны. Невѣста стояла подъ вѣнцомъ въ бархатной пурпуровой порфирѣ, подбитой горностаемъ; на

([1]) «Она умильна собою, и пріемна, и умна; походитъ на отца», говоритъ о цесаревнѣ современникъ ея Ив. Ив. Бутурлинъ. См. «Царствованіе Петра II», Арсеньева, во II ч. Трудовъ Имп. Росс. Акад. 1840 г. Стр. 58.

головѣ ея сіяла бриллiантами цесарская корона. Свадебный столъ былъ приготовленъ въ особо устроенной галлереѣ надъ Невою, на мѣстѣ, гдѣ теперь рѣшетка Лѣтняго сада. Августѣйшіе молодые сидѣли подъ великолѣпными балдахинами, одинъ противъ другаго, имѣя по обѣимъ сторонамъ свадебную родню. За другими столами находилось до 400 персонъ, не ниже 7 класса. «*Также* — говоритъ современное описаніе—*и всѣ разныхъ чиновъ люди пущены были для гулянья въ огородъ Ея Величества*», то есть въ Лѣтній садъ. Во время обѣда «*трубіли на трубахъ съ літаврнымъ боемъ*» и раздавались пушечные залпы съ яхтъ, стоявшихъ передъ дворцомъ; а въ семь часовъ вечера императрица вышла къ гвардіи, стрѣлявшей на Царицыномъ лугу бѣглымъ огнемъ, и приказала отдать солдатамъ фонтаны вина и жареныхъ быковъ. Въ девять часовъ пиршество кончилось, и молодые церемоніальнымъ поѣздомъ отправились въ свой дворецъ. Въ числѣ наградъ, которыми ознаменовался этотъ день, девятнадцать сановниковъ украшены знаками новаго русскаго ордена, св. Александра Невскаго, проэктированнаго еще Петромъ и теперь окончательно учреждавшагося императрицею. Отцу же графини Екатерины Ивановны, князю Ивану Өеодоровичичу Ромодановскому, объявленъ сватомъ его, канцлеромъ, всемилостивѣйше пожалованный чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. На другой день всѣ обѣдали въ той же галлереѣ, молодые подъ однимъ балдахиномъ; а вечеромъ гуляли въ томъ же «огородѣ», куда изволила выйдти и ея величество. Наконецъ, на третій день, императрица, въ сопровожденіи всего двора, посѣтила новобрачныхъ въ ихъ домѣ, «*и тамо отъ страны его королевскаго высочества, со всякою подобающею магніфіценціею чрезъ довольное время отправілось трактованіе*» (¹).

(¹) См. въ XIII ч. «Древн. Росс. Вивліоѳики», изд. 2, «Описаніе брака между цесаревною Анною Петровною и Карломъ-Фридрихомъ, герцогомъ Голштейнъ-Готторпскимъ, въ 1725 г. маія 21 дня совершившагося», помѣщенное и въ № XXXVIII журнала «Благонамѣренный» на 1822 г.

Пиромъ у августѣйшаго молодаго закончились свадебныя торжества, и все вошло въ обычную колею, подчиняясь, прежде всего, разслабляющему вліянію наступавшаго лѣта. Императрица, съ царевною Елисаветою и приближеннѣйшими лицами своей свиты, то есть статсъ-дамами Балкъ, Вильбоа, фрейлиной Нарышкиной и красавцемъ камергеромъ Левенвольдомъ, уединилась въ Лѣтнемъ дворцѣ, занимавшемъ мѣсто теперешняго Инженернаго замка. Молодые, герцогъ и герцогиня, расположились въ Анненгофѣ, выстроенномъ собственно для великой княжны Анны Петровны, нѣсколько далѣе Екатерингофа (и не оставившемъ по себѣ никакихъ слѣдовъ). Князь Меншиковъ выѣхалъ съ семьею въ свое загородное помѣстье, нынѣшній Ораніенбаумъ. Знатнѣйшіе вельможи выбрались на острова, дарованные имъ покойнымъ государемъ и уже выказывавшіе въ то время скромные зачатки нынѣшнихъ великолѣпныхъ дачъ. Родственный кругъ Головкиныхъ тоже разбрелся въ разныя стороны. Царевны, двоюродныя сестры графини Екатерины Ивановны, отправились на мызу царевны Прасковьи Ивановны, бывшую тамъ, гдѣ теперь Сергіевская пустынь ([1]). Графъ Гаврилъ Ивановичъ покинулъ Петербургскую сторону и переселился съ своею подагрою на свой же Каменный островъ, тогда всецѣло ему одному принадлежавшій. Новый дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Ромодановскій, пріѣзжавшій въ Петербургъ къ погребенію Петра и оставленный тутъ до свадьбы, цесаревны, уѣхалъ въ Москву, свою резиденцію, охотиться въ очаровательныхъ окрестностяхъ любезной ему Бѣлокаменной, а также управлять своей Преображенской канцеляріей ([2]).

([1]) «Отеч. Зап.» 1828 г., ч. XXXIII, стр. 26—27. Въ «Полномъ собраніи историческихъ свѣдѣній о монастыряхъ и примѣчательныхъ церквахъ въ Россіи» Ратшина, говорится, напротивъ, что мѣсто теперешняго монастыря принадлежало царевнѣ Екатеринѣ Ивановнѣ. См. стр 475.

([2]) Въ этомъ учрежденіи полагалось тогда «приказныхъ по штату»: секретарь 1, канцеляристовъ 2, копіистовъ 5 и сторожъ 1. См. «Цвѣтущее состояніе Всероссійскаго государства», Ив. Кириллова, сочиненное въ 1727 г. и изд. въ 1831 г., стр. 9 книги I.

Впрочемъ, обязанности свои родитель графини исполнялъ гораздо благодушнѣе собственнаго своего родителя и едва ли не всѣхъ своихъ преемниковъ ([1]).

Вѣроятно, и наши Головкины, благодаря неважному вообще значенію Михаила Гавриловича, не удостоеннаго еще дѣйствительной службы при дворѣ, могли свободно воспользоваться лѣтомъ. Стало быть, они или отправились съ Ромодановскими въ Москву, или остались въ окрестностяхъ Петербурга, гдѣ ожидалъ ихъ роскошный пріютъ—Ропша, приданое помѣстье Екатерины Ивановны.

Такъ прошло лѣто. Также точно мелькнули осень и зима, съ тою разницею, что сановники, покинувъ дачи, снова наполнили Петербургскую сторону и нынѣшнюю Дворцовую набережную.

Въ сущности, правительство составлялъ тогда князь Меншиковъ. Его свѣтлостію немногіе могли быть довольны. Гордый своими услугами императрицѣ, обогащенный ею до степени владѣльца болѣе, чѣмъ 100,000 душъ крестьянъ, милостиво освобожденный ею же отъ кучи казенныхъ взысканій, восходившихъ до громадной цифры, князь Ижерскій хотѣлъ только повелѣвать, требовалъ одного повиновенія. Малѣйшее противорѣчіе его волѣ грозило гибелью. Враги его, обильные числомъ, не смѣли высказываться. Первый опытъ въ этомъ родѣ графа Толстаго, графа Девіера, Скорнякова-Писарева, Нарышкина и другихъ, занимавшихъ государственныя должности или знаменитыхъ именемъ, окончился для однихъ — ссылкою, для другихъ — лишеніемъ чиновъ и имѣній, для нѣкоторыхъ — кнутомъ.. Все придавливалось гнетущею силою временщика, самыя дѣти котораго, несмотря на малолѣтство ихъ, были: сынъ — каммергеромъ, дочери — фрейлинами. Меншиковъ, недовольный этимъ, шелъ далѣе, приготовляя своей семьѣ

([1]) Царствованіе Петра II, стр. 125.

мѣсто на русскомъ престолѣ а себѣ — очень скромно — корону курляндскаго герцогства. Затѣямъ Меншикова на герцогство суждено было враждебно столкнуться съ интересами французскаго маршала Морица Саксонскаго, авантюриста, славившагося въ тогдашней Европѣ романическими похожденіями, и разбиться въ прахъ еще при жизни императрицы ([1]); мечты же о блистательной судьбѣ дѣтей, какъ увидимъ, ласкали князя нѣсколько долѣе.

Какъ правитель, знаменитый временщикъ, обладавшій, однакожь, душой широкою и волей твердою, до того любилъ первенствовать вездѣ и всюду, что, соединивъ въ своемъ лицѣ множество властей, а въ рукахъ — кучу управленій, онъ физически не могъ успѣвать на разнообразныхъ поприщахъ, гдѣ ожидались его непосредственныя распоряженія. Не мудрено, стало быть, что многое въ государственномъ механизмѣ медлило, запаздывало, даже пріостанавливалось. Ни высшія, ни даровитѣйшія лица въ государствѣ, не полагали предѣловъ своеволію князя Меншикова. Канцлеръ Головкинъ, старикъ, разбитый подагрою, давно уклонявшійся отъ дѣлъ, думалъ только о пріобрѣтеніи еще чего нибудь въ вѣчное и потомственное владѣніе, а потому равнодушно смотрѣлъ на возраставшее значеніе помощника своего, вице-канцлера Остермана. Остерманъ же, способнѣйшая и умнѣйшая голова своего времени, былъ съ тѣмъ вмѣстѣ и хитрѣйшій придворный, слѣдовательно раболѣпствовалъ силѣ. Престарѣлый и знаменитый Апраксинъ, всегда чуждый интригъ, не вмѣшивался ни во что и теперь. Князья-герои Голицынъ и Репнинъ, фельдмаршалы, всѣми уважаемые, и дѣльный князь Василій Владиміровичъ Долгорукій не замедлили получить почетныя назначенія, удалявшія ихъ

---

(1) См. любопытную статью «Князь Меншиковъ и графъ Морицъ Саксонскій въ Курляндіи», г. Щебальскаго, помѣщенную въ одной изъ книжекъ журнала «Русскій Вѣстникъ» 1860 года.

отъ двора, одного — въ Ригу, другаго — въ Украйну, послѣдняго — на границы Персіи. Третій фельдмаршалъ, графъ Яковъ Вилимовичъ Брюсъ, мужъ образованія глубокаго, интересовался только науками, зналъ однѣ книги, не сходилъ съ верха Московской Сухаревой башни, удобнаго для наблюденій астрономическихъ, и слылъ въ народѣ колдуномъ. Было еще два лица, счетныхъ для князя Меншикова: Ягушинскій — своякъ графини Екатерины Ивановны, и Голицынъ—братъ фельдмаршала. Но первый, втайнѣ ненавидѣвшій временщика, какъ умный человѣкъ, остерегался обнаруживать свою ненависть и терпѣливо выжидалъ времени. Послѣдній же, Голицынъ, былъ на столько остороженъ, что и не воображалъ единоборствовать съ Меншиковымъ. Наконецъ, не могъ вредить князю и старый врагъ его, Шафировъ. Возвращенный изъ своего новгородскаго изгнанія, бывшій вице-канцлеръ получилъ совершенно спеціальное назначеніе: императрица всемилостивѣйше поручила ему начертать исторію славныхъ дѣяній почившаго императора ([1]).

Остальная масса придворныхъ ничего не значила для Меншикова, который очень хорошо понималъ, что эта масса состояла изъ личностей, или незначительныхъ по своимъ дарованіямъ и характерамъ, хотя и сановитыхъ, или не успѣвшихъ еще, по незначительности своихъ должностей и званій, сдѣлаться вліятельными.

Къ послѣднимъ, само собою разумѣется, принадлежалъ и графъ Михаилъ Гавриловичъ Головкинъ. Такая незначительность мужа была, думаемъ мы, гораздо болѣе по сердцу Екатеринѣ Ивановнѣ, чѣмъ комическое значеніе, преемственно при-

---

([1]) Неизвѣстно, была ли сочинена эта исторія. По увѣренію нѣкоторыхъ, Шафировъ *собралъ* «Журналъ Петра Великаго съ 1698 по 1721 годъ», *изданный* въ 1769 г. княземъ Щербатовымъ. См. «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей», митрополита Евгенія, изд. 1845 г., т. II, стр. 247.

надлежавшее во дни Петра ея дѣду и отцу. Съ другой стороны, не безъ вѣроятія предполагалось, что Михаилъ Гавриловичъ, человѣкъ молодой, богатый и знатный, успѣетъ еще далеко уйдти на поприщѣ честей, чего, по личнымъ качествамъ своимъ, мужъ Екатерины Ивановны оказывался вполнѣ достойнымъ. Сознавая послѣднее, графиня съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе привязывалась къ мужу, не могла не уважать его, была счастлива; а это благотворно дѣйствовало и на собственную ея личность. Извѣстно, что спокойное состояніе духа, при господствѣ какого нибудь благороднаго чувства и совершенномъ отсутствіи матеріальной нужды, улучшаетъ человѣка, располагая его ко всему доброму.

Такъ было и съ графинею.

Мужъ Екатерины Ивановны скоро получилъ званіе дѣйствительнаго каммергера (¹). Это повышеніе расширяло кругъ служебной дѣятельности графа Михаила Гавриловича, приближало его къ особѣ императрицы и, слѣдовательно, увеличивало личное значеніе его при дворѣ. Какъ дѣйствительный каммергеръ, мужъ Екатерины Ивановны приравнивался уже къ графамъ Левенвольду и Сапегѣ, которые, нося такое же каммергерское званіе, одинъ за другимъ сіяли звѣздами первой величины въ самомъ тѣсномъ кружкѣ императрицы.

Но на семейный бытъ Головкиныхъ повышеніе Михаила Гавриловича не могло имѣть никакого серьёзнаго вліянія. И супруги продолжали жить прежнею счастливой жизнію—или въ Петербургѣ, къ которому привязывала ихъ придворная служба, а также влекли родственныя и общественныя отношенія, или въ Ропшѣ, куда заманивала Михаила Гавриловича начатая постройка великолѣпнаго дома, а Екатерину Ивановну — восхитительное мѣстоположеніе, или, наконецъ, въ Москвѣ, гдѣ пребывалъ князь Иванъ Ѳедоровичъ Ромодановскій, уже украшенный андреевскою лентою.

(¹) Въ 1726 году.

6 мая 1727 г. не стало Екатерины.

Странна, необычайна была ея судьба. Рожденная въ невысокомъ званіи, по четвертому году оставшаяся безъ матери, призрѣнная добрыми людьми, Екатерина видѣла раззореніе роднаго края, стала плѣнницею враговъ, послѣдовательно находилась въ домахъ генерала Боура, фельдмаршала Шереметева, князя Меншикова (1), здѣсь была замѣчена Петромъ, понравилась государю, приняла православіе, бракосочеталась съ императоромъ, объявлена потомъ императрицею, спасла честь Россіи въ прутскомъ бѣдствіи, сдѣлалась неразлучною спутницею своего супруга, коронована имъ, наслѣдовала ему и первая изъ женщинъ царствовала въ Россіи самодержавно.

Такой капризъ судьбы, вознесшій безродную сироту на высшую степень земнаго величія, извиняетъ слабыя стороны правленія Екатерины, выразившіяся въ излишнемъ снисхожденіи къ Меншикову и происшедшихъ оттого многообразныхъ распоряженіяхъ, которыя болѣе или менѣе вліяли на всѣ классы народа, особенно низшій.

Но, съ другой стороны, память Екатерины I, какъ точной исполнительницы многихъ предначертаній Петра, должна быть почтена потомствомъ. *Мы желаемъ* — объявила, восходя на престолъ, Екатерина — *всѣ дѣла, зачатыя трудами императора, съ помощію Божіею совершить»* (2), — и въ этихъ немногихъ словахъ заключилась вся программа ея правленія, для лучшаго выполненія которой императрица, быть можетъ, учредила и верховный тайный совѣтъ (3).

---

(1) Memoires pour servir a l'histoire de la cour de Russie sous les régnes de Pierre le Grand et de Catherine I, d'aprês les manuscrits originaux de Villebois, Paris. 1853. p. 67 et suiv.

(2) Указъ 1725 года, 19 мая.

(3) Учрежденъ 8 февраля 1726 года, засѣдалъ въ первый разъ 10 февраля того же года. Членами совѣта были назначены: кн. Меншиковъ, гр. Апраксинъ, канцлеръ Головкинъ, гр. Толстой и кн. Дмитрій Голицынъ. Къ нимъ скоро присоединился и герцогъ Голштинскій.

Екатерина оставалась неизмѣнно вѣрною этой своей программѣ.

Такъ, Берингъ, предназначенный Петромъ для экспедиціи въ сѣверныя моря, оправленъ туда Екатериною. Такъ, ученый архіатеръ Блументростъ, исполняя повелѣніе Екатерины, велъ дѣятельную переписку съ заграничными корифеями тогдашней науки, заманивалъ ихъ въ С.-Петербургскій Соціететъ-де-Сіенсъ (т. е. Академію Наукъ) и помогъ императрицѣ осуществить это учрежденіе, бывшее любимою мечтой Петра. Такъ, земли, отвоеванныя Петромъ у Персіи, бодро хранили генералы Екатерины: кн. Долгорукій, Матюшкинъ, Левашевъ. Такъ внѣшнія границы государства, бывшія предметомъ постоянной заботливости Петра, и при Екатеринѣ наблюдались весьма зорко: фельдмаршаломъ Голицынымъ—со стороны Украйны, Менгденомъ—отъ Австріи, Бухгольцемъ—изъ Сибири. Постоянныя дипломатическія сношенія Россіи съ Европою, созданныя Петромъ, неусыпно поддерживались достойными представителями Екатерины: братьями Головкиными (Александромъ и Иваномъ Гавриловичами) — въ Пруссіи и Голландіи, Куракинымъ — въ Парижѣ, Ланчинскимъ — въ Вѣнѣ, графомъ Головинымъ — въ Стокгольмѣ, Неплюевымъ и Румянцевымъ — въ Константинополѣ. Благодаря совокупнымъ усиліямъ этихъ дипломатовъ Екатерины, Россія, въ эпоху затруднительной путаницы 1726 года, извѣстной въ Европѣ подъ именами Вѣнскаго и Ганноверскаго союзовъ, искусно маневрировала между европейскими государствами, пугала Данію, сдерживала Швецію, чрезвычайно благоразумно отвѣчала на враждебные вызовы Англіи. Въ самомъ Китаѣ продолжались связи, затѣянныя Петромъ, и посолъ Екатерины, графъ Савва Владиславичъ Рагузинскій, съ мужественнымъ терпѣніемъ внушалъ церемоннымъ мандаринамъ, представителямъ небесной имперіи, о взаимныхъ выгодахъ сосѣдской торговли. Все царствованіе Екатерины, пріютившей даже злополучнаго царя Грузіи Вахтан-

га ([1]), ни малѣйше не оправдало тѣхъ злорадныхъ надеждъ, какими одушевились европейскіе кабинеты въ моментъ смерти перваго русскаго императора.

Почтеніе Екатерины къ памяти Петра выразилось въ самомъ завѣщаніи императрицы. Преемникомъ своимъ, помимо собственныхъ дочерей, государыня назначила роднаго внука покойнаго императора и сына несчастнаго царевича Алексѣя Петровича, двѣнадцатилѣтняго великаго князя Петра, въ томъ «*уваженіи, что лицу мужескаго пола удобнѣе перенесть тягость управленія обширнымъ государствомъ*» ([2]). Тѣмъ же завѣщаніемъ, къ императору, до совершеннолѣтія его, опредѣлялись опекунами члены царской фамиліи и верховнаго тайнаго совѣта.

Раннимъ утромъ 7 мая, т. е. на другой день по кончинѣ императрицы, петербургскіе сановники присягали новому двѣнадцатилѣтнему императору, котораго предусмотрительный Меншиковъ еще наканунѣ вывезъ изъ дворца и поселилъ въ собственномъ домѣ своемъ, на Васильевскомъ островѣ, гдѣ теперь помѣщается Первый Кадетскій корпусъ. Завѣщаніе императрицы, тогда же громогласно прочитанное, удостовѣрило присутствовавшихъ, между которыми находился и супругъ графини Екатерины Ивановны, въ неоспоримомъ умѣньи князя Меншикова обдѣлывать, какъ говорится, свои дѣла. Узнавъ, изъ 4 пункта этого завѣщанія, что «*во время малолѣтства императора имѣютъ правительствовать цесаревны, герцогъ и чле-*

([1]) Изгнанный изъ собственныхъ владѣній, царь Вахтангъ лично явился въ Петербургъ просить покровительства Екатерины. Императрица обласкала царя, пожаловала ему андреевскій орденъ и, для содержанія Вахтанга со всею свитою его, ассигновала изъ бывшихъ патріаршихъ вотчинныхъ доходовъ по 24,000 р. въ годъ, да по 4,000 четвертей муки, по 2,000 четв. овса, по 180 пуд. сѣна на каждую изъ 200 лошадей и по 500 саж. дровъ. См. П. С. Зак. Т. VII, ст. 4818.

([2]) Слова 1 пункта завѣщанія имп. Екатерины I. Замѣчательно, что въ совершеніи этого акта, подписаннаго членами царской фамиліи и 41 сановникомъ, вовсе не участвовали царевны, дочери Ивана Алексѣевича.

ны верховнаго тайнаго совѣта», слѣдовательно и Меншиковъ, придворные съ изумленіемъ выслушали и 11 пунктъ того же завѣщанія, оканчивавшійся такъ: *цесаревнамъ и администраціи вмѣняется въ обязанность стараться о сочетаніи бракомъ великаго князя (т. е. императора) съ княжною Меншиковою»*.

Казалось бы, что всѣ и каждый должны теперь безмолвно преклониться предъ счастливымъ баловнемъ судьбы и отказаться отъ всякаго ему противодѣйствія, тѣмъ болѣе, что вчера только, за нѣсколько часовъ до кончины императрицы, были наказаны враги князя Меншикова, генералы Девіеръ и Скорняковъ-Писаревъ, и отправленъ въ Соловецкій монастырь дѣйствительный тайный совѣтникъ и членъ верховнаго тайнаг совѣта, старецъ графъ Толстой, лишенный чиновъ и имѣній.

Но страсти должны были взять свое. Затаенныя ненависти только прикидывались не существующими. Духъ интриги виталъ между царедворцами, поотвыкнувшими отъ волшебной дубинки Петра Алексѣевича и, до времени, раболѣпствовавшими наружно. Современникамъ эпохи готовилось замѣчательное зрѣлище мимолетныхъ значеній, необычайныхъ возвышеній, быстрыхъ паденій.

Что касается собственно графини Екатерины Ивановны, то первое впечатлѣніе правительственной перемѣны подѣйствовало на нее пріятно. Новыя власти оказали вниманіе старому отцу ея: на другой же день по воцареніи Петра II, князь Иванъ Ѳедоровичъ Ромодановскій былъ облеченъ званіемъ московскаго генералъ-губернатора и смѣнилъ графа Мусина-Пушкина, писавшагося главнымъ начальникомъ Москвы.

Недѣлю спустя, графиня Екатерина Ивановна, вмѣстѣ съ другими придворными, была въ Петропавловскомъ соборѣ, при погребеніи тѣла императрицы.

Еще чрезъ недѣлю графиня, Екатерина Ивановна участвовала въ новомъ съѣздѣ всего двора, на этотъ разъ въ домѣ Меншикова. Тутъ архіепископъ Ѳеофанъ обручалъ императора съ до-

черью новаго *генералиссимуса* ([1]) княжною Марьею Александровною Меншиковою, и, конечно, совершалъ этотъ обрядъ съ той же удобоподвижной искренностію, какъ годъ тому назадъ, когда передъ его преосвященствомъ стояла таже самая невѣста, но только съ другимъ женихомъ, графомъ Петромъ Сапегою, избраннымъ сердца княжны, отнятымъ теперь у ея любви эгоистическими видами безжалостно честолюбиваго отца.

Затѣмъ Екатеринѣ Ивановнѣ, счастливой собственной судьбою, оставалось наблюдать судьбы другихъ, но не издали, не въ тиши спокойнаго уединенія, а лично вращаясь въ средѣ придворной жизни, заманчивой для многихъ. И никогда, какъ во дни Петра II, не пестрѣла придворная среда такимъ разнообразіемъ. Тутъ блистали Меншиковы, Головкины, Ягушинскіе, Шафировы, любимые ученики преобразователя, возмужавшіе теперь дѣти его эпохи; тутъ же, какъ обломки эпохъ минувшихъ, являлись Лопухины, Салтыковы, Мамоновы, Измайловы, притянутые къ теченію воскресшими надеждами; тутъ же, съ изумительной ловкостію, дѣйствовали Остерманы, Левенвольды, Минихи и другіе чужеземцы, обрусѣвшіе, если не душою, то опытомъ жизни на Руси; тутъ же наконецъ, съ трудомъ выбивались Скавронскіе и Гендриковы, братья покойной императрицы, сдѣланные прямо изъ ливонскихъ крестьянъ русскими графами.

Графиня Екатерина Ивановна, разумѣется, не могла чуждаться всего этого. Принадлежа къ высшему кругу и по рожде-

---

([1]) Есть преданіе, что этотъ старѣйшій изъ русскихъ воинскихъ чиновъ Меншиковъ получилъ самымъ пріятнымъ образомъ. 12 мая 1727 года, государь, войдя въ комнату князя, сказалъ: «Я пришелъ уничтожить фельдмаршала». Общее молчаніе сопровождало эти слова. Сомнѣніе и страхъ выразились на лицѣ Меншикова. Но государь успокоилъ «уничтоженнаго» фельдмаршала, вручивъ ему указъ о пожалованіи его въ генералисимусы. Этотъ разсказъ помѣщенъ и на 69 стр. I ч. «Обзора главнѣйшихъ происшествій въ Россіи съ кончины Петра Великаго до вступленія на престолъ Елисаветы Петровны», г. Ведемейера.

нію, и по состоянію, и по самому положенію своему въ обществѣ, графиня необходимо подчинялась обиходу этого круга, интересовалась всѣмъ, что происходило въ немъ, сочувствовала одному, не сочувствовала другому, невольно увлекалась общимъ теченіемъ. Кромѣ того, понятное стремленіе содѣйствовать кредиту любимаго мужа непремѣнно побуждало графиню соображаться съ обстоятельствами собственно придворной жизни, превращенія которыхъ, въ то время чуть ли не ежедневныя, повелительно требовали такихъ соображеній отъ каждаго царедворца. Наконецъ, нѣтъ причины отрицать въ графинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ извѣстной степени другаго стремленія—къ выѣздамъ, нарядамъ и прочимъ удовольствіямъ жизни,—стремленія, свойственнаго молодой женщинѣ каждой эпохи, каждой страны, а тѣмъ болѣе русской аристократкѣ тѣхъ временъ, только что получившей права свободы и наслаждавшейся ими, какъ новинкою.

Въ силу всего этого, мы не сомнѣваемся, что графиня Екатерина Ивановна участвовала и въ шумныхъ собраніяхъ у князя Меншикова, и въ скромной компаніи немногихъ друзей его осторожнаго врага, Остермана, и въ ограниченномъ кругу избранницъ, группировавшихся около царевны Натальи Алексѣевны, единственной сестры императора, обожаемой братомъ и уважавшей Остермана.

Руководителемъ молодыхъ Головкиныхъ на скользкомъ придворномъ поприщѣ, да еще въ такое мудреное время, легко могъ быть многоопытный отецъ Михаила Гавриловича. Увѣренный въ невозможности дѣйствовать, подъ ферулою Меншикова, съ достоинствомъ, приличнымъ высокому своему званію, свекоръ графини, какъ канцлеръ, почти бездѣйствовалъ; но заинтересовавный, какъ отецъ, карьерою сына, единственнаго при немъ на лицо, старый графъ. вѣроятно снабжалъ должными совѣтами и Михаила Гавриловича, и жену его. Уроки стараго канцлера, если учителемъ былъ онъ, приносили пользу. Гра-

финю Екатерину Ивановну ласкали сторонники всѣхъ придворныхъ партій; а мужъ ея, въ день ангела государя, получилъ александровскую ленту (1).

Между тѣмъ, будущій тесть императора, увѣренный въ прочности достигнутаго имъ значенія, ослѣплялся болѣе и болѣе, дерзалъ далѣе и далѣе. Бракъ сына его съ царевной Натальею Алексѣевною казался ему весьма возможнымъ. Не разбирая лицъ, сталкивалъ онъ съ своего широкаго пути каждаго, кто казался ему какою нибудь помѣхой. Цесаревна Анна Петровна не могла наконецъ вынести оскорбленій гордаго временщика и, вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, герцогомъ Голштинскимъ, оставила Россію, чтобъ годъ спустя умереть въ Килѣ.

Но враги генералиссимуса не дремали. Остерманъ, наставникъ и оберъ-гофмейстеръ императора, а также неусыпный стражъ собственнаго благополучія, велъ дѣло тонко и умно. Молодой князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій, орудіе Остермана, съ каждымъ днемъ становился необходимѣе императору, овладѣвалъ болѣе и болѣе сердцемъ его, не разлучался съ государемъ ни днемъ, ни ночью.

Высокомѣріемъ, выходившимъ, дѣйствительно, изъ границъ, и непочтеніемъ къ самимъ членамъ императорскаго семейства, Меншиковъ самъ помогалъ своимъ недругамъ, самъ оправдывалъ навѣты, внушаемые ими императору. Такъ однажды, онъ нахально приказалъ отнести къ себѣ блюдо съ червонцами, поднесенное с.-петербургскими цехами императору и отправленное его величествомъ въ подарокъ цесаревнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ. Въ другой разъ, необдуманно занялъ мѣсто, устроенное собственно для государя.

Петру II, раздраженному уже первымъ изъ этихъ поступковъ Меншикова, съумѣли выставить въ самомъ серьезномъ

---

(1) 29 іюня 1727 года.

свѣтѣ всю важность втораго, — и судьба Меншикова была рѣшена.

Царскіе вѣстники одинъ за другимъ спѣшили на Васильевскій островъ объявлять падавшему временщику высочайшія распоряженія, одно другаго безнадежнѣе. Въ теченіи нѣсколькихъ дней, Меншикову постепенно сообщены: неизволеніе государя жить въ его домѣ, запрещеніе не только вступаться въ дѣла, но даже показываться на улицу, повелѣніе немедленно оставить столицу и отправиться съ семьею въ Ранненбургъ. Послѣднее распоряженіе соединялось съ лишеніемъ чиновъ и орденовъ.

И потянулся по Петербургу, направляясь къ московскому выѣзду, безконечный кортежъ княжескихъ экипажей, наполненныхъ богатствами, сопровождаемыхъ многочисленной прислугой,—кортежъ, поразившій удивленіемъ толпу и превзошедшій мѣру негодованія злобныхъ враговъ князя. Въ Твери настигло гордаго вельможу новое повелѣніе: оставить себѣ самое необходимое, а все прочее, что̀ вывезено изъ Петербурга, сдать тутъ же, въ Твери, казеннымъ пріемщикамъ. На простыхъ телѣгахъ добрались Меншиковы до своего Ранненбурга, гдѣ думалъ павшій временщикъ спокойно провести остатокъ жизни, наслаждаясь своими огромными стяжаніями. Не тутъ-то было: почти вслѣдъ за изгнанниками прибылъ въ Ранненбургъ московскій губернаторъ Плещеевъ и объявилъ князю приговоръ коммиссіи, уже по выѣздѣ Меншикова наряженной въ Петербургѣ и, подъ предсѣдательствомъ Остермана, заочно судившей и осудившей бывшаго генералиссимуса. Приговоръ, высочайше конфирмованный, состоялъ въ слѣдующемъ: драгоцѣнности Меншикова, всѣ безъ изъятія, взять ко двору; прочую движимость, всю же безъ изъятія, распредѣлить въ разныя мѣста; обширныя имѣнія князя раздать фамиліямъ, наиболѣе отъ него пострадавшимъ.

Совершился передъ глазами графини Екатерины Ивановны поразительный примѣръ непрочности земнаго благополучія и,

напечатлѣвшись въ мягкой душѣ ея, не былъ, какъ увидимъ, послѣднимъ (¹).

Итакъ, политическое значеніе Меншикова кончилось, генералиссимуса не существовало.

Образовались новыя партіи, закипѣли старыя интриги, началась жаркая борьба. Геніальный Остерманъ, своекорыстные Долгорукіе и честолюбивые Голицыны выступили на арену. Императоръ привязался всѣми силами отроческой души къ теткѣ своей, цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Стало быть, все обратилось къ этому новому свѣтилу, возсіявшему на горизонтѣ тогдашняго двора. Не отставали отъ другихъ и Головкины, не забывавшіе, вѣроятно, закрѣпить связи свои и съ Долгорукими и съ Голицыными. Михаилъ Гавриловичъ побуждался къ этому если не увѣщаніями отца, то чувствомъ собственнаго самосохраненія, какъ человѣкъ, уже начавшій блестящую карьеру и вовсе не располагавшій терять все съ паденіемъ какой нибудь одной партіи, неизбѣжнымъ при ихъ множествѣ. Что касается жены Михаила Гавриловича, ей тоже не мѣшало запастись благорасположеніемъ новыхъ звѣздъ первой величины, тѣмъ болѣе, что личныя связи графини могли отчасти пригодиться двоюроднымъ сестрамъ ея, царевнамъ, политической судьбѣ которыхъ, именно теперь, грозила нѣкоторая опасность. Настоящее правленіе, увеличивъ содержаніе Екатерины Ивановны до десяти, а сестры ея, царевны Прасковьи, до двѣнадцати тысячъ рублей въ годъ, хотя и улучшило домашній бытъ царевенъ, но находились люди, искавшіе отстраненія дочерей покойнаго царя Ивана, въ особенности герцогини курляндской Анны съ ея наперсниками, Бирономъ и Левенвольдомъ. Послѣдній, присутствуя постоянно въ Петербур-

(¹) Вотъ что писалъ одинъ изъ современниковъ паденія Меншикова къ пріятелю своему: «*Прейде и погибе суетная слава прегордаго Голіафа, котораго Богъ всесильною десницею сокрушилъ; о томъ многія радости исполнены вси, также и азъ многогрѣшный славя Святую Троицу пребываю безъ всякаго страха*». «Царств. Петра II», стр. 94 и примѣч. 29.

гѣ, какъ агентъ герцогини, открылъ при дворѣ цѣлую партію, всѣми способами стремившуюся къ такой цѣли. Замѣчательнѣе всего, что главою этой партіи, состоявшей изъ людей сановныхъ и почтенныхъ лѣтами (1), впервые являлась *женщина* — княгиня Аграфена Петровна Волконская, урожденная Бестужева, одна изъ самыхъ развитыхъ современницъ графини Екатерины Ивановны. И, быть можетъ, не безъ содѣйствія связей графини, недоброжелатели двоюродныхъ сестеръ ея, царевенъ, не успѣли въ своихъ намѣреніяхъ, были судимы, а сама княгиня Волконская заключена въ Тихвинскій монастырь. Но какъ бы то ни было, роль княгини, руководившей въ дѣлѣ политическомъ цѣлымъ обществомъ мужчинъ, представляетъ явленіе весьма любопытное, убѣдительно доказывавшее, что пренебреженіе къ русской женщинѣ нѣсколькихъ вѣковъ русской исторіи не имѣло разумнаго основанія.

Между тѣмъ, дворъ собирался въ Москву, гдѣ дѣлались приготовленія къ предстоявшей коронаціи. Передъ святками 1727 года туда отправились обѣ царевны, Екатерина и Прасковья Ивановны, московскій дворецъ которыхъ занималъ своими службами всю лѣвую сторону нынѣшней улицы Лѣнивки (2). Можетъ быть, вмѣстѣ съ царевнами уѣхала изъ Петербурга и наша графиня, по дому своему на Никитской (3) близкая сосѣдка царевенъ въ Москвѣ. Одновременный выѣздъ царевенъ и

(1) Каковы, напримѣръ, П. М. Бестужевъ, съ сыновьями—посланникомъ въ Польшѣ Михаиломъ и дѣйствительнымъ каммергеромъ Алексѣемъ, сенаторъ Юрій Нелединскій-Мелецкій, генералъ-маіоръ Пашковъ, кабинетъ-секретарь Черкасовъ, дипломатъ временъ Петра I Исаакъ Веселовскій, шталмейстеръ Кречетниковъ, Бутурлинъ, Кутузовъ, Талызинъ и друг. «Царств. Петра II», примѣч. 54.

(2) «Семисотлѣтіе Москвы. П. Хавскаго, изд. 1847 г., § 200. Мѣсто дворца царевны занимали, въ 1847 г., домъ сенатора Полуденскаго и Лебяжій переулокъ.

(3) Тамъ же, § 918, и Словарь Бант.-Каменскаго. Если не ошибаемся, домъ Екатерины Ивановны принадлежитъ теперь Нарышкинымъ.

графини тѣмъ вѣроятнѣе, что мужъ Екатерины Ивановны, по званію *дѣйствительнаго* каммергера, долженъ былъ находиться въ ближайшей свитѣ государя. Въ той же Москвѣ убирали домъ и для герцогини курляндской, ѣхавшей изъ Митавы; а въ палатахъ канцлера, жившаго неподалеку отъ Арбатской площади и даже содержавшаго на *ругѣ* причетъ сосѣдней церкви Тихона-Чудотворца ([1]), очищались комнаты для сына канцлерова, графа Ивана, русскаго посланика въ Голландіи, спѣшившаго теперь, по волѣ государя, изъ Гаги въ Москву.

Такимъ образомъ, почти весь родственный кружокъ графини Екатерины Ивановны стекался въ одинъ и тотъ же городъ, и нашей графинѣ предстоялъ цѣлый рядъ удовольствій всякаго рода.

Государь выѣхалъ въ Москву въ самомъ началѣ 1728 года, поручивъ Петербургъ вѣдѣнію, попеченію и командованію дѣятельнаго генерала Миниха.

Въ Новгородѣ государя и свиту его ожидало зрѣлище торжественной встрѣчи, устроенной въ честь юнаго императора мѣстнымъ архіепископомъ, догадливымъ Ѳеофаномъ. И графъ Михаилъ Гавриловичъ, вмѣстѣ съ другими очевидцами зрѣлища, долженъ былъ отдать справедливость изобрѣтательности смышленаго іерарха, распоряженіями котораго при этомъ случаѣ искусно сливались въ одно гармоническое цѣлое: и 400 отроковъ, въ бѣлыхъ одеждахъ, съ красными нашивными на груди перевязями, «*линейно грядущіе во срѣтеніе императора*» за версту отъ города, гдѣ «*отъ оной дѣтской компаніи вышедшими двумя отроками*» его величество привѣтствованъ по-русски и по-латыни; и почетный строй дворянъ, перемѣшанныхъ съ цеховыми, начинавшійся отсюда и тянувшійся по обѣимъ сторонамъ дороги до самаго города; и тріумфальныя «*врата*», при входѣ въ городъ, испещренныя надписями и картинами, съ помѣщенными наверху трубачами; и полки, красиво разстав-

([1]) Тамъ же, §§ 134 и 837.

ленные въ городскихъ улицахъ, и пушечная пальба съ колокольнымъ звономъ, и обѣдъ у его преосвященства, съ музыкою, пѣвчими и латинскими стихами, и наконецъ, фейерверкъ изъ 150 пирамидъ, съ великолѣпною иллюминаціею пяти тысячъ зажженныхъ смоляныхъ бочекъ (1).

Посѣтивъ Антоніевъ монастырь и принявъ напутственное благословеніе Ѳеофана, государь выѣхалъ изъ Новгорода. Добрый народъ повсемѣстно осыпалъ дорогу, спѣша взглянуть на добраго государя, ему еще не знакомаго лично, но уже милаго и любимаго за указы, разрѣшавшіе свободное розыскиваніе сибиркихъ рудъ (2), вольную продажу табаку (3) и всеобщее право промышлять слюдянымъ дѣломъ (4), тогда еще, по рѣдкости стеколъ, весьма выгоднымъ. Въ Твери государь пробылъ цѣлый день и отсюда, уже не останавливаясь, продолжалъ путь до подмосковнаго села Всесвятскаго, принадлежавшаго тогда царицѣ грузинской Екатеринѣ Георгіевнѣ, вдовѣ царя Каіохостра Леоновича (5). Здѣсь императора и сестру его впервые увидѣла и обняла родная бабка ихъ, мать несчастнаго царевича Алексѣя, царица Евдокія Ѳеодоровна Лопухина, около тридцати лѣтъ влачившая жизнь въ стѣнахъ монастырей и крѣпостей и, съ восшествіемъ на престолъ внука, освобожденная изъ шлиссельбургскаго каземата (6). Задержанный корью, государь

(1) См. въ IX ч. «Древн. Росс. Вивл.», изд. 2. «Пришествіе въ Новъ градъ Его Императорскаго Величества Государя Императора Петра Втораго 1728, генваря 11 дня». Стр. 484 дал.

(2) Указъ 26 сентября 1727 года.

(3) Тамъ же.

(4) Указъ 30 сентября 1727 года.

(5) Умерла въ Москвѣ, въ 1730 г., и похоронена тамъ же, въ Греческомъ монастырѣ.

(6) Вдовствующей царицѣ, поселившейся въ Вознесенскомъ монастырѣ, что въ московскомъ Кремлѣ, назначено 60,000 р. годоваго содержанія и составленъ для нея особый придворный штатъ, гофмейстеромъ котораго сдѣланъ ген.-маіоръ Ив. Измайловъ, каммергерами—кн. Хилковъ и Ал. Андр. Лопухинъ, шталмейстеромъ — Авраамъ Лопухинъ, камер-

двѣ недѣли пролежалъ въ селѣ Всесвятскомъ, куда, по этому случаю, не прерывались вельможескіе поѣзды изъ Москвы и гдѣ, разумѣется, бывала не одинъ разъ и графиня Екатерина Ивановна.

Вслѣдъ за выздоровленіемъ императора отправленъ «*торжественный публичный въѣздъ*» его въ Москву. Для того же, чтобы познакомить съ распорядкомъ церемоній стараго времени и современныхъ читателей, мы предлагаемъ ихъ вниманію «*реляцію*» о въѣздѣ императора Петра II въ Москву въ томъ самомъ видѣ, какъ читали ее наши предки въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1728 года и какъ представлялась она глазамъ нашей графини. Вотъ эта «реляція». «Сіе учинилось четвертаго дня февраля предъ полуднемъ, какъ Его Величество «со всею свитою изъ Всесвятскаго сюда прибыть изволилъ. 1) «*Шла* знатная рота гренадеровъ, *верхомъ* въ преизрядномъ «мундирѣ. 2) Разныя порожнія кареты генеральскихъ персонъ, «шляхетства и прочихъ знатнымъ особъ, всѣхъ 35, при которыхъ всѣхъ служители въ пребогатой ливреѣ убраны были. «3) Нѣкоторые Его Величества пажи ѣхали верхами и лакеи «шли пѣши. 4) Его Императорскаго Величества кареты, а при «каждой каретѣ конюшенные служители. 5) Шталмейстеръ (¹) «съ Его Императорскаго Величества заводными лошадьми въ «турецкомъ и прочемъ предорогомъ уборѣ. 6) Генералъ-маіоры, «бригадиры съ прочими знатными изъ шляхетства. 7) Трубачи «и литаврщики. 8) Кавалергардія. 9) Два камеръ-фурьера. 10) «Лакеи, арабы и скороходы. 11) Камеръ-пажи, гофъ-юнкеры и

юнкерами—Ив. Бибиковъ и Ал. Лопухинъ, гофъ-юнкерами—Алексѣй Лопухинъ и Серг. Измайловъ, камеръ-пажомъ—князь Лобановъ, пажами — Матюшкинъ и Вас. Лопухинъ. Даны царицѣ и карлы, необходимая принадлежность знатнаго дома того времени. Роль гофмейстерины при дворѣ Евдокіи заняла кн. Анастасія Васил. Троекурова. См. Протоколы Верх. Тайн. Совѣта, въ 3 книгѣ «Чтеній» Импер. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ на 1858 г.

(¹) Родіонъ Мих. Кошелевъ.

«камеръ-юнкеры ([1]) верхомъ. 12) Камергеры въ Его Величества «каретахъ ([2]). 13) Оберъ-шталмейстеръ ([3]) 14) Его Императорское Величество въ преславно убранной каретѣ съ восемью «лошадьми, а при Его Императорскомъ Величествѣ государ«ственный вице-канцлеръ и дѣйствительный тайный совѣтникъ «Андрей Ивановичъ господинъ баронъ фонъ-Остерманъ. По «правую сторону ѣхали верхомъ кавалеръ гвардіи капитанъ«лейтенантъ, Павелъ Ивановичъ господинъ Ягужинскій, а по «лѣвую сторону—генералъ-дежуръ, лейбъ-гвардіи подполков«никъ, Семенъ Григорьевичъ господинъ Салтыковъ, по обѣ «стороны—гайдуки пѣши. 15) Его Императорскаго Величества «Вышняго Тайнаго Совѣта дѣйствительные тайные совѣтники: «графъ Θеодоръ Матвѣевичъ господинъ Апраксинъ, графъ Гав«рило Ивановичъ господинъ Головкинъ, князь Дмитрій Михай«ловичъ Голицынъ, князь Василій Лукичъ Долгорукій и князь «Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій. 16) Генералъ-фельдмар«шалы: князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ, графъ Брюсъ «и графъ Сапѣга ([4]). 17) Генералъ-аншефы; князь Иванъ Юрь«евичъ Трубецкой, господинъ Гинтеръ и Михаилъ Аθанасье«вичъ господинъ Матюшкинъ. 18) Дѣйствительные тайные со«вѣтники: графъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ, графъ «Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ и графъ Андрей Артемоновичъ «Матвѣевъ. 10) Офицеры съ 40 гренадерами. 20) А при окон«чаніи онаго въѣзда гренадерская рота верхомъ. Ихъ Высоче«ства принцесса Елисавета Петровна и великая княжна На«талья Алексѣевна прибыли такожде уже съ часъ до того въ «императорскую крѣпость Кремль, съ своимъ преславно убран-

---

([1]) Каммеръ-юнкерами тогда были: князь Никита Юрьев. Трубецкой, бар. Строгановъ, Бутурлинъ, Поспѣловъ, Алепли и друг.

([2]) Графы Сапѣга и Мих. Гавр Головкинъ, князья Сергій Голицынъ и Серг. Долгорукій, Степ. Лопухинъ, Балкъ, Строгановъ и друг.

([3]) Вас. Дм. Олсуфьевъ.

([4]) Отецъ каммергера Сапѣги.

«нымъ гофштатомъ (¹). Ради Его Императорскаго Величества «въѣзду, построены три преславныя тріумфальныя ворота: пер«выя — при въѣздѣ въ Земляной городъ, вторыя — предъ Бѣ«лымъ городомъ, третьи—предъ Кремлемъ. У первыхъ тріум«фальныхъ воротъ привѣтствованъ Его Императорское Вели«чество отъ генералъ-губернатора (²) и прочихъ офицеровъ его «команды и знатнѣйшихъ гражданскихъ приказныхъ людей, и «тогда стали во всѣ колокола при всѣхъ церквахъ звонить, ко«торый до окончанія въѣзда Его Императорскаго Величества «продолжался. Какъ скоро Его Императорское Величество сіи «тріумфальныя ворота пройдти изволилъ, данъ сигналъ къ «пальбѣ изъ пушекъ, которая у другихъ тріумфальныхъ воротъ «равнымъ же образомъ такожде и при прибытіи Его Импера«торскаго Величества къ собору чинилась. По окончаніи пу«шечной стрѣльбы, стрѣляли полки, которые у Купецкихъ во«ротъ въ парадѣ стояли, трижды бѣглымъ огнемъ. У помяну«тыхъ воротъ стоялъ магистратъ съ купечествомъ, для встрѣ«тенія Его Императорскаго Величества, которое Святѣйшій «Сѵнодъ у синодальныхъ воротъ, всѣ архіереи въ церковномъ «облаченіи у собора, равнымъ же образомъ чинили. Потомъ «молебствовали, а по окончаніи молебнаго пѣнія, изволилъ Его «Императорское Величество между поставленными въ двухъ «шеренгахъ солдатами въ свои императорскіе покои идти, гдѣ «Его Величество отъ вышеупомянутыхъ Ихъ Высочествъ обѣ«ихъ свѣтлѣйшихъ принцессъ привѣтствованъ. Въ Санктпетер«бургѣ 17 дня февраля 1728 года».

Трехнедѣльное время, протекшее между въѣздомъ и коронаціею, графиня Екатерина Ивановна, какъ и всѣ придворные,

---

(¹) «Гофштаты принцессъ» составляли: цесаревны Елисаветы Петровны—гофмейстеръ Сем. Григ. Нарышкинъ, фрейлины Салтыкова и Минихъ; великой княжны Наталіи Алексѣевны—гофмейстеръ гр. Левенвольдъ и гофмейстерина иностранка Каро.

(²) Кн. Ив. Ѳед. Ромодановскій, отецъ гр. Головкиной.

употребила на необходимыя приготовленія къ торжеству. Многочисленность и разнообразіе этихъ приготовленій доказывали, что роскошь, вкравшаяся при дворѣ Екатерины I ([1]), пустила глубокіе корни. Тратясь и издерживаясь въ свою очередь, графиня Екатерина Ивановна не забывала ѣздить на поклоны къ царицѣ Евдокіи, жившей въ Вознесенскомъ монастырѣ, окруженной собственнымъ штатомъ и надѣленной, прилично званію царицы, каретами и цугами, отписанными на государя у Меншикова; также не забывала посѣщать семейство малороссійскаго гетмана Апостола, пріѣхавшаго въ Москву благодарить государя за возстановленіе гетманства и отчасти подвѣдомаго тестю графини, канцлеру Головкину.

Такъ наступило 25 февраля, день коронованія. Одѣтая въ робу, графиня Екатерина Ивановна, какъ жена дѣйствительнаго каммергера и дочь мѣстнаго генералъ-губернатора, присутствовала въ Успенскомъ соборѣ и съ любопытствомъ наблюдала невиданную ею церемонію. На головѣ тринадцатилѣтняго императора сіялъ драгоцѣннѣйшій изъ царскихъ вѣнцовъ того времени, дѣланный нарочно ко дню коронованія покойной императрицы. Этотъ вѣнецъ, кромѣ брилліантовъ, уступленныхъ на его украшеніе Петромъ I изъ государственной державы, заключалъ въ себѣ: 2,536 алмазовъ, 4 яхонта, 17 лалъ, 5 шпинаръ, 1 венису, 3 хрусталь-смазенъ и знаменитый огромностію лалъ, купленный въ 1676 году царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ Пекинѣ и почитавшійся безцѣннымъ ([2]).

Коронація сопровождалась обычными торжествами, въ которыхъ графиня Екатерина Ивановна принимала столько же обычное для нея участіе. Такъ, на другой день, обще со всѣми знатными персонами, Екатерина Ивановна была въ Танови-

(1) Memoires de Villebois (chef d'escadre de Pierre I), p. 138.

(2) «Отеч. Зап.» 1820 г., ч. III, стр. 29—30. Этотъ лалъ (иначе — рубинъ, или красный яхонтъ) взятъ впослѣдствіи, по повелѣнію императрицы Анны Ивановны, въ Кабинетъ.

той палатѣ у руки государя, на третій, послѣ обѣда, видѣла придворный балъ, а вечеромъ—фейерверкъ, сожженный на Царицыномъ лугу ([1]); въ четвертый — смотрѣла народный праздникъ, происходившій въ Кремлѣ, на большой дворцовой площади и состоявшій, какъ водится, въ мгновенномъ уничтоженіи фонтановъ вина и жаренныхъ быковъ, чиненныхъ птицами. Нѣсколько же дней спустя, Екатерина Ивановна опять явилась на балъ въ Грановитой палатѣ, назначенный по случаю полученнаго изъ Киля извѣстія о благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени цесаревны Анны Петровны сыномъ, впослѣдствіи императоромъ Петромъ III.

Долгорукіе владычествовали. Шестнадцатилѣтній князь Иванъ Алексѣевичъ, недавно орудіе Остермана, сталъ уже оберъ-каммергеромъ, носилъ андреевскую ленту и значилъ гораздо болѣе своего бывшаго патрона. Отецъ и дядя любимца, князья Алексѣй Григорьевичъ и Василій Лукичъ Долгорукіе, посажены въ Верховный Тайный Совѣтъ, мнѣнія и рѣшенія котораго оба они, особенно послѣдній, не замедлили принять въ личное свое распоряженіе. Четвертый Долгорукій, князь Василій Владиміровичъ, произведенъ въ фельдмаршалы. Не могло повредить вліянію новыхъ временщиковъ и извѣстное подметное письмо, найденное около этого времени у Спасскихъ воротъ. Это письмо, порицавшее дѣянія Долгорукихъ и оправдывавшее поступки Меншикова, было предметомъ многихъ толковъ и даже цѣлаго нарочнаго манифеста ([1]), но послужило только къ переселенію Меншикова съ семьей на сѣверъ Сибири, въ Березовъ, и къ охлажденію отношеній императора съ царицею-бабкою, духовнику которой приписывалось сочиненіе анонима.

Занятія самого государя, вопреки знаменитому «*Начерта-*

([1]) Мѣстность въ Москвѣ, за Москвою-рѣкою, называемая теперь Болотомъ.

([2]) Письмо найдено 24 марта, а манифестъ публикованъ 27 марта 1728 г.

нію ученія» ([1]), плоду трудовъ Остермана, ограничивались, къ нелицемѣрной горести наставника, придворными удовольствіями и, въ особенности, полеваньемъ.

Подобный порядокъ смущалъ не одну благомыслящую голову, въ чемъ могла удостовѣриться и наша графиня, особенно въ тѣ дни, когда отсутствіе изъ города родителя, любившаго общество нѣжной дочери, требовало посѣщенія Екатериной Ивановной и другихъ обществъ. А такіе дни случались часто, потому что родитель графини отсутствовалъ безпрестанно. Легко можетъ быть, что родитель графини, слѣдовавшій за государемъ всюду, какъ генералъ-губернаторъ, становился рѣшительно необходимъ и не замѣнимъ въ загородныхъ царскихъ прогулкахъ, потому что никто лучше князя Ивана Ѳедоровича, истаго москвича и охотника, не могъ бы указать Его Величеству удобнѣйшихъ для «поля» мѣстъ въ московскихъ окрестностяхъ, лично и многократно, вдоль и поперекъ изъѣзженныхъ его сіятельствомъ.

Послѣ родительскаго, домъ свекора канцлера, возившагося съ своею подагрой и почти никуда не ѣздившаго, былъ, конечно, чаще всѣхъ другихъ посѣщаемъ графинею, ѣзжавшею туда и со старухой-матерью, пріятельницею старухи Домны Андреевны. Тамъ нерѣдко встрѣчала графиня Остермана, Нарышкина, многихъ другихъ русскихъ вельможъ и почти всѣхъ иностранныхъ посланниковъ. Все это общество открыто не одобри-

---

([1]) Это чрезвычайно любопытное «Начертаніе» изложено вполнѣ въ примѣч. 22 къ «Царств. Петра II», стр. 192. Тутъ всѣ дни недѣли и часы дней весьма благоразумно разпредѣлены между занятіями исторіею и географіею, (по руководствамъ Гибнера), математическими «операціями», концертами «музыческими», стрѣльбою въ мишень, танцованіемъ, игрою «волянтеншпиль» и друг. Между прочимъ, въ среду, отъ двухъ до трехъ часовъ дня, Его Величество «обучался билліардомъ»; а въ субботу, до полудня, «могъ по изволенію то, что въ географіи и математикѣ во всю недѣлю учено, твердить».

вало праздность отрока-императора и еще открытѣе негодовало на вредную для Россіи политику Долгорукихъ. Въ домѣ царевенъ повторялось то же.

Но все слышанное въ этомъ родѣ графинею, гдѣ бы то ни было, не могло идти съ сравненіе съ тѣми искренними, сердечными жалобами и слезами, свидѣтельницею которыхъ также доводилось бывать графинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ, имѣвшей доступъ и въ Слободской дворецъ ([1]), гдѣ жила сестра императора, великая княжна Наталья Алексѣевна. Добрая царевна, разсудительная не по лѣтамъ ([2]), сокрушалась поведеніемъ брата, единственною привязанностію ея на землѣ, презирала Долгорукихъ, изливалась въ чувствахъ своихъ Остерману, умоляла его помочь дѣлу. Неуспѣхъ Остермана, видѣвшаго невозможность перемѣнить теченіе и даже, ради собственныхъ пользъ, сблизившагося съ Долгорукими, глубоко огорчалъ великую княжну. Охлажденіе къ ней брата еще болѣе разстроило ее: царевна занемогла, и въ ноябрѣ 1728 года не стало на Руси одного изъ лучшихъ ея украшеній: цвѣтокъ увянулъ, не успѣвши распуститься ([3]).

Много добраго унесла въ свою могилу царственная отроковица.

Императоръ, пораженный смертію царевны, предавался глубокой горести, не спалъ ночей, не захотѣлъ оставаться въ Слободскомъ дворцѣ, гдѣ все напоминало ету сестру. Пользуясь случаемъ, Остерманъ уговаривалъ Петра возвратиться въ Петербургъ; графъ Вратиславъ и Дюкъ-де-Лирія, представители Австріи и Испаніи въ Россіи, поддерживали Остермана. Но внушенія Долгорукихъ успѣли болѣе, и государь, къ несчастію государства, остался въ Москвѣ.

([1]) Былъ на мѣстѣ нынѣшняго московскаго ремесленнаго заведенія.

([2]) Ей шелъ тогда пятнадцатый годъ (род. 12 іюля 1714 года), а императору—четырнадцатый (род. 12 окт. 1715 г.)

([3]) Вел. княжна Наталія Алексѣевна сконч. 22 ноября 1728 г., въ Москвѣ.

Не одинъ разъ съ грустію приходила графиня Екатерина Ивановна поклониться тѣлу великой княжны, ровно два мѣсяца стоявшему въ траурной залѣ Слободскаго дворца, обитой чернымъ и убранной по потолку серебряною матеріею, на которой руками *французскихъ* мастеровъ вышиты были, золотомъ и шелками, императорская корона и цвѣты (¹). Можетъ быть, наряжалась и графиня въ число восьми «дневальныхъ» дамъ, составлявшихъ почетную стражу тѣла, въ головахъ котораго постоянно были на часахъ два кавалергарда, съ обнаженными шпагами.

Чрезъ два мѣсяца по кончинѣ княжны, происходило ея погребеніе, о днѣ котораго, за двое сутокъ, извѣщали народъ четыре партіи трубачей, разъѣзжавшихъ по всей Москвѣ. Вотъ какъ описываетъ это погребеніе малороссъ-очевидецъ: «Церемонія началась около десятаго часа, а кончилась послѣ полудня. Ѣхали сперва три маршалка въ рядъ, за ними шли гренадеры отъ гвардіи, съ перьями, въ девять рядовъ, около ста человѣкъ, разные придворные служители представльшейся великой княжны, попарно, а заключили снова два маршалка. Потомъ пѣвчіе разные и государевы шли, продолжая пѣніе, діаконы, которыхъ было нѣсколько сотъ, попы, которыхъ было близъ четырехсотъ, архимандриты, архіереевъ семь; три знатныя персоны несли кавалерію Св. Екатерины, другіе же три, на золотой подушкѣ, императорскую корону, а потомъ везено было тѣло подъ золотымъ, шитымъ съ многими кутасами, балдахиномъ, везеннымъ восемью лошадьми, обшитыми въ черные аксамитные капы, съ приложенными на челахъ и бокахъ императорскими гербами; а близь всякаго коня по одному человѣку изъ знатныхъ шло, также и около балдахина, придерживая съ кутасами шнуры. Балдахинъ внизу укрытъ былъ сребнымъ моаремъ, а наверхъ

(¹) Дневныя записки малороссійскаго подскарбія генеральнаго Якова Марковича, изд. 1859 г., Ч. I, стр. 304.

покрывала стоялъ серебряный гробъ съ тѣломъ. Когда балдахинъ поровнялся съ монастыремъ Богоявленскимъ, то изъ онаго вышелъ императоръ съ должайшимъ флеромъ и пошелъ за гробомъ. Подъ руки Его Величество вели баронъ Остерманъ и князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукой; за государемъ шла государыня цесаревна, которую подъ руки вели Иванъ Гавриловичъ Головкинъ да князь Черкасскій, потомъ шли дамы, 21 пара, также въ трауръ убранныя и завѣшенныя черными флерами съ должайшими хвостами; заключали шествіе: 3 маршалки и рота гренадеровъ Семеновскаго полка. Полки отъ слободы до Кремля и въ Кремлѣ до монастыря дѣвичьяго Вознесенскаго стояли, и когда туда принесено тѣло, то всѣ дали бѣгучій огонь трижды; во время же хода, съ пушекъ били поминутно» (¹).

Похоронивъ сестру, государь не переставалъ грустить. Услужливые Долгорукіе, видѣвшіе въ смерти Натальи Алексѣевны уничтоженіе послѣдней препоны ихъ самовластію, тѣмъ охотнѣе взялись развлекать Его Величество. Измайлово было не загорами, и отецъ любимца, князь Алексѣй Григорьевичъ, началъ ежедневно приглашать туда государя, то погонять зайцевъ, то потѣшиться надъ волками. Это развлеченіе было принято. Къ нему вскорѣ присоединилось другое: завтраки въ Горенкахъ, подмосковной князя Ивана Алексѣевича, не лишенные присутствія родной сестры любимца, княжны Екатерины Долгорукой, «красавицы, плѣнявшей стройностію стана, бѣлизною лица, глазами томными, очаровательными» (²).

Но въ этотъ періодъ времени графиня Екатерина Ивановна уже не разлучалась такъ часто съ своимъ родителемъ, какъ въ прошломъ 1728 году. Долгорукіе ревниво наблюдали императора, не любили окружать его иначе, какъ своими родичами. И почтенному князю Ивану Ѳедоровичу, не имѣвшему чести быть Долгорукимъ, уволенному, къ тому же, по собственному про-

(¹) Записки Марковича, ч. I, стр. 306—307.

(²) Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ, изд. 1840 г., стр. 112.

шенію, отъ генералъ-губернаторства ([1]), оставалось читать «*персидскія поведенія*», аккуратно сообщавшіяся въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и повѣствовавшія о подвигахъ нашихъ генераловъ въ прикаспійскихъ краяхъ, или—одиноко травить какого нибудь жалкаго зайца, случайно улизнувшаго отъ долгоруковскихъ доѣзжачихъ, или, наконецъ, навѣщать свояка-канцлера. Своякъ-канцлеръ былъ, въ это время, тоже не совсѣмъ въ своей тарелкѣ. Сынъ его, графъ Александръ Гавриловичъ, едва ли не способнѣйшій изъ всѣхъ русскихъ посланниковъ своего времени и только что представлявшій Россію на Соассонскомъ конгрессѣ, конечно, дѣлалъ большую честь ему, канцлеру, какъ своему отцу и наставнику; но, блистательно подвизаясь на дипломатическомъ поприщѣ, деверь графини Екатерины Ивановны жилъ въ Парижѣ не менѣе блистательно, на каковой предметъ тридцати-шести тысячъ *казеннаго* содержанія оказывалось мало. Канцлеръ, при всей скупости своей, понималъ это и не могъ обвинять сына, но имѣлъ полное право находиться не въ своей тарелкѣ.

И оба старика принимались брюзжать на настоящія времена, вовсе не замѣчая, что молодые графъ и графиня, очень хорошо разумѣвшіе каждый почтеннаго виновника дней своихъ, слушали обоихъ стариковъ съ почтительною улыбкою. Кромѣ того, дѣйствительный каммергеръ могъ улыбаться и потому, что въ эти «настоящія времена» должность его, не будучи никому нужною, предоставляла ему полную свободу дѣйствія, или, вѣрнѣе, бездѣйствія, не пріятнаго человѣку, любившему, какъ Михаилъ Гавриловичъ, пріотдохнуть отъ всего, тѣмъ болѣе отъ придворной суеты; а графиня жена его, радовавшаяся за мужа и раздѣлявшая съ нимъ случайный досугъ, улыбалась еще и тому, что въ «настоящія времена» видѣла себя окружен-

---

([1]) Указъ объ увольненіи кн. Ромодановскаго, прекращавшій и существованіе Преображенской канцеляріи, послѣдовалъ 4 апрѣля 1729 г. См. Протоколы Верх. Тайн. Совѣта, стр. 103.

ною почти всѣми своими близкими, за исключеніемъ одной только герцогини курляндской, уже возвратившейся въ Митаву. Но, собственно говоря, старики-тузы были не совсѣмъ не правы относительно «настоящихъ временъ»: они не могли назваться благополучными. Первопрестольная столица русскаго царства или по цѣлымъ мѣсяцамъ сиротѣла безъ своего надежи-государя, или, повременамъ, приходила въ негодованіе отъ буйной ватаги молодцовъ, бурею проносившихся по ея улицамъ и насильно врывавшихся въ мирные домы, хозяева которыхъ узнавали въ предводителѣ ватаги царскаго фаворита, князя Ивана Долгорукаго, «гостя досаднаго и страшнаго» (¹); Остерманъ почти не встрѣчался съ своимъ вѣнценоснымъ питомцемъ; Верховный Тайный Совѣтъ пересталъ засѣдать: иностранные министры не знали, для чего проживаются они въ Россіи. Скоро все объяснилось. Государь, прогостивъ болѣе двухъ мѣсяцевъ въ усадьбѣ князя Алексѣя Долгорукаго, пріѣхалъ въ Москву, собралъ членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта и объявилъ имъ, 19 ноября 1729 года, высочайшее намѣреніе свое сочетаться бракомъ съ княжною Екатериною Алексѣевною Долгоруковою, а пять дней спустя, графиня Екатерина Ивановна, вмѣстѣ со всѣмъ дворомъ и чужестранными министрами, прикладывалась къ ручкѣ ея высочества *государыни невѣсты*, своей соименинницы.

Чрезъ недѣлю, 30 ноября, вся Москва толпилась на пространствѣ между Головинскимъ и Лефортовскимъ дворцами (²). Въ первомъ жила государыня-невѣста, во второмъ должно было произойти торжественному обрученію ея съ императоромъ. Любопытство зѣвакъ увеличивалось тѣмъ болѣе, что къ обруче-

---

(¹) «Повѣсть о смерти императора Петра II и о восшествіи на престолъ государыни императрицы Анны Іоановны», соч. архіепископа Ѳеофана Прокоповича. См. «Московскій Вѣстникъ» 1830 г., ч. I, стран. 42 и 49.

(²) Оба дворца до сихъ поръ существуютъ въ Москвѣ (Лефортовскій въ прежнемъ видѣ) и заняты помѣщеніемъ 1 и 2 Московскихъ кадетскихъ корпусовъ.

нію ждали изъ Новодѣвичьяго монастыря и вдовствующую царицу-бабку.

Собираясь, какъ и другіе, во дворецъ, графиня Екатерина Ивановна, быть можетъ, не разъ задумывалась передъ своимъ трюмо о судьбѣ первой невѣсты императора, также торжественно обрученной, принимавшей тѣ же поздравленія, слышавшей имя свое возносимымъ на эктеньи рядомъ съ императорскимъ. И что же? купивъ это величіе цѣною первой, лучшей любви, несчастная Меншикова поплатилась потомъ сокрушеніемъ о несчастіяхъ отца, слезами о преждевременной смерти ослѣпшей отъ слезъ матери (1), необходимостію слѣдовать въ дальнюю ссылку, обязанностію стряпать тамъ на семью (2), наконецъ, собственною, черезчуръ раннею могилою (3). Не завидна такая судьба.

Подъ вліяніемъ подобныхъ размышленій, возможность которыхъ мы давно уже признали въ Екатеринѣ Ивановнѣ, наша

(1) Княгиня Дарья Михайловна Меншикова, рожденная Арсеньева, женщина добродѣтельная и первая красавица своего времени, скончалась на дорогѣ въ Сибирь. Могильный камень ея до сихъ поръ вростаетъ въ землю у церкви села Услона, живописно раскинутаго надъ Волгою и отстоящаго въ двѣнадцати верстахъ отъ г. Казани.

(2) Словарь Бант.-Каменскаго, ч. VII, стр 363.

(3) Существуетъ преданіе, что бывшая невѣста императора сочеталась въ Сибири бракомъ съ кн. Өедоромъ Долгорукимъ, сыномъ князя Василія Лукича, добровольно послѣдовавшимъ за княжною въ изгнаніе, вопреки желаніямъ сильныхъ тогда Долгорукихъ. На стр. 86 «Топографическаго описанія Сѣвернаго Урала», изд. Военно-Топографическимъ Депо въ 1852 году, мы нашли извѣстія: о золотомъ медальонѣ съ волосами княжны, приложенномъ, по кончинѣ ея, кн. Өедоромъ въ Спасскую церковь г. Березова (нынѣ Воскресенскій соборъ), и дорогой барсовой шубѣ, долго хранившейся въ семействѣ священника, вѣнчавшаго изгнанниковъ и получившаго за то въ даръ сказанную шубу. Изъ того же самаго преданія Августъ Лафонтенъ сдѣлалъ цѣлый романъ, переведенный съ нѣмецкаго языка на русскій и, подъ заглавіемъ «Князь Өедоръ Д—кій и княжна Марья М—ва», трогающій до сихъ поръ нѣжныя сердца невзыскательныхъ читателей.

графиня должна была больше, чѣмъ равнодушно, созерцать великолѣпное убранство Лефортовскаго дворца, и этотъ огромный персидскій коверъ, разостланный посреди залы, и золотую парчу, облекавшую столъ, и золотыя блюда съ драгоцѣнными обручальными перстнями, и богатый балдахинъ, поддерживаемый шестью генералъ-майорами, и всю раззолоченную свиту, а за нею пернатыя шапки преображенскихъ гренадеровъ, изъ предосторожности введенныхъ своимъ начальникомъ, подозрительнымъ братомъ государыни-невѣсты, и поставленныхъ тутъ же, въ залѣ, съ заряженными ружьями (1).

Обрядъ начался и окончаніе его возвѣщено пушечными выстрѣлами. Архіепископъ Ѳеофанъ, уже знакомый намъ, совершилъ и это обрученіе. Присутствовавшіе стали подходить къ рукѣ обрученныхъ. Государыня-невѣста сидѣла потупя глаза, блѣдная, равнодушная. Женихъ-императоръ держалъ правую руку ея и всѣмъ давалъ цѣловать. Фейерверкъ и балъ заключили торжество. Невѣста, жаловавшаяся на усталость, повезена въ 7 часовъ вечера къ Головинскому дворцу въ каретѣ, запряженной восемью лошадьми, сопровождаемой кавалергардами, пажами, гайдуками, встрѣчаемой почетнымъ барабаннымъ боемъ карауловъ.

Днемъ свадьбы императора назначено 19 января наступающаго 1730 года. Долгорукіе ликовали. Празднества смѣнялись празднествами. Московское простонародье радовалось государевой радости. Придворные размышляли иначе. Вельможи волей-неволей поклонялись дерзкому, безнравственному любимцу, заискивали въ его ничтожномъ отцѣ, боялись его плутоватаго дяди, Лукича. Остерманъ терялъ голову.

И вотъ наступилъ вожделѣнный для Долгорукихъ 1730 годъ.

Крещенскій парадъ гвардіи былъ великолѣпенъ, но продолжителенъ. Государь пробылъ около четырехъ часовъ кряду на

---

(1) «Сказанія о родѣ кн. Долгоруковыхъ», стр. 113 и дал.

льду Москвы-рѣки, стоя, съ открытою головою, на запяткахъ саней государыни-невѣсты. Къ вечеру же Его Величество почувствовалъ себя нездоровымъ. На другой день у него открылась оспа. Врачи не поняли болѣзни, а больной усилилъ ее неосторожною простудою. Ему становилось хуже и хуже. Очередь терять голову была за Долгорукими.

Между тѣмъ, народъ, прослыша о болѣзни любимаго государя, денно и нощно толпился у Лефортовскаго дворца, не обращая никакого вниманія на январскую стужу, но жадно всматриваясь въ лица безпрерывно пріѣзжавшихъ и уѣзжавшихъ сановниковъ, чтобы по виду ихъ заключать о состояніи царскаго недуга. Въ ночь на 19 января тревожно заглядывали москвичи въ полуосвѣщенныя окна дворца, стараясь угадать, что дѣлается тамъ, за этими обледенѣвшими окнами, въ которыхъ туда и сюда мелькали тѣни.

Тамъ, за этими стеклами, происходило тогда многое и тѣни мелькали недаромъ.

Государь только что скончался. Архіереи, его соборовавшіе, окружали смертный одръ вѣнценоснаго отрока, долженствовавшій, по предположенію, быть сегодня же его брачнымъ ложемъ. Остерманъ, конечно, въ первый разъ отъ рода плакалъ горько и искренно, лобызая не остывшій еще трупъ своего питомца и государя. Сановники, пораженные событіемъ ночи, сумрачно бродили по дворцовымъ аппартаментамъ, боясь подумать о судьбахъ Россіи, лишенной царя. Члены Тайнаго Совѣта *верховники*, отыскивали другъ друга, не видя нигдѣ Долгорукихъ. А Долгорукіе, отецъ съ сыномъ, въ отдаленнѣйшемъ кабинетѣ дворца, составляли царское завѣщаніе въ пользу государыни-невѣсты, боясь еще убѣдиться, что, вмѣстѣ со смертію жениха императрицы, надежда ихъ, по выраженію князя Щербатова, «яко скудельный сосудъ разбилася».

Карета Остермана первая заскрипѣла полозьями по снѣгу и, разрѣзавъ народныя волны, удалилась отъ дворца. Вице-канц-

леръ смекнулъ, что быть суматохѣ, и, по своему обычаю, скрылся, съ прискорбіемъ объявивъ, кому слѣдуетъ, что глазная болѣзнь неизбѣжно задержитъ его на нѣсколько времени дома. За Остерманомъ, мало по малу, разъѣхались многіе, потомъ всѣ, и во дворцѣ остались одни верховники.

Народъ продолжалъ по прежнему толпиться на улицѣ и приливать густыми толпами къ дворцовымъ воротамъ. Не подозрѣвая еще смерти своего государя, народъ простодушно относилъ разъѣздъ вельможъ къ позднему времени ночи, не воображалъ, что нѣсколько сановниковъ называли уже нѣсколько царственныхъ именъ, и при одномъ тотчасъ «чудное всѣхъ явилось согласіе» [1]; никто не вѣдалъ, чѣмъ были заняты теперь, въ этотъ самый часъ, остававшіеся во дворцѣ верховники.

Но послѣдняго, одинаково съ народомъ, не вѣдалъ и князь Ромодановскій, только что прибывшій изъ Лефортовскаго дворца, гдѣ остался сватъ князя, на Моховую, опочивать подъ крѣпкими сводами собственныхъ каменныхъ палатъ. Слѣдуя въ свою опочивальню, князь нашелъ въ гостиной жену, дочь и зятя, бодрствовавшихъ въ ожиданіи его возвращенія. Изъ нихъ зять, оставившій дворецъ еще ранѣе, извѣстилъ уже дамъ о кончинѣ государя, и князю оставалось досказать происшедшія затѣмъ событія, въ которыхъ принимали участіе только одни высшіе сановники имперіи.

Такимъ образомъ, семья князя Ивана Өедоровича услышала отъ него о молчаніи или спорахъ, которыми сопровождались предлагавшіяся во дворцѣ имена: царицы-бабки, младенца сына Анны Петровны, цесаревны Елизаветы, герцогини мекленбургской Екатерины Ивановны, и узнала, что имя, произведшее магическое дѣйствіе «чуднаго согласія», было имя Анны Ивановны, герцогини курляндской. Короче сказать, старая княгиня и молодые Головкины были пріятно изумлены вѣстію, что род-

---

(1) Выраженіе архіеп. Өеофана въ его «Повѣсти», стр. 44.

ную племянницу первой и двоюродную сестру послѣднихъ государственные чины избрали на всероссійскій престолъ.

Сообщивъ эту вѣсть, князь Ромодановскій отправился въ свою опочивальню, гдѣ онъ, положивъ нѣсколько земныхъ поклоновъ предъ цѣлою стѣною иконъ, сіявшихъ золотомъ и алмазами, и, мгновенно разоблаченный толпою челядинцевъ, возлегъ, покряхтывая, на гору пуховиковъ. Старая княгиня удалилась въ свой теремъ, къ которому изъ княжеской опочивальни вела узенькая каменная лѣстница, съ красно-суконными поручнями вмѣсто перилъ. Молодые Головкины, волнуемые многообразными ожиданіями, сѣли въ карету и поѣхали къ себѣ, на Никитскую, гдѣ Михаилу Гавриловичу, грезившему Бирономъ, не совсѣмъ хорошо спалось эту ночь.

Еще хуже провелъ ту же ночь родитель Михаила Гавриловича. Старый канцлеръ, усталый и измученный, вернулся домой на зарѣ. Онъ, какъ верховникъ, зналъ гораздо болѣе спокойно почивавшаго теперь родителя графини Екатерины Ивановны, зналъ все и не былъ радъ, что зналъ. Ни сномъ, ни духомъ не виноватый въ либеральныхъ мечтаніяхъ своихъ товарищей, верховниковъ, почтенный Гавріилъ Ивановичъ жалѣлъ уже, что согласился подмахнуть, вмѣстѣ съ Долгорукими и Голицыными, актъ, содержаніе котораго, составлявшее тайну шести или семи человѣкъ, едва ли могло понравиться и въ Митавѣ, куда должны были везти его нарочные депутаты. И Гавріилъ Ивановичъ, вовсе не либеральный, но безсильный противостать цѣлому совѣту, быть можетъ, болѣе, чѣмъ когда нибудь, чувствовалъ теперь недостатокъ товарища, какимъ, вѣроятно, былъ бы ему графъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ. Но знаменитый адмиралъ уже болѣе года покоился вѣчнымъ сномъ, подъ сводами Московскаго Златоустовскаго монастыря (1).

(1) Гр. Ѳ. М. Апраксинъ ум. 10 ноября 1728 года.

На другой день, въ десять часовъ утра, снова аполнился дворецъ.

Свекоръ графини торжественно объявилъ собранію о кончинѣ императора Петра II и спрашивалъ всѣхъ, согласны ли на избраніе Анны Ивановны, опредѣленное членами Верховнаго Тайнаго Совѣта. Ѳеофанъ, отъ лица всѣхъ присутствовавшихъ, одобрилъ выборъ.

Въ тотъ же день, вечеромъ, три депутата: князь Василій Лукичъ Долгорукій, князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ и генералъ-майоръ Леонтьевъ, повезли въ Митаву знаменитыя, но не дошедшія до насъ въ подлинникѣ «кондиціи россійскому правленію», и везли съ такою поспѣшностію, что «на разставленныхъ нарочно для того частыхъ подводахъ, казалось, летѣли они паче, нежели ѣхали» (1). Также скоро и въ ту же Митаву, но тайно отъ депутатовъ, скакалъ адъютантъ Ягужинскаго предупредить императрицу о кондиціяхъ; несся гонецъ Ѳеофана — поздравить ее; бѣжалъ скороходъ Левенвольда—передать ей всѣ подробности событія. Послѣдній, по преданію, былъ первымъ вѣстникомъ, объявившимъ Аннѣ ея избраніе. Адъютанта депутаты заковали въ Митавѣ въ цѣпи; Ѳеофанъ, надо полагать, отвитійствовался.

Императрица утвердила «кондиціи», приписавъ къ нимъ собственноручно: «*по сему обѣщаюсь все безъ всякаго изъятія содержать*», и заключила свой первый манифестъ словами: «*а сами сего мѣсяца* (января) *въ 29 день, конечно, изъ Митавы къ Москвѣ для вступленія на престолъ пойдемъ*». Эти извѣстія привезъ въ Москву одинъ изъ трехъ депутатовъ, генералъ-майоръ Леонтьевъ.

Между тѣмъ, въ Москвѣ, не знавшей *оффиціально* ни о чемъ и *оффиціально* молившейся о здравіи императора, кончина котораго всѣмъ была очень хорошо извѣстна, «жалостное

(1) «Повѣсть» Ѳеофана, стр. 52.

вездѣ по городу видѣніе стало и слышаніе», «вѣсти пошептомъ въ народѣ обносилися» ([1]). Дѣло въ томъ, что москвичи проникли «затѣйки» верховниковъ и ни малѣйше не сочувствовали имъ.

Тѣмъ менѣе могла сочувствовать этимъ «затѣйкамъ» наша графиня, близкая родная той самой императрицы, на власть которой посягали олигархи. И, обезопасенная этимъ родствомъ, Екатерина Ивановна могла не только не таить своего собственнаго разномыслія съ олигархами, но даже, силою своего неожиданнаго *случая*, влiять на политическое поведенiе всей семьи своего мужа, не выключая и канцлера. Замѣтимъ тутъ, что, можетъ быть, тайныя внушенія Гаврила Ивановича побудили зятя его, Ягужинскаго, отправить въ Митаву своего адъютанта и тѣмъ, съ опасною отвѣтственностію верховникамъ, заслуживать у императрицы промахъ своего тестя.

Вовсе не приписывая скромной и добродушной графинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ ни умѣнья организовать партіи, ни охоты заниматься этимъ, мы все-таки думаемъ, что именно въ это время наша графиня нечувствительно сблизилась съ Марьей Юрьевной Черкасской, около мужа которой ([2]) собиралось общество недовольныхъ верховниками; чаще встрѣчалась въ этомъ обществѣ съ княземъ Антіохомъ-Кантемиромъ, молодымъ, европейски-образованнымъ поэтомъ; узнавала тутъ же и просвѣщеннаго Василія Никитича Татищева, впослѣдствіи извѣстнаго историка. Кромѣ того графиня Екатерина Ивановна и мужъ ея, вѣрно, нерѣдко ѣзжали тогда къ князю Ивану Ѳедоровичу Борятинскому, вдовѣвшему послѣ брака съ заловкою

([1]) «Повѣсть», стр. 53 и 57.

([2]) Кн. Алексѣй Михайловичъ Черкасскій—нѣкогда любимецъ Петра I и сибирскій губернаноръ, а тогда тайный совѣтникъ, сенаторъ и отецъ первой по богатству невѣсты въ Россіи, княжны Варвары, приданое которой должно было заключаться въ семидесяти тысячахъ душъ крестьянъ. Она вышла впослѣдствіи (1743) за гр. П. Б. Шереметева, помѣщика точно такихъ же семидесяти тысячъ душъ.

Екатерины Ивановны, Натальею Гавриловною Головкиною, и принимавшему у себя общество князя Черкасскаго, и къ Остерману, крѣпко не благоволившему къ кондиціямъ, но, въ ожиданіи развязки, все еще страдавшему глазами. Развязка, однакожъ, начиналась: манифесты о кончинѣ императора и избраніи императрицы были наконецъ объявлены народу, а своякъ графини Екатерины Ивановны, Ягужинскій, арестованъ и разжалованъ верховниками.

3 февраля, въ день именинъ не пріѣхавшей еще императрицы, дворъ приносилъ поздравленія царевнѣ Екатеринѣ Ивановнѣ, что, какъ новинка, по всей вѣроятности, было не непріятно и двоюродной сестрѣ ея, графинѣ. А на другой день до трехсотъ лицъ, между которыми видимъ мужа и деверя графини Екатерины Ивановны, письменно заявили варховникамъ, что не одобряютъ и не раздѣляютъ ихъ олигархическихъ покушеній.

Въ тоже время императрица, сопровождаемая депутатами, приблизилась къ Москвѣ и, 9 февраля, прибыла въ село Всесвятское. Верховники тотчасъ же поѣхали къ ней на поклонъ, а свекоръ графини повезъ императрицѣ знаки Андреевскаго ордена. Старшій изъ депутатовъ, князь Василій Лукичъ Долгорукій, не отходилъ отъ императрицы, почти ни кого не допускалъ къ ней, «остро наблюдалъ» каждаго являвшагося предъ ея величествомъ. То есть князья Долгорукіе намѣревались точно такъ же опекать императрицу, искушенную опытомъ жизни, какъ, бывало, дѣлали они это съ отрокомъ-императоромъ.

Но значенію этихъ любимцевъ Петра II, по крайней мѣрѣ, въ эпоху Анны Ивановны, предстоялъ близкій конецъ. При въѣздѣ императрицы въ Москву, старшіе Долгорукіе въ послѣдній разъ окружали карету императрицы, а бывшій фаворитъ, тогда влюбленный женихъ дочери фельдмаршала Шереметева, славной впослѣдствіи добродѣтелями и несчастіями Натальи

Борисовны ([1]), въ послѣдній разъ красовался на конѣ передъ Преображенскимъ полкомъ и, какъ бы предчувствуя уже горькую судьбу свою, грустно переглядывался съ невѣстою, сквозь слезы любовавшеюся имъ изъ окна.

Прошло десять дней.

Толпа нѣсколькихъ сотъ дворянъ, отхлынувъ съ двора князя Ивана Ѳедоровича Борятинскаго ([2]), направилась къ Кремлю, отслужила въ соборѣ молебенъ и предстала императрицѣ. Князья Трубецкой и Черкасскій, одинъ за другимъ, подали государынѣ двѣ челобитныя, громогласно, одна за другою, прочитанныя Татищевымъ и кн. Кантеміромъ. Императрица узнала, что «обѣщалась содержать» не желанія народныя, а волю верховниковъ. — «Такъ ты обманулъ меня, князь Василій Лукичъ?» сказала государыня растерявшемуся Долгорукому и, не дожидаясь отвѣта, разорвала въ клочки митавскія «кондиціи», съ уничтоженіемъ которыхъ окончилось и существованіе Верховнаго Тайнаго Совѣта.

Звѣзда Долгорукихъ, какъ нѣкогда Меншикова, закатилась. Остерманъ выздоровѣлъ. Императрица царствовала самодержавно.

Послѣднее обстоятельство, благопріятное для дальнѣйшей судьбы родственной императрицѣ графини Екатерины Ивановны, не могло радовать графиню, какъ бы слѣдовало. Прекрасная душа ея, именно въ тѣ самые дни, подавлялась однимъ господствующимъ чувствомъ—скорби. Отецъ графини, князь Иванъ Ѳедоровичъ Ромодановскій, давно уже недуговавшій, разнемогаясь болѣе и болѣе, не могъ даже побывать въ сенатѣ, куда только что назначила его императрица въ числѣ двадцати-одного человѣка, вмѣстѣ съ сватомъ канцлеромъ и зятемъ Михайломъ Гавриловичемъ.

([1]) О ней см. ниже, въ одномъ изъ примѣчаній.

([2]) Домъ кн. Ив. Ѳед. Борятинскаго стоялъ на мѣстѣ нынѣшняго стараго университета, въ Москвѣ.

Званіе статсъ-дамы, полученное графиней Екатериной Ивановной, и чинъ тайнаго совѣтника, пожалованный ея мужу (1), не произвели никакого впечатлѣнія на нѣжную дочь, потому что почти совпали съ кончиною ея отца.

Вотъ какъ объ этой кончинѣ извѣщали своихъ читателей современныя ей «С.-Петербургскія Вѣдомости»:

Изъ Москвы, отъ 16 марта 1730 г.

«Вчерашняго дня умеръ здѣсь немоществуя 9 дней дѣйствительный тайный совѣтникъ и сенаторъ такожде и кавалеръ ордена святаго апостола Андрея Первозваннаго, князь Иванъ Ѳедоровичъ Ромодановскій, въ котораго оставшемся движимомъ и недвижимомъ имѣніи наслѣдовалъ и сей фамиліи прозваніе принялъ нынѣшній сенаторъ и кавалеръ ордена святаго Александра Невскаго графъ Михайло Гавриловичъ Головкинъ, яко супругъ единой оставшейся дочери послѣ сего умершаго князя Ромодановскаго, который послѣднимъ мужескаго пола изъ древней сей фамиліи Ромодановскихъ былъ» (2).

И, черезъ 10 дней послѣ того, тѣ же «Вѣдомости» сообщали тѣмъ же читателямъ слѣдующее:

Изъ С.-Петербурга 26 дня, марта 1730 г.

«По силѣ полученныхъ изъ Москвы писемъ погребено тамъ тѣло, упомянутаго въ прошедшихъ вѣдомостяхъ, умершаго князя Ивана Ѳедоровича Ромодановскаго 19 дня марта съ преславною процессіею въ монастырѣ святаго Георгія при его предкахъ: на котораго мѣсто въ правительствующемъ сенатѣ отъ ея императорскаго величества г. генералъ-маіоръ Таракановъ всемилостивѣйше пожалованъ.»

Итакъ, не стало *послѣдняго* князя Ромодановскаго. Тяжело

---

(1) Екатерина Ивановна сдѣлана статсъ-дамою въ мартѣ, а Мих. Гавр. тайнымъ совѣтникомъ — 2 апрѣля 1730 года.

(2) Ни изъ чего, однакожъ, не видно, чтобы Мих. Гавр. когда нибудь назывался княземъ Ромодановскимъ.

легла эта *первая* потеря на любящее сердце его единственной дочери.

Подкрѣпляя утѣшеніями овдовѣвшую княгиню, пораженную горемъ до ослабленія всѣхъ силъ, молодая графиня, глубоко страдавшая, сама приникала къ родимой груди таить вырывавшіяся слезы. И мать съ дочерью, теперь почти неразлучныя, врачевали слезами и молитвою свѣжую рану сердца или въ Георгіевскомъ монастырѣ, у свѣжей могилы князя, еще не задѣланной плитами, или — въ уединенномъ теремѣ родовыхъ палатъ его, съ давнихъ поръ обитаемомъ княгинею.

Самыя палаты усопшаго князя, извѣстныя каждому москвичу, захватывавшія подъ свои службы добрую долю нынѣшней Моховой, видныя и отъ Каменнаго моста, какъ-то грустно глядѣли теперь изъ-за своей желѣзной росписной рѣшетки, какъ-то неохотно выказывали на своихъ воротныхъ столбахъ лѣпной щитъ, въ коронѣ и мантіи, съ чернымъ дракономъ въ золотомъ полѣ—гербъ князей Стародубскихъ. Каждый покой, подъ крѣпкими сводами отчихъ палатъ, былъ теперь для разстроенной души графини Екатерины Ивановны живымъ воспоминаніемъ чего нибудь былаго, вызывавшимъ невольную слезу. И графиня въ первое время по кончинѣ отца, не могла равнодушно посѣщать дома, гдѣ дожилъ онъ послѣдніе дни. Такъ, когда случалось графинѣ проходить мимо огромной столовой, съ ея высокими сводами, облокоченными на толстый каменный столбъ, уставленный сверху донизу золотыми и серебряными чашами, чарами, ковшами, кубками, съ ея высокими мелко переплетенными окнами, занавѣси которыхъ вездѣ поддерживались тремя свиными клыками, съ ея ружьями и пищалями въ серебряной оправѣ, развѣшанными на медвѣжьихъ и волчьихъ шкурахъ по стѣнамъ, рядомъ съ кривыми турецкими саблями въ богатыхъ ножнахъ, отдѣланныхъ узорочною чернью, охотничьими ножами, рожками, донскими нагайками, кинжалами, съ рукоятями въ жемчугахъ, и торчавшими кое-гдѣ вѣтвистыми оленьими ро-

гами,—графинѣ воображались дѣдовскіе и отцовскіе пиры, почтенные присутствіемъ царей, и ей становилось грустно. Въ сводчатой гостиной, мрачной отъ множества священныхъ изображеній альфреско, покрывавшихъ стѣны и потолокъ, графиня почему-то непремѣнно представляла себѣ старую царицу-тетку, серьезно бесѣдовавшею съ своимъ почтительнымъ зятемъ, отцомъ графини Екатерины Ивановны, и задумывалась сама, то на тяжеломъ канапе, то на одномъ изъ стульевъ съ вызолоченными ножками и спинками, обитыхъ алымъ сукномъ и тѣснымъ рядомъ приставленныхъ къ стѣнамъ. Въ комнату же, замѣнявшую отцу кабинетъ и украшенную висѣвшими на стѣнахъ царскими портретами, современными грозному дѣду графини Екатерины Ивановны, князю Θедору Юрьевичу Ромодановскому, графиня долго не могла входить безъ слезъ. Здѣсь на каждомъ шагу представлялись ей предметы, чаще другихъ служившіе покойному князю. Вотъ та просторная лежанка, на которой любили отдыхать послѣ обѣда и князь Θедоръ Юрьевичъ, и князь Иванъ Θедоровичъ; вотъ письменный столъ и на немъ, вмѣсто нынѣшнихъ чернилицъ, узенькій жестяной футляръ съ письменными принадлежностями, вещи точно также наслѣдованныя Иваномъ Θедоровичемъ отъ Θедора Юрьевича; вотъ и полка надъ столомъ съ кучею запыленныхъ столбцовъ и десяткомъ книгъ въ черныхъ кожаныхъ переплетахъ съ мѣдными застежками: это — Библія, писанія святыхъ отцовъ, Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, регламенты Петра Великаго, остатки разрядовъ, уцѣлѣвшихъ отъ сожженія въ 1682 году, нѣсколько наказныхъ памятей, рядныхъ записей, — словомъ все, что составляло, дополняло и оканчивало умственную дѣятельность почтенныхъ дѣда и родителя графини Екатерины Ивановны. Въ опочивальню же, гдѣ скончался князь Иванъ Θедоровичъ, такъ же, какъ въ домовую церковь, гдѣ стояло тѣло его, мать и дочь приходили только за тѣмъ, чтобы помолиться о дорогомъ усопшемъ.

Но, при всемъ уваженіи къ дочернимъ чувствамъ графини Екатерины Ивановны, нельзя не согласиться, что ея отецъ, послѣдній князь Ромодановскій, пересталъ существовать какъ нельзя болѣе вовремя. Во первыхъ, не прошло мѣсяца со дня кончины князя, какъ послѣдовалъ высочайшій указъ, воспрещавшій охоту за какими бы то ни было звѣрями, кромѣ волковъ и медвѣдей, на разстояніи 20 верстъ отъ Москвы во всѣ стороны (1); а покойный князь Иванъ Ѳедоровичъ страстно любилъ травить зайцевъ и предпочиталъ это невинное удовольствіе всѣмъ остальнымъ охотничьимъ вкусамъ. Во вторыхъ, отцу графини, родовитому и престарѣлому вельможѣ, трудно было бы подлаживаться и угождать иноземцу, далеко не имѣвшему ни достоинствъ князя Меншикова, ни заслугъ князей Долгорукихъ, но обѣщавшему значить несравненно болѣе, чѣмъ значили тотъ и другіе; а такою именно личностію, вскорѣ по кончинѣ князя, являлся недоучившійся нѣкогда кенигсберскій студентъ, а теперь первое довѣренное лицо императрицы, Эрнстъ Іоганнъ Биренъ.

И въ то самое время, когда Москва дожидалась новой коронаціи, а графъ Михаилъ Гавриловичъ, утѣшая жену, переселялъ на Никитскую безутѣшную тещу и вступалъ въ непосредственное владѣніе огромнымъ достояніемъ князя Ромодановскаго, Эрнстъ-Іоганнъ Биренъ собирался испробовать силы свои — на Долгорукихъ.

Биренъ зналъ, что именно Долгорукіе не желали видѣть его въ Россіи, не могъ простить такого оскорбленія и злобствовалъ на виновниковъ послѣдняго. Удаленные сначала, одни на житье въ свои деревни, другіе на воеводства въ дальніе города, Долгорукіе не успѣли еще достигнуть новыхъ назначеній, какъ на нихъ обрушилась новая гроза. Отецъ временщика сосланъ въ Березовъ, такъ же, какъ и сынъ его, бывшій оберъ-каммергеръ,

(1) Указъ 2 апрѣля 1730 года.

только что женившійся на достойной Натальѣ Борисовнѣ Шереметевой, которая «положила свое намѣреніе, отдавъ одному сердце, жить или умереть вмѣстѣ» (¹). Князь Василій Лукичъ, бывшій депутатъ, заточенъ въ Соловецкій монастырь; князь Василій Владиміровичъ, фельдмаршалъ — въ Иванъ-Городскую крѣпость. Братья и родственники ихъ разсажены по острогамъ; сестры и родственницы пострижены. Всѣ они лишены чиновъ, орденовъ, имѣній. Меншиковъ, уже покойный, былъ до того отмщенъ, что дѣти его, тогда же вызванные изъ ссылки, подарили избу и всѣ запасы свои Долгорукимъ, въ томъ же Березовѣ встрѣтившимъ узниковъ.

Между тѣмъ, опять, какъ за два года до того, грянула съ Кремля вѣстовая пушка, опять загрохотала по городу пальба, возвѣщая Москвѣ коронацію, тѣмъ же самымъ порядкомъ двинулся подъ колокольнымъ гуломъ торжественный ходъ изъ дворца, точно также зѣвалъ и любопытствовалъ народъ и такъ же, какъ прежде, явилась въ Успенскій соборъ графиня Екатерина Ивановна, такъ же, какъ за два года до того, блисталъ передъ ея глазами царскій вѣнецъ съ неоцѣненнымъ лалломъ.

Но графиня, вмѣстѣ со всѣми мыслившими современниками, очень хорошо понимала, что въ эти *два года* и она, и Россія пережили цѣлую *эпоху*, поглотившую цѣлое поколѣніе. Гробница отрока — императора и гробница юной царевны, его сестры, могила одной царской невѣсты и ссылка другой, судьба Меншикова и судьба Долгорукихъ—доказывали это какъ нельзя краснорѣчивѣе.

И, конечно, такіе частые примѣры поразительныхъ капризовъ судьбы не могли не настроивать тоновъ впечатлительной души Екатерины Ивановны на грустный ладъ, звучавшій недовѣріемъ къ земнымъ величіямъ, готовый перейдти въ совершенное къ нимъ равнодушіе.

(¹) Записки княгини Наталіи Борисовны Долгоруковой, помѣщенныя въ «Сказаніяхъ о родѣ». См. стр. 135.

Коронація императрицы Анны Ивановны торжествовалась семь дней «*со всякіми радостными забавы зело преславно*» (¹). Графиня Екатерина Ивановна, по званію статсъ-дамы, участвовала во всѣхъ выходахъ, присутствовала на аудіенціяхъ, обѣдахъ и балахъ, почти ежедневно любовалась народными праздниками передъ дворцомъ, изъ оконъ котораго императрица пригоршнями «метала» золотые и серебряные жетоны въ толпу, тѣснившуюся къ быкамъ и фонтанамъ. Въ теченіи тѣхъ же семи дней, графиня Екатерина Ивановна церемоніально ѣхала въ одной каретѣ съ женою Бирона отъ Кремля до Головинскаго дворца, гдѣ золовка графини, Ягужинская, первая танцорка того времени, открывала балъ съ австрійскимъ посланникомъ графомъ Вратиславомъ; графиня смотрѣла, какъ ходилъ и танцовалъ персіянинъ на канатѣ, протянутомъ отъ Краснаго крыльца къ верху Ивановской колокольни; видѣла нѣсколько иллюминацій и фейерверковъ; наконецъ, поздравила своего деверя, графа Ивана Гавриловича Головкина, съ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и сама получила одну изъ золотыхъ медалей, въ 12 червонцевъ, выбитыхъ въ воспоминаніе коронаціоннаго торжества.

Время было весеннее, и май разливалъ въ воздухѣ свою обычную нѣгу. Императрица, утомленная непривычною ей представительностію, желала отдохнуть и провести лѣто гдѣ нибудь за городомъ. Выборъ ея величества палъ на Измайлово, уже знакомое намъ и дорогое государынѣ по воспоминаніямъ. Туда устремилось все,—и древняя отчина Романовыхъ, утѣха царей Алексѣя и Ѳедора, забытая дворомъ со времени кончины царя Ивана Алексѣевича, запущенная и заброшенная во дни

(¹) См. въ каммеръ-фурьерскихъ журналахъ «Описаніе коронаціи Ея Величества императрицы и самодержицы всероссійской Анны Іоанновны, торжественно отправленной въ царствующемъ градѣ Москвѣ, 28 апрѣля 1730 года.

уединявшейся тутъ съ дочерьми вдовствующей царицы Прасковьи, радостно воспрянула изъ сорокалѣтняго уничиженія. Маститыя хоромы Измайлова снова наполнились толпою; эхо тѣнистыхъ рощъ его радостно отозвалось на людской говоръ и конскій топотъ, давно тутъ не слышанные; окрестныя поляны забѣлѣли шатрами невиданнаго здѣсь гвардейскаго лагеря; въ тинистыхъ прудахъ проснулись щуки съ золотыми сережками, живою памятью давно отжившихъ царевенъ (1).

Графиня Екатерина Ивановна послѣдовала за дворомъ. Личныя воспоминанія графини, не восходя къ временамъ царя Ивана, ограничивались именно тою эпохой Измайлова, когда тутъ доживала свой вѣкъ тетка ея, вдовствующая царица, старая и болѣзненная, то есть, когда Измайлово чрезвычайно походило на монастырь. И въ этомъ-то монастырѣ графиня увидѣла теперь не сгорбленную старушку въ креслахъ на колесцахъ, а величавую императрицу, самодержавно повелѣвавшую милліонами; встрѣчала не засаленнаго бандуриста, не жалкую дуру, а блиставшихъ роскошью царедворцевъ вѣнценосной Анны и сановитыхъ представителей всѣхъ европейскихъ дворовъ.

Такой контрастъ, разумѣется, не прошелъ мимо графини, не оставивъ въ ея душѣ особаго впечатлѣнія. Но цѣлый рядъ впечатлѣній, исключительно потрясающихъ, уже былъ готовъ производить свое дѣйствіе не только на графиню, но и на всѣхъ ея соотечественниковъ. За это брался Биренъ.

Гордый, невѣжественный и злобный Биренъ, къ несчастію, былъ довѣреннѣйшимъ лицомъ государыни, волею которой коварно и дерзко игралъ онъ, окружая престолъ плотною стѣною своихъ сторонниковъ, такихъ же, какъ онъ, пришлецовъ. Ле-

---

(1) «Отечественныя достопамятности», изд. 1823 г., ч. IV, стр. 140. Въ IX ч. «Отеч. Зап.» 1822 года, на стр. 8 сказано, что еще незадолго до 1812 года, когда спущенъ былъ послѣдній изъ измайловскихъ прудовъ, *Серебровъ*, въ немъ попадались огромныя щуки съ золотыми сережками царевенъ.

венвольды, Менгдены, Кейзерлинги и другіе безчисленные курляндцы, перемѣшанные съ остзейцами, водворились тогда въ Россіи, овладѣли лучшими мѣстами и должностями, наводнили всѣ управленія. Остерманъ, удивительно понимавшій, откуда и куда дуетъ вѣтеръ, замѣшался въ эту толпу, подружился со всѣми, безъ исключенія, искалъ въ самомъ Биренѣ. Князь Черкасскій, нѣкогда предводившій недовольными, былъ теперь очень доволенъ: Биренъ ласкалъ его. Конфискаціи производились тщательно; розыски чинились неутомимо. Отдаленнѣйшіе края Россіи съ ужасомъ узнавали имя Бирена, слишкомъ извѣстное пока однимъ Долгорукимъ.

До выѣзда изъ Измайлова, гдѣ императрицу засталъ октябрь, графиня Екатерина Ивановна, вмѣстѣ со всѣмъ придворнымъ обществомъ, участвовала въ гуляньяхъ, посѣщеніяхъ лагерныхъ смотровъ, троицкомъ богомольѣ; вмѣстѣ съ баронессою Остерманъ, золовкою Ягужинскою, княгиней Черкасскою, генеральшами Чернышевой, Лопухиной, Салтыковой и женою Бирена, отправляла при особѣ императрицы службу статсъ-дамы, при чемъ состояла подъ дирекціею оберъ-гофмейстерины, кн. Голицыной; а вмѣстѣ съ самою императрицею, царевною Екатериной и другими близкими утѣшала царевну Прасковью, только что овдовѣвшую (¹). Что касается супруга графини, то онъ, въ теченіе всего лѣта, ежесубботно взбирался на колокольню Измайловскаго Покровскаго собора — присутствовать въ Сенатѣ, имѣвшемъ, на то время, свои засѣданія въ той самой

(¹) Супругъ царевны, Ив. Ильичъ Дмитріевъ-Мамоновъ, только что произведенный въ генералъ-аншефы и достигнувшій лучшей поры своего значенія, ѣхалъ, 24 мая, подлѣ кареты императрицы, церемоніально слѣдовавшей со всѣмъ дворомъ въ Измайлово, и, пораженный апоплексическимъ ударомъ, внезапно палъ мертвымъ, къ ужасу государыни и всѣхъ ее окружавшихъ. «Записки дюка Лирійскаго», изд. въ 1854 году Языковымъ, стр. 102.

*

«*шатровой башнѣ*», гдѣ нѣкогда, при царяхъ, судила и рядила Царская Дума (1).

Съ переселеніемъ двора въ Москву, графиня Екатерина Ивановна, болѣе, чѣмъ когда нибудь, зажила придворною оффиціальною жизнью. Статсъ-дама и двоюродная сестра императрицы, графиня пользовалась особеннымъ благоволеніемъ ея величества, распространяла его на графа Михаила Гавриловича, и мужъ съ женою были всегда, вездѣ и у всѣхъ весьма на виду. Огромное состояніе и родственныя связи съ значительнѣйшими домами въ государствѣ еще болѣе увеличивали кредитъ супруговъ Головкиныхъ. Едва минулъ годъ со времени воцаренія Анны Ивановны, а графъ Михаилъ Гавриловичъ былъ уже андреевскимъ кавалеромъ и, оставаясь сенаторомъ, носилъ званіе директора Монетной канцеляріи, вѣдалъ всѣ денежные дворы въ государствѣ. Съ свойствами менѣе благородными, съ сердцемъ болѣе жесткимъ и страстями сильнѣе развитыми, мужъ графини Екатерины Ивановны, благодаря именитости жены, имѣлъ бы всѣ способы показать себя и современникамъ и потомству въ томъ самомъ свѣтѣ, какимъ озаряются всѣ временщики. Но, человѣкъ ума необширнаго, хотя нѣсколько и образованнаго, графъ Михаилъ Гавриловичъ, по возможности, уклонялся отъ первостепенныхъ ролей, не дорожилъ окружавшимъ его почетомъ, предпочиталъ всему семейный бытъ въ спокойствіи частной жизни и, оставаясь добрякомъ по преимуществу, питалъ въ кроткой душѣ своей непріязнь къ одному только Бирену. Екатерина Ивановна, раздѣлявшая вкусы и чувства любимаго мужа, такъ же, какъ онъ, конечно, не могла располагаться къ человѣку съ характеромъ и свойствами Бирена. Временщикъ, разумѣется, понималъ истинныя чувства къ нему графа и гра-

---

(1) «Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества», изд. Мартыновымъ, ч. IV, стр. 115. Тутъ же помѣщено преданіе о томъ, что въ этой шатровой башнѣ царь Алексѣй Михайловичъ писалъ свое знаменитое «Уложеніе».

фини, но понималъ и то, какъ близки Головкины с императрицею. И всѣ отношенія Бирена къ Головкинымъ ограничивались разсчитанною почтительностію къ графинѣ и вынужденною благосклонностію къ графу. Сторонники же Бирена, невнушавшіе графу Михаилу Гавриловичу большаго сочувствія уже по одному тому, что имѣли несчастіе быть иностранцами, не обѣгали дома Головкиныхъ, а напротивъ, для собственныхъ выгодъ, старались найти расположеніе графа и были всегда готовы къ услугамъ графини.

Принадлежа къ избранному кружку императрицы, вообще не любившей уединенія, графъ и графиня Головкины безпрестанно бывали во дворцѣ, то у Высочайшаго стола, оканчивавшагося не позже 12 часовъ дня, то послѣ обѣда, когда ея величество сидѣла за картами или смотрѣла на шутовъ и дураковъ— удовольствіе, общее тому времени. Если же при дворѣ случался одинъ изъ частыхъ праздниковъ или съѣздовъ, супруги тѣмъ необходимѣе обязывались присутствовать тутъ же, при чемъ нарядъ графини долженъ былъ непремѣнно блистать новизною и изысканностію, а кафтанъ графа, отнюдь не темныхъ цвѣтовъ—богатствомъ и вычурностію золотаго шитья. И то и другое поставлялось непремѣннымъ условіемъ придворнаго быта и требовалось самою императрицею, которая, въ подобныхъ случаяхъ, блескомъ своего двора старалась ослѣпить иностранныхъ министровъ и, окруженная разодѣтою свитой, думала щеголять передъ заморскими европейцами роскошью своихъ подданныхъ.

Подобное стремленіе выражалось особенно во время пребыванія въ Москвѣ португальскаго инфанта Эммануила, пріѣзжавшаго съ предложеніемъ собственной руки ея величеству императрицѣ и отъѣхавшаго ни съ чѣмъ.

Такъ прошли два первые года царствованія Анны Ивановны. Разница между этими двумя годами для графини Екатерины Ивановны была одна: лѣто 1731 года она прожила съ императрицею не въ Измайловѣ, а въ Анненгофѣ, мѣсто кото-

раго занято теперь зданіемъ перваго Московскаго кадетскаго корпуса.

Въ эти же два года графиня Екатерина Ивановна имѣла удовольствіе видѣть красивый строй новаго гвардейскаго полка, Измайловскаго, воспользовалась случаемъ познакомиться вблизи съ китайцами, посольство которыхъ *впервые* торжественно принималось въ Москвѣ, и, вмѣстѣ съ императрицею, оплакала смерть роднаго дяди ея величества и своего, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Салтыкова, а потомъ—царевны Прасковьи Ивановны, вдовѣвшей недолго и скончавшейся чрезъ шесть недѣль по погребеніи царицы Евдокіи Ѳедоровны, которая, напротивъ, слишкомъ пережила всѣ свои несчастія (¹).

Наконецъ, даровавъ государству новое учрежденіе—*Кабинетъ* (²), въ которомъ, со старикомъ канцлеромъ Головкинымъ, засѣли Остерманъ и князь Черкасскій, Анна Ивановна навсегда оставила Москву. Графъ и графиня Головкины отправились за императрицею въ Петербургъ и, въ январѣ 1732 г., видѣли торжественный въѣздъ въ эту столицу Анны Ивановны, предшествуемой верховыми гренадерами «въ тупоносыхъ сапогахъ съ раструбами» (³) и слѣдовавшей между рядами напудренной гвардіи, стоявшей въ улицахъ.

Занявъ въ Петербургѣ домъ графа Апраксина, со всѣми уборами завѣщанный покойнымъ адмираломъ императору Петру II, Анна Ивановна распространила его и сдѣлала «домомъ преогромнаго строенія и богатаго убранства» (⁴), иначе — сво-

(¹) Царица Евдокія скончалась 29 августа, а царевна Прасковья 19 октября 1731 года. Дядя послѣдней, кравчій и дѣйств. тайн. сов., гр. Вас. Ѳед. Салтыковъ, ум. 5 окт. 1730 года.

(²) Указъ о бытіи Кабинета послѣдовалъ 10 ноября 1731 г.

(³) Изъ дѣлъ архива л.-гв. Измайловскаго полка. См. приказъ по полку 15 января, въ приказномъ журналѣ 1732 года. Солдатамъ, бывшимъ въ строю, дано каждому по три чарки водки.

(⁴) «Историческое, географическое и топографическое описаніе С.-Петербурга, отъ начала заведенія его, съ 1703, по 1751 годъ», соч. Богдановымъ, изд. въ 1779 г. Рубаномъ.

нимъ дворцомъ, а прежній, гдѣ скончались Петръ и Екатерина ([1]), предоставила помѣщенію придворныхъ музыкантовъ. Въ одномъ зданіи съ императрицею отведены аппартаменты и Бирену съ его семьей.

Съ переселеніемъ изъ Москвы въ Петербургъ, жизнь графини оставалась той же придворной жизнью, хотя обстановка ея и измѣнилась нѣсколько. Такъ, напримѣръ, весьма нерѣдко приходилось графинѣ исполнять обязанности статсъ-дамы въ манежѣ, гдѣ императрица, любившая лошадей и верховую ѣзду, проводила цѣлыя утра. Раза по четыре въ недѣлю, въ послѣобѣденное время, графиня являлась въ придворный театръ— или смотрѣть «Перелазы черезъ заборъ», «Переодѣвки арлекиновы», «Напасти Панталоновы» ([2]) и другія комедіи и интермедіи, разыгрываемыя выписной изъ Дрездена труппою, или, можетъ быть, на ряду съ другой знатью, лично подвизаться въ мольеровомъ «Лекарѣ по неволѣ» и русскомъ фарсѣ «О Ягѣ бабѣ». Къ обществу, составлявшему въ Москвѣ почти ежедневный кругъ графини, присоединились въ Петербургѣ новыя лица, напримѣръ, *Минихъ*, возведенный Петромъ II въ графы и только что пожалованный императрицею въ фельдмаршалы, на мѣсто умершаго Голицына, нѣмецъ честолюбивый, угождавшій Бирену, но втайнѣ завидовавшій временщику до ненависти; *Волынскій*, извѣстный потомству страшной своей участію, а тогда царедворецъ, всѣми силами старавшійся выбиться вверхъ ипотому разстилавшійся передъ Бирономъ; *Иванъ Михайловичъ Головинъ*, сподвижникъ Петра, адмиралъ маститый, пользовавшійся особеннымъ благоволеніемъ императрицы; графъ Николай Өедоровичъ Головинъ, сынъ перваго андреевскаго кавалера и перваго русскаго графа, только что вернувшійся изъ Швеціи, и другіе.

([1]) Нынѣшній Эрмитажъ.

([2]) Первыя двѣ комедіи напечатаны въ 1733 г., а послѣдняя — въ 1734 и всѣ три въ С.-Петербургѣ. См. «Опытъ Россійской Библіографіи», В. Сопикова.

Вмѣстѣ со всею этой компаніей, графиня Екатерина Ивановна, вскорѣ по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, присутствовала на замѣчательной свадьбѣ, торжественно отпразднованной дворомъ: молодая дочь Меншикова, нѣкогда украшенная екатерининской лентой, невѣста наслѣднаго принца ангальтъ-дессаускаго, а потомъ ссыльная, только что пріѣхавшая теперь изъ Березова, выходила за измайловскаго майора Густава Бирена, роднаго брата временщика. Но ни серебряное глазетовое платье невѣсты, ни сіяніе въ ея уборѣ собственныхъ алмазовъ императрицы, обыкновенно выдававшихся фрейлинамъ ея величества на время свадебнаго вечера (1) не могли закрыть отъ графини настоящаго положенія дѣла. Зная, что импровизированный женихъ сироты-княжны, человѣкъ хотя честный, но грубый и необразованный, далеко не стоилъ своей невѣсты, графиня съ горестію смотрѣла на дочь бывшаго генералиссимуса, вообще не поисканную счастіемъ.

Въ іюнѣ дворъ переѣхалъ въ Петергофъ, пробылъ тамъ все лѣто и, возвратясь, осенью, въ столицу, занялся обычными праздниками, фейерверками, иллюминаціями и т. д. Во всемъ этомъ графиня Екатерина Ивановна принимала непосредственное участіе, и все это начинало надоѣдать ей. Графинѣ было уже тридцать лѣтъ. Душа графини не принадлежала къ такимъ, которыя удобно наполняются суетою и не требуютъ ничего болѣе. Серьезная и размышляющая, графиня хотѣла другой жизни, болѣе уединенной. Къ тому же, Екатеринѣ Ивановнѣ, по неволѣ присутствовавшей на какомъ нибудь блистательномъ праздникѣ, вдругъ и нерѣдко вспадали на мысль сцены, которыя происходили тогда въ Тайной Канцеляріи. И, при такихъ воспоминаніяхъ, любящее и сострадательное сердце доброй графини надрывалось, расположеніе духа ея становилось далеко не праздничнымъ, несмотря на то, что графиня жила въ эпоху, когда

---

(1) Записки Миниха-сына, изд 1809 года.

и пытки, и казни были дѣломъ весьма обыкновеннымъ. Съ другой стороны, личности, мелькавшія при дворѣ, къ которому Екатерина Ивановна давно уже пригляделась, одна менѣе другой возбуждали сочувствіе и одна передъ другою хлопотали только о томъ, чтобы уничтожить одна другую. Левенвольдъ, Минихъ, Остерманъ и имъ подобные вырывали другъ у друга расположеніе государыни, взапуски гоняясь за расположеніемъ Бирена.

Что касается Михаила Гавриловича, онъ тоже охалъ и кряхтѣлъ отъ труда придворнаго, гораздо охотнѣе соглашаясь шествовать въ какомъ нибудь крестномъ ходѣ (¹) или сидѣть въ сенатѣ, нежели рисоваться во дворцѣ и видѣть почтеніе къ его особѣ людей — менѣе, чѣмъ онъ, почитаемыхъ. Не находя въ этой жизни удовольствія, графъ, кромѣ того, всегда испытывалъ во дворцѣ положительную непріятность безпрерывныхъ встрѣчъ съ физіономіею временщика, непремѣнно недовольною. Биренъ дулся на всѣхъ Головкиныхъ за родича ихъ, Ягужинскаго, на котораго, послѣ ссоры съ нимъ (²), онъ сильно разсердился. Императрица вскорѣ затѣмъ отправила Ягужинскаго посланникомъ въ Берлинъ (³).

Стало быть, и графиня и мужъ ея были вовсе не прочь поотдалиться, на сколько возможно, отъ двора и пожить съ пользою для себя или, по крайней мѣрѣ, для другихъ.

Такая возможность была недалеко. Съ осени 1733 года, супруги Головкины, втеченіе четырехъ мѣсяцевъ, потеряли трехъ близкихъ родныхъ. Въ октябрѣ скончалась царевна Екатерина Ивановна, оставя дочь, пятнадцатилѣтнюю Анну Леополь-

---

(¹) Указомъ 17 марта 1730 года повелѣвалось въ каждомъ крестномъ ходѣ быть непремѣнно одному сенатору и двумъ представителямъ каждаго чина.

(²) Ссора произошла въ ноябрѣ 1731 года.

( ) Словарь Бант.-Каменскаго, ч. VIII, стр. 573.

довну ([1]), только что принявшую православіе; въ январѣ умеръ отъ удара гр. Иванъ Гавриловичъ Головкинъ, а нѣсколько дней спустя не стало и семидесятичетырехлѣтняго канцлера, давно уже хилѣвшаго. Графъ Михаилъ Гавриловичъ, сопутствуемый женою, повезъ останки родителя своего въ Серпуховъ, гдѣ и предалъ ихъ землѣ, въ тамошнемъ Высоцкомъ монастырѣ, родовой усыпальницѣ Головкиныхъ. Дѣятельный сподвижникъ Петра, нѣкогда «*бѣдной алексинской помѣщикъ*» ([2]), а потомъ владѣлецъ двадцати тысячъ душъ крестьянъ, гр. Гавріилъ Ивановичъ оставлялъ на своей доброй памяти только одну тѣнь: лицепріятный судъ надъ Кочубеемъ и Искрою ([3]).

Смерть отца положила рѣзкую мѣтку на служебной—и особенно придворной—дѣятельности сына. Графъ Михаилъ Гавриловичъ, по всей вѣроятности, понукаемый графомъ Гавриломъ Ивановичемъ къ игранію роли и, конечно, уступавшій желаніямъ родителя, съ кончиною послѣдняго, удалился отъ всѣхъ дворскихъ интригъ, не интересовался ничѣмъ подобнымъ, не принадлежалъ ни къ какой партіи, не искалъ никакихъ почестей. Но такъ какъ мало энергическій Михаилъ Гавриловичъ обладалъ одною изъ тѣхъ натуръ, которыя безъ особаго труда от даются въ постороннее обладаніе, то, быть можетъ, въ посте пенномъ настроеніи его къ понятіямъ и вкусамъ, ему усвоив

([1]) Всѣ вообще иностранные писатели называютъ Анну Леопольдовну Анною *Карловною*, по отцу ея Карлу-Леопольду, герцогу Мекленбургскому. Она родилась въ 1718 году, въ г. Ростокѣ.

([2]) Такъ названъ Гавріилъ Ивановичъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ майора Петра Калачева, хранящемся въ Госуд. архивѣ Министерства Иностр. Дѣлъ. См. «Царствованіе Петра II», стр. 119 и примѣч. 49.

([3]) «Еслибъ *не нами* чиненъ былъ сей розыскъ — писалъ Головкинъ къ Мазепѣ — *никто* такъ дерзновенно и отважно не поступилъ бы; ибо мы приложили неусыпные труды изслѣдовать то зло *безъ дальнихъ околичностей, огласки и иныхъ слѣдованій...*» А Мазепа отвѣчалъ канцлеру увѣреніями въ *благодарности* и обѣщалъ «всяческіе труды и попеченія его *награждать*». См. III ч. «Исторіи Малой Россіи», Бантыша-Каменскаго, изд 1842 г., стр. 70 и пр. 110.

шимся, принимала немалое участіе и жена его, гр. Екатерина Ивановна. Прекрасныя свойства и скромные вкусы графини, конечно, напечатлѣвались въ доброй душѣ ея мужа, имѣвшаго, въ свою очередь, много достоинствъ. А десятилѣтняго супружества, да еще счастливаго, весьма достаточно для того, чтобы вліяніе одного изъ супруговъ, сильнѣйшаго характеромъ, нечувствительно сдѣлалось преобладающимъ въ семейномъ быту обоихъ. Характеръ графини Екатерины Ивановны окрѣпнулъ давно, мы это видѣли; но не видимъ того же въ графѣ Михайлѣ Гавриловичѣ, жизнь котораго шла всегда, какъ по маслу, не представляя ни чувствамъ, ни волѣ его никакихъ особыхъ искусовъ, исключительно закаляющихъ характеръ. По всему этому, мы не думаемъ погрѣшить передъ сенаторомъ, директоромъ монетной канцеляріи и андреевскимъ кавалеромъ, оставляя за его женою начальную причину той спокойной и счастливой жизни, которая — увы, не надолго—предстояла теперь обоимъ супругамъ.

Возвратясь изъ Серпухова, графъ и графиня Головкины, подъ предлогомъ траура, почти не показывались при дворѣ. Кстати же, императрица имѣла слабость, общую многимъ, бояться всякаго намека на смерть. Освобожденные временно отъ исполненія придворныхъ обязанностей, супруги Головкины спокойно отдыхали въ домѣ своемъ на Васильевскомъ островѣ, слѣдя съ участіемъ за дѣйствіями генерала Ласси, осаждавшаго тогда въ Данцигѣ польскаго короля Станислава Лещинскаго, или равнодушно слушая розсказни о кабинетской борьбѣ Бирена съ Минихомъ.

Вскорѣ затѣмъ и Минихъ, и Головкины, почти одновременно, выѣхали изъ Петербурга: фельдмаршалъ — въ лагерь подъ Данцигомъ, не дававшимся въ руки искусному, но осторожному Ласси, а супруги Головкины — въ Ропшу, давно ожидавшую своихъ хозяевъ.

Ропша, живописно раскинутая на двуярусной пологой вы-

сотѣ, оттѣненной густыми рощами, принадлежала во времена шведскаго владычества генералу Гастферу ([1]). Завоевавъ прибалтійскій край, Петръ замѣтилъ Ропшу, полюбилъ ее,—завелъ въ ней домикъ въ голландскомъ вкусѣ, съ такимъ же садомъ, пріѣзжалъ сюда отдохнуть за токарнымъ станкомъ, а потомъ подарилъ все помѣстье кн. Ивану Ѳедоровичу Ромодановскому, который присоединилъ къ дому Благовѣщенскую церковь и, выдавая замужъ дочь свою, добавилъ Ропшею и безъ того огромное приданое Екатерины Ивановны. Стало быть, все въ ропшинскомъ домѣ напоминало графинѣ или отца ея, или Петра, оставившаго здѣсь даже многія вещи собственноручнаго издѣлія. Къ послѣднимъ, напримѣръ, принадлежало огромное орѣховое трюмо, съ зеркаломъ, утвержденнымъ въ двухъ столбахъ, изображавшихъ два лавровыя дерева, съ величественнымъ орломъ на верху каждаго и развѣшенными по вѣтвямъ обоихъ лавровъ сумкою, колчаномъ, лукомъ и другими воинскими атрибутами. Все это было отдѣлано съ необыкновенной отчетливостію, каждая мелочь щеголяла мыслью и вкусомъ, а цѣлое — обличало глазъ и руку художника первокласснаго ([2]).

Но ропшинскій домъ, достаточно просторный для Петра и его современниковъ, казался тѣснымъ Михаилу Гавриловичу, сыну другой, новѣйшей эпохи, уже глубоко зараженной роскошью. И мужъ графини Екатерины Ивановны задумалъ планъ великолѣпнаго каменнаго дома. При средствахъ, какими обладали Головкины, задумать значило сдѣлать. И Ропша украсилась огромнымъ дворцомъ, тянувшимся на 40 саж. длины, съ залою въ 7 саж., освѣщенною сверху, и обширными погребами подъ всѣмъ зданіемъ. Между главнымъ корпусомъ и флигелями заключился просторный дворъ, украшавшій передній фасъ дома четырьмя купами бѣлыхъ елей, посаженныхъ въ четырехъ дерновыхъ квадратахъ и остриженныхъ пирамидально. Старый

([1]) «Отеч. Зап.» 1821 г. ч. V, стр. 125.

([2]) «Отеч. Зап.» 1823 г., ч. XIV, стр. 403 — 404.

голландскій садъ, зеленѣвшій передъ домомъ и современный Петру, переиначенъ на французскій ладъ и разбитъ звѣздообразными аллеями испанскихъ липъ.

Пока графъ углублялся въ соображенія по постройкѣ дома, а графиня хозяйничала и благотворила окрестнымъ чухнамъ, Минихъ не только взялъ Данцигъ,—откуда успѣлъ, однако же, убѣжать король Станиславъ Лещинскій, но полонилъ цѣлый отрядъ союзныхъ бѣглецу французовъ и прислалъ плѣнниковъ въ Петербургѣ.

Торжествованіе этой побѣды вызвало Головкиныхъ изъ сельскаго уединенія. И мужъ, и жена, явясь поздравить государыню, сопровождали ее въ Петропавловскій соборъ къ благодарственному молебствію, принимали участіе и въ патріотическомъ праздникѣ, мѣстомъ котораго императрица назначила Лѣтній садъ, — тогда еще наполненный вызолоченными металлическими статуями и многочисленными фонтанами, славный обширнымъ гротомъ, убраннымъ дорогими раковинами (¹).

Праздникъ, украшенный присутствіемъ начальника плѣнныхъ французовъ, гр. де-Ламотта, съ двѣнадцатью знатнѣйшими товарищами его несчастія, начался обѣдомъ. Столъ для императорской фамиліи былъ накрытъ въ самомъ гротѣ, а для трехсотъ присутствовавшихъ особъ—вдоль большой аллеи передъ гротомъ, осѣненной шатромъ изъ зеленой шелковой матеріи. Между пиластрами шатра, въ нишахъ, были устроены буфеты; оркестръ музыкантовъ помѣстился за изгородью. Послѣ стола, общество разсыпалось по аллеямъ и гуляло до вечера, съ наступленіемъ котораго весь садъ запылалъ огнями роскошной иллюминаціи и открылся балъ въ томъ же шатрѣ, гдѣ обѣдали. Графиня Екатерина Ивановна, какъ и всѣ придворныя дамы, была въ бѣломъ платьѣ изъ *накрахмаленнаго* газа, вышитомъ цвѣтами, на пунцовомъ или голубомъ чехлѣ; букеты

(¹) Гротъ былъ на томъ самомъ мѣстѣ Лѣтняго сада, гдѣ теперь устроенъ ресторанъ.

цвѣтовъ перемѣшивались съ напудренными волосами графини, нѣсколько подстриженными и завитыми въ большіе локоны ([1]).

Отпраздновавъ новую славу русскаго оружія, графъ и графиня Головкины оставались равнодушными свидѣтелями новой борьбы виновника этой славы, честолюбиваго Миниха, съ могущественнымъ Бирономъ и хитрымъ Остерманомъ, и напутствовали пожеланіями успѣховъ генерала Ласси, который, вслѣдствіе этой борьбы и вопреки кабинетскимъ мнѣніямъ Миниха, велъ русскіе полки на Рейнъ — биться съ французами за Австрію.

И снова посѣтило графиню Екатерину Ивановну тяжкое горе: въ августѣ 1735 г. окончилось земное существованіе ея матери, княгини Настасіи Ѳедоровны Ромодановской. Испытанная подобной же потерею пять лѣтъ тому назадъ, графиня съ бо́льшей твердостію переносила настоящую и, покорная судьбѣ, печально проводила дорогой ей прахъ въ Благовѣщенскую церковь Александро-Невской лавры, гдѣ давно уже покоилась сестра усопшей княгини, царица Прасковья Ѳедоровна, и не такъ давно нашла свою могилу царевна Екатерина Ивановна.

Уважая душевное состояніе своей горевавшей двоюродной сестры, императрица, въ первое время по кончинѣ княгини Ромодановской, родной тетки ея величества, не только не настаивала на частыхъ пріѣздахъ ко двору самой Екатерины Ивановны, но не требовала этого и отъ мужа ея, графа Михаила Гавриловича. Это временное послабленіе строгой къ придворному этикету императрицы мало по малу перешло для супруговъ Головкиныхъ въ постоянное. Анна Ивановна, въ самомъ дѣлѣ любившая графиню, быть можетъ, не желала стѣснять не безъизвѣстные ей вкусы двоюродной сестры, снисходя по тому же самому и къ Михаилу Гавриловичу, вполнѣ сочувствовавшему женѣ.

([1]) Письма леди Рондо, стр. 62 и дал.

Какъ бы то ни было, супруги Головкины чаще любовались изъ своего дома видомъ дворца, красовавшагося за Невою, нежели посѣщали этотъ дворецъ. Собственныхъ же посѣтителей у нашихъ супруговъ было довольно. Радушіе гостепріимнаго хозяина и привѣтливость любезной хозяйки, соединенныя съ огромными средствами къ жизни, были извѣстны всему Петербургу, и домъ Головкиныхъ съ утра до ночи кишилъ гостями.

Убранство этого дома, стоявшаго на мѣстѣ нынѣшней Академіи Художествъ ([1]) и крытаго тесомъ, удовлетворяло всѣмъ требованіямъ тогдашней роскоши. Въ окончинахъ, запаянныхъ свинцомъ, были вставлены дорогія бѣлыя стекла. На стѣнахъ многочисленнныхъ покоевъ, смотря по назначенію каждаго изъ нихъ, красовались штофные, гобеленевые, китайскіе, нѣмецкіе, даже русскіе тканые или «писаные» обои; висѣли большія венеціанскія зеркала въ зеркальныхъ рамахъ съ золотыми обручиками. Къ стѣнамъ были прислонены камины, цѣльные или штучные. Цвѣтныя хрустальныя люстры съ золотыми и серебряными вѣтвями ниспускались съ размалеваннныхъ потолковъ, и мягкіе персидскіе ковры устилали парадныя комнаты. Большіе бронзовые часы съ боемъ и курантами, длинные и круг лые «съ полами» столы на толстыхъ вызолоченныхъ ножкахъ, вытисненные разноцвѣтными фигурами звѣрей и птицъ, шелковые диваны и стулья съ высокими спинками, увѣнчанными гербомъ хозяина ([2]), изобильно дополняли великолѣпіе роскошнаго жилища.

([1]) См. «Обозрѣніе царствованія и свойствъ Екатерины Великія», П. Сумарокова, изд. 1832 г., ч. II, стр. 72. При Елисаветѣ Петровнѣ въ отписномъ домѣ Головкиныхъ жили актрисы и хотѣли учредить театръ но послѣднее не состоялось.

([2]) Гербъ графовъ Головкиныхъ состоялъ изъ щита, раздѣленнаго на четыре части. Первая и четвертая изображали, на голубомъ полѣ, руку съ мечемъ, выходящую изъ облаковъ. Въ золотомъ полѣ второй и третьей частей виднѣлась половина коронованнаго двуглаваго орла. На красномъ щиткѣ подъ короною, занимавшемъ средину герба, стоялъ на

Этотъ барскій пріютъ наши супруги оставляли теперь не такъ часто. Графъ Михаилъ Гавриловичъ обязательно ѣзжалъ по вторникамъ и пятницамъ въ сенатъ (1), изрѣдка навѣдывался въ Монетную канцелярію да, въ кавалерскіе дни, облеченный въ орденское одѣяніе, являлся во дворецъ — откушать за царскимъ столомъ, по правую или лѣвую руку императрицы, присутствовавшей въ такихъ случаяхъ за обѣдомъ и занимавшей обыкновенно высокій тронъ, подъ великолѣпнымъ балдахиномъ (2). Графиня Екатерина Ивановна обязательно же сопутствовала супругу только во дворецъ, въ царскіе и торжественные дни, при чемъ необходимо наряжалась въ оффиціальную «робу», осыпала голову узаконенною пудрою и украшала лицо нѣсколькими мушками, фигурно вырѣзанными изъ черной шелковой матеріи. Во дворцѣ, графиня Екатерина Ивановна, какъ статсъ-дама, шествовала за императрицею въ церковь, слушала литургію и молебствіе, приносила потомъ «въ галлереѣ» поздравленіе ея величеству, при которомъ обыкновенно стрѣляли съ крѣпости и Адмиралтейства, бывшаго тогда тоже крѣпостью; а затѣмъ — присутствовала на торжественномъ обѣдѣ, начинавшемся тотчасъ послѣ церковной службы и оканчивавшемся *пятымъ* оффиціальнымъ тостомъ: «кто сей бокалъ полонъ выпьетъ, тотъ ея императорскому величеству вѣренъ» (3). Отдохнувъ послѣ обѣда, графиня переодѣвалась изъ робы въ «сама-

---

заднихъ лапахъ вправо обращенный левъ, съ поднятымъ хвостомъ. Весь гербъ увѣнчивался графскою короной съ коронованнымъ же шлемомъ, изъ котораго выходилъ вправо обращенный левъ, съ мечемъ въ правой лапѣ и тѣмъ же поднятымъ хвостомъ. Золотой наметъ герба былъ подложенъ справа—краснымъ, слѣва—чернымъ. Девизъ: *dedit haec insignia virtus* (то есть добродѣтель доставила эти знаки). См. «Россійск. родословн. книга», кн. Долгорукова, ч. IV, стр. 361.

(1) «Исторія судебныхъ учрежденій въ Россіи», Троцины, изд. 1851 г., стр. 209.

(2) Каммеръ-фурьерскіе журналы, веденные при дворѣ императрицы Анны Ивановны.

(3) Кам.-фур. журналы. См., напримѣръ, 19 января 1737 года.

ру», являлась часа въ четыре на придворный балъ, продолжавшійся до восьми часовъ вечера; кушала за однимъ изъ великолѣпно убранныхъ столовъ, нѣсколько «штукъ» которыхъ располагалось обыкновенно какою нибудь замысловатою фигурой; смотрѣла фейерверкъ, всегда прекрасный, и въ каретѣ съ графскими гербами и головкинскою «либиреею», т. е. ливреею, возвращалась на Васильевскій островъ, при блескѣ повсемѣстной иллюминаціи, не погасавшей до самаго утра (1).

Иногда, впрочемъ, супруги Головкины добровольно показывались во внутреннихъ аппартаментахъ дворца и въ неоффиціальные дни, особенно же графиня.

Не придворные выѣзды графа и графини Головкиныхъ ограничивались визитами къ кн. Черкасскому, Остерману, Миниху, гр. Головину, Волынскому и другимъ немногимъ. Родственный кругъ обоихъ супруговъ, рѣдѣя съ каждымъ годомъ, убавился, послѣ смерти княгини Ромодановской, еще двумя лицами: умерла сестра графа Михаила Гавриловича, Настасья, бывшая за генералъ-кригсъ-коммиссаромъ кн. Никитою Юрьевичемъ Трубецкимъ, умеръ и мужъ Анны Гавриловны, Ягужинскій, только что возвратившійся въ Петербургъ изъ Берлина.

Итакъ, супруги Головкины почти все время проводили дома.

---

(1) Иллюминаціи временъ Анны Іоанновны были вообще очень хороши. Вотъ какъ одну изъ нихъ, 3 февр. 1737 г., описываетъ современникъ-очевидецъ; «На валахъ Адмиралтейства нѣсколько тысячъ лампъ и разнообразныхъ фонарей, стройно расположенныхъ, горѣли разноцвѣтными огнями, изъ которыхъ составлялись различныя имена и эмблемы. Стѣны Петропавловской крѣпости были залиты свѣтомъ, и на нихъ полными литерами, искусно перемѣшанными съ листьями, сіяло: *Анна Іоанновна Императрица*, начертанное желтыми, красными, зелеными и голубыми огнями. Безчисленныя свѣчи мелькали во всѣхъ окнахъ. Все это восхитительно отражалось въ Невѣ. См. «Peter von Havens Reise in Russland, aus dem Dänichen übersetzt», Copenhagen. 1744. S. 76.

Графъ чествовалъ гостей, читалъ «С.-Петербургскія Вѣдомости» или углублялся въ какую нибудь «Экономію Флоринову, въ девяти книгахъ состоящую» ([1]), а чаще всего страдалъ и охалъ отъ подагры, по цѣлымъ днямъ не выходя изъ комнаты и своего блакитнаго шлафрока. Графиня ухаживала за гостями, ухаживала за больнымъ мужемъ, ухаживала за несчастными и неимущими, имѣвшими къ ней всегда свободный доступъ и никогда не выходившими отъ нея безъ искренняго участія или щедраго подаянія, наконецъ,—читала. Въ числѣ книгъ, кромѣ сочиненій духовнаго содержанія, составлявшихъ тогда обычное и любимое чтеніе, вниманія графини, быть можетъ, удостоивался кантеміровъ переводъ фонтенелевыхъ «Разговоровъ о множествѣ міровъ» ([2]) или стратеманновъ «Ѳеатронъ, сирѣчь позоръ историческій, изъявляющій повсюдную исторію священную и гражданскую» ([3]), переведенный Бужинскимъ; быть можетъ также, графиня читала въ оригиналѣ и современныхъ ей нѣмецкихъ и французскихъ писателей. Но «Повѣсть о благородномъ князѣ Петрѣ Золотыхъ-Ключахъ и о благородной царевнѣ Магиленѣ» такъ же, какъ «Исторія изрядная, полезная и весьма дивная о преславномъ римскомъ цесарѣ Оттонѣ и супругѣ его цесаревнѣ Алундѣ» и подобныя этимъ литературныя произведенія средневѣковаго запада, перебравшіяся въ Россію, замѣнявшія тогда нынѣшніе романы и потому, въ видѣ рукописныхъ сборниковъ, сильно распространенныя въ публикѣ, безъ сомнѣнія, читались и графинею Екатериною Ивановною,

---

([1]) Это сочиненіе перевелъ съ нѣмецкаго и издалъ, съ фигурами, въ 1738, въ С.-Петербургѣ, Сергѣй Савичъ Волчковъ, обогатившій тогдашнюю русскую литературу многими переводами

([2]) Кантеміръ не только перевелъ эту книгу, но и «потребными примѣчаніями изъяснилъ» ее въ 1730 г., приложивъ къ ней и виньеты.

([3]) Изд. въ С.-Петербургѣ, 1724 г. Событія, описанныя въ «Ѳеатронѣ», простираются до 1680 г. Книга напечатана славянскими буквами.

не изъятою отъ литературныхъ воззрѣній и вкусовъ своего времени (¹).

Но пока Головкины по своему наслаждались счастіемъ, соперничество Бирена и Миниха по кабинету не прерывалось. Временщикъ, потерявшій въ умершемъ оберъ-шталмейстерѣ гр. Левенвольдѣ вѣрнаго и преданнаго друга, желалъ отдѣлаться и отъ несноснаго фельдмаршала. Предлогъ къ удаленію Миниха изъ Петербурга былъ подъ рукою. Крымскіе хищники, набѣгая въ Украйну, выжигали цѣлыя деревни, уводили въ неволю жителей и, дѣйствительно, заслуживали наказанія. Биренъ представилъ объ этомъ императрицѣ и назвалъ Миниха, уже прославленнаго Данцигомъ. Славолюбивый фельдмаршалъ, подчиня себѣ другаго новопожалованнаго фельдмаршала, Ласси, полетѣлъ наказывать хищниковъ. Онъ наказывалъ ихъ ровно четыре года. Къ Бугу и Днѣпру ходили армія за арміей; рекрутскіе наборы возобновлялись каждую осень; деньги тратились безъ счета; штурмы слѣдовали за штурмами; курьеры изъ арміи безпрестанно привозили въ Петербургъ извѣстія о побѣдахъ; взятія Азова, Очакова, Хотина, Перекопа, Бахчисарая и другихъ городовъ и крѣпостей отдавались въ Петербургѣ молебствіями, банкетами, фейерверками, плодили вирши Тредьяковскаго и иныхъ, одушевляли пѣвучій стихъ Ломоносова. Минихъ создалъ себѣ славу вождя непобѣдимаго. Съ своей стороны, Биренъ, пользуясь отсутствіемъ мѣшавшаго ему честолюбца и даже избранный въ герцоги тѣми самыми курляндцами, которые нѣкогда не хотѣли признать его курляндскимъ дворяниномъ, властвовалъ спокойно. Отъ мстительной злобы его не уходили ни давнія заслуги, ни санъ, ни завѣтныя воспоминанія. Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, нѣкогда членъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, вельможа образованный и престарѣлый, умеръ въ одномъ изъ подваловъ Шлиссельбургской крѣпости.

(¹) См. любопытную статью г. Пыпина «О романахъ въ старинной русской литературѣ», помѣщенную въ XLVIII т. «Современника».

Петръ Михайловичъ Бестужевъ-Рюминъ, нѣкогда оберъ-гофмейстеръ двора герцогини Курляндской и благодѣтель самого Бирена ([1]), жилъ въ изгнаніи, не смѣя выѣхать изъ деревни. Архіепископъ тверской Ѳеофилактъ Лопатинскій, мужъ ученый и витія краснорѣчивый, лишенъ сана за то, что дерзнулъ, защищая православіе, обличать лютеранизмъ, исповѣданіе Бирена([2]). Извѣстный арапъ Ганнибалъ, крестникъ Петра Великаго и предокъ славнаго Пушкина ([3]), избѣгая преслѣдованій страшнаго временщика, безвыходно скрывался въ какомъ-то захолустьѣ. Страшное «слово и дѣло» раздавалось повсюду, увлекая въ застѣнки сотни жертвъ мрачной подозрительности Бирена или личной вражды его шпіоновъ, разсѣянныхъ по городамъ и селамъ, таившихся чуть не въ каждомъ семействѣ. Казни были такъ обыкновенны, что уже не возбуждали ничьего вниманія, и часто *заплечные мастера* клали кого нибудь на колесо или отрубали чью нибудь голову въ присутствіи двухъ-трехъ нищихъ старушонокъ да нѣсколькихъ зѣвакъ-мальчишекъ ([4]). Независимо отъ такого грустнаго положенія вещей, тогда часто случались страшные пожары, изъ которыхъ знаменитый *троицкій* испепелилъ Москву не хуже 1812 года, а три петербургскіе надолго оставили по себѣ «горѣлыя мѣста», тянувшіяся отъ нынѣшней Милліонной—тогда греческой—улицы, чрезъ Полицей-

---

([1]) Вотъ что писалъ этотъ Бестужевъ въ 1726 году, когда Биренъ былъ каммеръ-юнкеромъ герцогини Курляндской: «Биренъ пришелъ безъ кафтана и чрезъ мой трудъ принятъ ко двору безъ чина, и годъ отъ году я, его любя, по его прошенію, производилъ и до сего градуса произвелъ». См. «Царствованіе Екатерины I», Арсеньева, въ «Учен. Зап. Втераго Отдѣл. Имп. Ак. Наукъ», кн. II, вып. I, стр. 217.

([2]) Главнымъ виновникомъ несчастія, постигнувшаго Ѳеофилакта, былъ его личный врагъ и соперникъ на поприщѣ авторской славы, Ѳеофанъ Прокоповичъ, превратно истолковавшій Бирену значеніе одного изъ духовныхъ сочиненій Лопатинскаго.

([3]) Мать поэта, Надежда Осиповна—родная внука Ганнибала.

([4]) Peter von Havens, Reise in Russland, S. 214.

скій—тогда Зеленый—мостъ, мимо церкви Вознесенія почти до Крюкова канала.

Всѣ эти бѣдствія, не касаясь супруговъ Головкиныхъ непосредственно, надрывали, однакожь, сердце добродѣтельной Екатерины Ивановны и возмущали желчь Михаила Гавриловича, часто закипавшую справедливымъ негодованіемъ на Бирена, особенно въ задушевныхъ бесѣдахъ съ Волынскимъ. Бѣдную графиню очень не радовало къ тому же и тогдашнее положеніе графа. Причастный, разумѣется, многимъ недостаткамъ современнаго ему общества, Михаилъ Гавриловичъ начиналъ расплачиваться за главнѣйшій изъ нихъ—постоянное и безмѣрное поглощеніе крѣпкихъ напитковъ: окруженный роскошью, уже мучился онъ подагрою и хирагрою, обыкновеннымъ удѣломъ аристократовъ XVIII вѣка.

Со всѣмъ тѣмъ, образъ жизни нашихъ супруговъ все-таки не измѣнялся. Но, продолжая изрѣдка бывать у двора, Головкины не могли не замѣчать, что тамъ измѣнялось и измѣнилось многое, начиная съ самой императрицы. Анна Ивановна, уступая своему слишкомъ сорокалѣтнему возрасту, частенько прихварывала, утрачивала мало по малу прежнюю энергію, отдалялась по немногу отъ своихъ старыхъ подругъ и любимицъ, княгини Щербатовой, Юшковой, Манахиной, сдѣлалась, по милости Бирена, равнодушнѣе и къ Головкинымъ, довѣрялась одному герцогу. Въ это время государыня пристрастилась къ стрѣльбѣ. Мѣткія пули ея величества то щегольски впивались въ мишени, нарочно устроенныя въ Зимнемъ и Лѣтнемъ дворцахъ, то били безъ промаха птицъ, пролетавшихъ мимо открытыхъ дворцовыхъ оконъ, то на смерть поражали кабановъ и оленей, собственно для этого пущенныхъ въ петергофскій звѣринецъ. Во всѣхъ углахъ дворцовыхъ аппартаментовъ стояли наготовѣ заряженныя ружья; пороховой дымъ вился подъ расписными плафонами; выстрѣлы раздавались поминутно; извѣстіями объ этихъ выстрѣлахъ наполнялись тогдаш-

нія «С.-Петербургскія Вѣдомости» (1). Все, окружавшее императрицу, подчинилось господствовавшему вкусу. Даже юной и кроткой племянницѣ государыни, принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, пришлось познакомиться съ «фузеею»; быть можетъ, спускала курокъ и наша графиня. Что касается господъ придворныхъ, они, стремясь угодить императрицѣ, и въ Петербургѣ и въ Петергофѣ усердно палили съ утра до ночи и стольже усердно поклонялись Бирену, хотя явно трепетали предъ нимъ и втайнѣ его ненавидѣли.

Такъ наступило время свадьбы принцессы Анны Леопольдовны, усыновленной императрицею двоюродной племянницы нашей графини. Женихъ принцессы, принцъ Антонъ-Ульрихъ-Брауншвейгъ-Люнебургскій, давно уже жилъ въ Россіи, былъ съ Минихомъ въ Крыму, видѣлъ равнодушіе къ себѣ невѣсты, зналъ о покушеніяхъ Бирена женить на ней своего старшаго сына—и остался орудіемъ австрійской политики. Бракъ совершенъ въ іюлѣ 1739 года, съ необыкновенной пышностію. Петербургъ впервые увидѣлъ тогда золоченыя кареты и бархатную сбрую, горѣвшую золотомъ. Вѣнчаніе, при которомъ оффиціально присутствовали Головкины, происходило въ церкви Рождества Богородицы, что ныньче Казанскій соборъ. Невѣста была одѣта въ парчевое платье, шитое золотомъ и серебромъ, съ передникомъ, усѣяннымъ алмазами; волоса ея, завитые въ четыре косички и спускавшіеся локонами, сіяли многочисленными драгоцѣнными каменьями и прикрывались алмазною короной. Платье жениха было изъ той же матеріи и того же цвѣта, какъ платье невѣсты. Нарядъ государыни состоялъ въ темномъ штофномъ платьѣ, шитомъ золотомъ и множествомъ жем-

(1) Вотъ одно такое извѣстіе, взятое на выдержку изъ множества ему подобныхъ. «С.-Петербургъ. 14 марта 1737 года. Третьяго дня изволила Ея Императорское Величество, наша всемилостивѣйшая государыня, въ зимнемъ своемъ императорскомъ домѣ забавляться травлею дикихъ звѣрей. При семъ случаѣ травили дикую свинью, которую наконецъ Ея Императорское Величество собственноручно застрѣлить изволила».

чуга, но безъ драгоцѣнныхъ камней. Цесаревна Елизавета Петровна явилась въ малиновомъ платьѣ, вышитомъ серебромъ и убранномъ множествомъ брилліантовъ. Бѣлое атласное платье герцогини Курляндской, шитое золотомъ, отличалось изобиліемъ рубиновъ, а шелковое платье дочери ея было вышито цвѣтами по серебряной землѣ (¹). Послѣ вѣнчанія былъ во дворцѣ балъ, на которомъ графъ и графиня Головкины оставались до тѣхъ поръ, пока молодая принцесса не замѣнила своего пышнаго наряда бѣлымъ атласнымъ шлафрокомъ съ брюссельскими кружевами (²). Цѣлую недѣлю продолжались празднества, очевидцами которыхъ были наши супруги. Во дворцахъ Зимнемъ и Лѣтнемъ происходили обѣды, банкеты, балы; на Царицыномъ лугу—народные праздники; въ Лѣтнемъ саду—ужины съ иллюминаціями, на придворномъ театрѣ—пасторали и итальянскія оперы (³). Всего замѣчательнѣе былъ маскарадъ, состоявшій изъ четырехъ двѣнадцати-парныхъ кадрилей, костюмированныхъ въ оранжевыя, зеленыя, голубыя и коричневыя домино съ кружевными манишками; шапочки, одноцвѣтныя съ домино, украшались золотыми и серебряными кокардами.

Утомленные этими торжествами, графъ и графиня Головкины отдыхали, когда получилось въ С.-Петербургѣ извѣстіе о знаменитой ставучанской побѣдѣ надъ турками и татарами, послѣднемъ боевомъ лаврѣ счастливаго Миниха. Но не успѣли

(¹) XXXVII письмо леди Рондо, стр. 119 и дал.

(²) Тамъ же.

(³) Полная итальянская труппа, подъ дирекціею композитора *Франциска Арайя*, была выписана въ 1735 г. и ежегодно стоила 40,000 руб. Численность ея простиралась до 70 пѣвцовъ и пѣвицъ. Репертуаръ состоялъ изъ оперъ: *Абіазаче*, соч. самого Арайя, *Семирамида*, *Сципіонъ*, *Арзакъ* и *Селевкъ*. Вокальный и инструментальный оркестръ, по отзыву автора Reise in Russland, былъ *безподобный*. Представленія давались въ театрѣ Лѣтняго сада и во флигелѣ Зимняго дворца, «овальномъ деревянномъ зданіи съ двумя ярусами ложъ, изукрашенномъ малярною и столярною работой» (Reise). Спектакли безденежные. См. «Основаніе русскаго театра», Карабанова, изд. 1849 г., стр. 5 и 6.

графъ и графиня хорошенько порадоваться окончанію войны, давно тяготившей всѣхъ, кромѣ Миниха, какъ, съ окончаніемъ года, снова надорвалось сердце графини, снова закипѣло негодованіе графа. Долгорукіе, давно уже забытые всѣми и искупившіе свои прежнія вины тяжкимъ девяти-лѣтнимъ изгнаніемъ, не переставали и изъ глубины ссылокъ своихъ тревожить подозрительность Бирена. Мстительный герцогъ испугался того, что императрица вспомнила объ одномъ изъ изгнанниковъ, и взвелъ на всѣхъ новыя обвиненія. Несчастныхъ князей привезли отвсюду въ Новгородъ, и здѣсь, 8 ноября, кончили жизнь четверо изъ нихъ, смывъ собственною кровью память содѣяннаго ими зла. Бывшему депутату князю Василію Лукичу и двумъ роднымъ дядямъ бывшаго временщика, отецъ котораго умеръ въ Сибири, отрублены головы. Самъ же Иванъ Алексѣевичъ, уже давно смирившійся изгнанникъ и счастливый супругъ достойной Натальи Борисовны, четвертованъ, а потомъ обезглавленъ ([1]).

Биренъ успокоился и въ этомъ спокойствіи встрѣтилъ 1740 годъ, послѣдній его благополучія и жизни императрицы, предпослѣдній счастія супруговъ Головкиныхъ. Начало этого года, ознаменованное торжествованіемъ мира, прекратившаго четырехлѣтнюю турецкую войну, сопровождалось явленіемъ, ни до того, ни послѣ не виданнымъ въ Петербургѣ и сохраняющимся до сихъ поръ въ преданіи народномъ. Мы говоримъ о *ледяномъ домѣ*, оригинальной выдумкѣ камергера Татищева, прекрасно осуществленной самимъ изобрѣтателемъ.

([1]) Вдова Ивана Алексѣевича, дочь знаменитаго фельдмаршала Шереметева, была вызвана императрицею Елисаветою, получила прежнее званіе, приглашалась ко двору, неохотно принимала участіе въ развлеченіяхъ и блескѣ его, искала уединенія, постриглась въ 1757 г., въ одномъ изъ кіевскихъ монастырей, и скончалась тамъ схимницею, въ 1771 г., съ именемъ Нектаріи. Кто не читалъ поэтическаго произведенія Ив. Ив. Козлова «Наталья Долгорукая»?

Этотъ домъ, воздвигнутый на Невѣ, почти противъ дома Головкиныхъ, имѣлъ 8 саж. длины, $2^1/_2$ саж. ширины и 3 саж. вышины, *былъ весь изъ одного льда* «и гораздо великолѣпнѣе казался, нежели когда бы онъ изъ самаго лучшаго мармора былъ построенъ, для того—казался сдѣланъ былъ будто изъ одного куска, и для ледяной прозрачности и синяго его цвѣту на гораздо дражайшій камень, нежели на марморъ походилъ». Такъ говоритъ очевидецъ, Георгъ—Вольфгангъ Крафтъ, тогдашній петербургскій академикъ и физики профессоръ, посвятившій цѣлую книжку описанію татищевскаго изобрѣтенія ([1]). Изъ этого описанія видно, что въ ледяной домъ вело крыльцо съ двумя дверьми, подъ рѣзнымъ фронтисписомъ. Черезъ крыльцо вступали въ сѣни, раздѣлявшія два покоя, оба безъ потолковъ, съ одной крышею. Кромѣ этого главнаго входа, въ домѣ было двое воротъ, увѣнчанныхъ горшками съ померанцевыми деревьями и сидящими на вѣтвяхъ птицами. По крышѣ дома тянулась галлерея, украшенная столбами и статуями. Передній и задній фасы дома освѣщались каждый шестью окнами, въ боковыхъ было по одному окну, всѣ съ косяками, выкрашенными зеленью. Все это, не выключая деревьевъ, птицъ и стеколъ въ окнахъ, было сдѣлано изъ льда.

Внутренное убранство дома, *точно также ледяное*, состояло: въ первой комнатѣ—изъ уборнаго стола, двухъ зеркалъ, нѣсколькихъ шандаловъ съ ледяными свѣчами, карманныхъ часовъ, кровати съ пологомъ, постелью, подушками и одѣяломъ, двухъ паръ туфлей, двухъ колпаковъ, табурета и рѣзнаго камина съ ледяными же дровами; во второй—изъ рѣзнаго стола, такого

([1]) «Подлинное и обстоятельное описаніе построеннаго въ С.-Петербургѣ въ январѣ мѣсяцѣ 1740 года ледянаго дома и всѣхъ находившихся въ немъ домовыхъ вещей и уборовъ съ приложенными при томъ гридированными фигурами и проч., сочиненное для охотниковъ натуральной науки, чрезъ Г. В. Крафта.» С.-Петербургъ 1741. Изданіе, ставшее теперь библіографическою рѣдкостью.

же поставца съ точеными стаканами, рюмками и блюдами съ кушаньемъ, такихъ же двухъ стульевъ большаго размѣра, двухъ статуй, столовыхъ часовъ и примороженныхъ къ столу игральныхъ картъ съ марками. Всѣ эти «вещи и уборы», ледяные, но выкрашенные въ натуральные цвѣта, чрезвычайно обманывали зрѣніе.

По обѣимъ сторонамъ дома были устроены ледяныя четырехугольныя пирамиды, поставленныя на пьедесталахъ съ фронтисписами, внутри пустыя и имѣвшія на каждомъ боку круглое окно. Вправо отъ дома, далѣе пирамиды, красовался ледяной же слонъ въ натуральную величину, съ сидѣвшимъ на спинѣ его ледянымъ персіяниномъ и двумя такими же, стоявшими по бокамъ. Слонъ этотъ, внутри пустой, «могъ, какъ живой, кричать, который голосъ постоянной въ немъ человѣкъ трубою производилъ» ([1]). Влѣво отъ дома, симметрично слону, была выстроена ледяная баня, казавшаяся «будто-бы изъ простыхъ бревенъ сдѣлана и которую нѣсколько разъ топили и дѣйствительно въ ней парились ([2]). Наконецъ, передъ домомъ стояло нѣсколько ледяныхъ пушекъ и мортиръ, изъ которыхъ не разъ стрѣляли ледяными ядрами ([3]); а у воротъ помѣщались два ледяные дельфина.

Чудесный домъ казался еще чудеснѣе ночью. Тогда зажигались его ледяныя дрова, намазанныя нефтью; освѣщались полотнянныя картины, выставленныя въ окнахъ, при чемъ «сіяніе, сквозь стѣны и окна проницающее, преизрядный и весьма удивительный видъ показывало» ([4]); бумажные восьмиугольные фонари, размалеванные «всякими смѣшными фигурами», вращались, съ воткнутыми въ нихъ зажженными свѣчами, въ круг-

([1]) Стр. 20 «Описанія».

([2]) Тамъ же, стр. 21.

([3]) «Такое ядро, въ присутствіи всего императорскаго придворнаго штата, въ разстояніи 60 шаговъ доску насквозь пробило». Тамъ же, стр. 15.

([4]) Тамъ же; стр. 17.

лыхъ окнахъ пирамидъ; слонъ [1] и дельфины метали горящую нефть.

Императрица, со всѣмъ дворомъ, не одинъ разъ посѣщала ледяной домъ; а народъ до того толпился вокругъ небывалаго строенія и такъ усиленно любопытствовалъ, что къ дому, для охраненія ледяныхъ игрушекъ отъ преждевременной порчи и пропажи, принуждены были ежедневно наряжать вооруженный караулъ. [2]

Но ледяной домъ имѣлъ и свое спеціальное назначеніе: въ немъ предполагалось отпраздновать «куріозную» свадьбу одного изъ немолодыхъ шутовъ императрицы съ придворною калмычкой [3]. Порученіе устроить эту свадьбу сколько возможно «куріознѣе» было возложено на Волынскаго и оберъ-егермейстеръ превзошелъ себя, удивилъ всѣхъ. Изъ разныхъ краевъ Россіи, собственно для этого случая, выписаны были въ Петербургъ абхазцы, черемисы, мордва, остяки, якуты, камчадалы, татары, самоѣды, калмыки, чухонцы и другіе «разноязычники и разночинцы», каждаго народа и народца по парѣ мужъ съ женою. Всѣ они явились въ своихъ національныхъ костюмахъ и экипажахъ, съ самой разнообразной упряжью, и такъ должны были принять участіе въ свадебномъ поѣздѣ молодыхъ. 6 февраля потянулся этотъ поѣздъ по петербургскимъ улицамъ. «А ѣхали,—пишетъ очевидецъ—мимо дворца. Женихъ съ невѣстою сидѣлъ въ сдѣланной нарочно клѣткѣ, поставленной на слонѣ, а прочіе вышеписанные народы съ принадлежащею каж-

---

(1) Днемъ слонъ выбрасывалъ хоботомъ воду, на 24 фута вышины. Тамъ же, стр. 20.

(2) Свѣдѣнія о караулахъ такого рода сохранились, напр., въ дѣлахъ архива л.-гв. Измайловскаго полка между другими вѣдомостями и проч. книгъ «Отставнаго Повытья» за 1740 г.

(3) Майоръ кн. Мих. Ал. Голицынъ принялъ въ Римѣ католичество и за то, будучи уже 50 лѣтъ отъ роду и имѣя взрослыхъ дѣтей, сдѣланъ пажемъ и придворнымъ шутомъ. Его-то, когда овдовѣлъ онъ, женили на калмычкѣ (Бужениновой) съ такою потѣхой.

дому музыкаліею и разными игрушками, слѣдовали на оленяхъ, на собакахъ, на свиньяхъ. Такожъ куріозныя были сдѣланы сани, наподобіе звѣрей и рыбъ морскихъ, а нѣкоторыя во образѣ птицъ странныхъ. Поѣздъ страннымъ убранствомъ ѣхалъ такъ, что весь народъ могъ видѣть и веселиться довольно, а поѣзжане каждой показывалъ свое веселье, гдѣ у котораго народа какія веселья употребляются, въ томъ числѣ города Твери ямщики оказывали весну разными высвисты по птичью» ([1]). Въ манежѣ Бирена былъ приготовленъ молодымъ и ихъ поѣзжанамъ великолѣпный обѣдъ, за которымъ каждый изъ гостей нашелъ яства и питья своей родной страны. Тутъ же произнесъ новобрачнымъ стихотворное привѣтствіе Тредьяковскій, праотецъ россійской піитики ([2]) Наконецъ молодые привезены къ ярко освѣщенному ледяному дому, введены въ ледяную опочивальню и заперты въ ней, съ правомъ пользованія всѣми ея ледяными принадлежностями, но подъ крѣпкимъ карауломъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что графиня Екатерина Ивановна видѣла ледяной домъ и «куріозную» свадьбу, слышала изъявленія удовольствія государыни Волынскому и радовалась за оберъ-егермейстера, дружески знакомаго съ графомъ Михаиломъ Гавриловичемъ. Но, конечно, не видала и слышавъ не радовалась добрая графиня, когда, четыре мѣсяца спустя, тотъ же самый оберъ-егермейстеръ и кабинетъ-министръ Волынскій, окружен-

---

([1]) Записки Вас. Ал. Нащокина, тогда измайловскаго капитана, а впослѣдствіи генералъ-поручика. См. стр. 64—65.

([2]) Вотъ какъ начиналось это привѣтствіе:

Здравствуйте, женившись, дуракъ и дура,
Еще .. тота и фигура!
Теперь-то прямое время вамъ повеселитца,
Теперь-то всячески поѣзжаномъ должно бѣситца.... и проч.

Продолженіе любопытные могутъ найдти въ «запискахъ Тредіаковскаго» и, прочитавъ, сдѣлать полное заключеніе какъ о почетѣ, въ которомъ состояли новобрачные, такъ и о достоинствахъ музы незабвеннаго Василія Кириловича.

ный тысячами ужасавшагося и соболѣзновавшаго народа, умиралъ, на Сытномъ-Рынкѣ, страшною смертію преступника и умеръ жертвою Бирена. Несчастному вельможѣ-честолюбцу отсѣкли, 27 іюня, правую руку и голову за то, что онъ дерзнулъ подкапывать могущество слишкомъ счастливаго герцога ([1]).

Мѣсяца полтора спустя, императрица и графиня Екатерина Ивановна сдѣлались бабушками одного и того же внука, котораго Богъ даровалъ имъ въ лицѣ новорожденнаго сына принцессы Анны Леопольдовны, принца Ивана ([2]). Государыня была въ восторгѣ, сама воспринимала младенца отъ купели, сама пѣстовала его. Радовалась и графиня Екатерина Ивановна, искренно любившая свою племянницу, мать новорожденнаго принца.

Но восторгу императрицы не суждено было длиться болѣе двухъ мѣсяцевъ. Здоровье Анны Ивановны, давно разстроенное, ослабѣвало съ каждымъ днемъ, а застарѣлая болѣзнь ея, напротивъ, развивалась болѣе и болѣе, подвергая государыню припадкамъ, одинъ другаго чаще и мучительнѣе. Сильнѣйшій изъ нихъ случился 6 октября 1740 г., когда императрица, сѣвъ обѣдать съ Бирономъ и его женою, внезапно почувствовала дурноту и была безъ памяти отнесена на постель. Биренъ встревожился, всѣ смутились, графиня Екатерина Ивановна поспѣшила къ августѣйшей больной. Недугъ быстро усиливался. Поторопились объявить наслѣдникомъ престола двухъ мѣсячнаго принца Ивана и учинили ему присягу. Биренъ, желая регентства, лихорадочно собиралъ партію, подсказалъ кн. Черкасскому и Бестужеву предложить ему желаемое, вырвалъ согласіе у Миниха, опасавшагося мщенія герцога въ случаѣ выздоровленія государыни, и послалъ всѣхъ троихъ къ не выѣзжавшему ни-

---

([1]) Обстоятельства осужденія и смерти Волынскаго отчетливо изложены въ «Запискѣ объ Артеміи Волынскомъ». См. чтенія въ Общ. Исторіи и Древностей рос. 1858 г. кн. 2.

([2]) Этотъ принцъ, истинно несчастный, родился 12 августа 1740 г.

куда Остерману, который, разумѣется, не счелъ удобнымъ одиноко противорѣчить всѣмъ. Императрица страдала; Биренъ томилъ ее мольбами отдать ему регентство. Остермана, больнаго сильнѣйшей подагрой, нѣсколько разъ приносили, въ креслахъ, къ постели государыни съ той же просьбою. Долго не соглашалась Анна Ивановна, но, наконецъ, согласилась и подписала актъ о регентствѣ, пророчески сказавъ Бирену: «*сожалѣю о тебѣ, герцогъ; ты стремишься къ своей гибели*» ([1]).

Графиня Екатерина Ивановна все это время почти не выходила изъ дворца, знала все, что тамъ дѣлается, видѣла безнадежное состояніе вѣнценосной родной. Жаль было графинѣ послѣднюю дочь царя Ивана, покидавшую міръ; болѣло сердце ея за отчизну, главою которой становился двухъ-мѣсячный младенецъ; страшно становилось графинѣ и за Михаила Гавриловича, отданнаго, на ряду со всѣми, въ полное распоряженіе Бирена, давно неблагосклоннаго къ Головкинымъ.

17 октября, вечеромъ, графиня Екатерина Ивановна присутствовала въ опочивальнѣ государыни; тутъ же были и другія знатнѣйшія лица двора. Императрица страшно страдала, конецъ ея близился несомнѣнно. По собственному повелѣнію болящей, введены въ опочивальню придворные священники съ пѣвчими и совершена отходная молитва. Началась агонія. Государыня переставала узнавать окружающихъ, впала въ совершенное разслабленіе. «Прощай, фельдмаршалъ!» произнесла вдругъ императрица, остановивъ полу-погасшій взоръ на рельефно-высокой фигурѣ Миниха. «Прощайте!» повторила она всѣмъ, не узнавая болѣе никого, и глаза ея закрылись навсегда.

Одаренная умомъ здравымъ, эта государыня была твердо убѣждена, что «правосудіе есть цѣлость и здравіе государства» ([1]). Имѣя, какъ пишутъ, сердце благородное и сострада-

([1]) «Обзоръ происшествій въ Россіи» и проч., Ведемейера, изд. 1835 года, ч. II, стр. 125.

([1]) Указъ 1 іюня 1730 г. П. С. Зак., т. VIII, ст. 5565.

тельное, она спасала Ягужинскаго отъ злобы временщика и по преданію, *обливаясь слезами*, утвердила смертный приговоръ Волынскаго, какъ мѣру, необходимость которой умѣлъ доказать ей Биренъ. Довѣріе же государыни къ этому послѣднему было такъ велико, что она, вовсе не подозрѣвая въ Биренѣ злаго человѣка, видѣла въ каждомъ его словѣ, шагѣ и дѣйствіи—только вѣрнѣйшаго подданнаго и, конечно, одна во всей Россіи, не знала и не могла знать того, что дѣлается съ Россіею. Едва ли была извѣстна императрицѣ и десятая доля пытокъ, ссылокъ и казней, совершенныхъ на Руси въ ея десятилѣтнее царствованіе.

Какъ ни грустна такая истина, не слѣдуетъ забывать, что именно этому десятилѣтнему царствованію принадлежитъ *утвержденіе* того политическаго значенія Россіи, которое постоянно имѣлъ въ виду Петръ I, а возвела на высокую степень Екатерина II. Россія Анны Ивановны, окровавляемая Биреномъ, во всѣхъ случаяхъ блистательно заявляла себя Европѣ и навсегда пріобрѣла почтеніе Азіи. Съ другой стороны, Россія Анны Ивановны управлялась внутри съ большимъ порядкомъ и системою, нежели прежде и, можетъ быть, послѣ Анны Ивановны; военныя силы ея были въ состояніи очень хорошемъ; финансы, несмотря на казнокрадство Бирена — въ удовлетворительномъ; торговля ея съ Англіей, Голландіей, Китаемъ и Персіей процвѣтала; горное дѣло разработывалось; коннозаводство получило правильное устройство. Императрица заботилась объ образованіи подданныхъ, благоволила къ наукѣ, снаряжала ученыя экспедиціи, учредила кадетскій корпусъ [1], великолѣпно по своему времени обстроила Петербургъ и хотя усилила придворную роскошь, но за то совершенно уничтожила придворное пьянство. Наконецъ, подданные Анны Ивановны были обязаны ей многими прямо

---

[1] Нынѣшній Первый Кадетскій. Ук. объ учрежденіи его 29 іюля 1731 г.

благодѣтельными узаконеніями, каковы напримѣръ: запрещеніе помѣщикамъ *произвольно* переселять съ мѣста на мѣсто крестьянъ ([1]) и безъ того страшно угнетенныхъ финансовыми притѣсненіями Бирена; уравненіе жалованья иностранцевъ, служившихъ въ Россіи, съ жалованьемъ природныхъ русскихъ ([2]), получавшихъ гораздо менѣе первыхъ, что оскорбляло чувства національнаго самолюбія; разрѣшеніе отцамъ дѣлить имѣніе свое между всѣми дѣтьми ([3]), а не отдавать всего одному изъ дѣтей, что предписывалъ прежній законъ, стѣснявшій, такимъ образомъ, чувства родительскія.

Послѣ смерти императрицы Анны Ивановны, Биренъ достигъ завѣтнѣйшей, любимѣйшей цѣли давнишнихъ своихъ стремленій: онъ властвовалъ одинъ и неограниченно.

Все смолкло, все приникло. Неохотно и по самымъ безотлагательнымъ надобностямъ оставляли петербургцы свои дома и боязливо торопились проходить улицы, обставленныя пикетами и рогатками. Мрачно и недовѣрчиво смотрѣлъ другъ на друга народъ; мрачнѣе и недовѣрчивѣе смотрѣлъ на народъ регентъ. Мертвая тишина царила въ Петербургѣ, такъ недавно веселомъ и шумномъ. Малѣйшая неосторожность слова, взгляда, выкупалась истязаніями, омывалась кровью. Изъ-за тѣснаго ряда карауловъ, охранявшихъ въ Лѣтнемъ дворцѣ особу тревожно недовѣрчиваго регента, повелѣвалъ Биренъ именемъ императора, лежавшаго въ колыбели, оскорблялъ родителей этого императора, торжественно судилъ и положительно арестовалъ самого принца Антона-Ульриха; но ласкалъ цесаревну Елисавету Петровну, умышляя женить на ней своего сына. Казалось, Биренъ спѣшилъ упиваться властію, какъ бы угадывая, что въ опредѣленіяхъ судьбы не было назначено ему и полныхъ двадцати-пяти дней такого упоенія.

([1]) Указъ 4 іюля 1733 г.

([2]) Указъ 15 сентября 1732

([3]) Указъ 17 марта 1731 г., отмѣнившій указъ 14 апрѣля 1714 г.

Но въ это короткое время, казавшееся всѣмъ, кромѣ самого Бирена, безконечно долгимъ, счастіе и спокойствіе графини Екатерины Ивановны успѣли побывать на волосокъ отъ крайней опасности. Ближайшіе родные принцессы Анны Леопольдовны, на каждомъ шагу оскорбляемой регентомъ, супруги Головкины естественно были настроены противъ регента. Въ женѣ Михаила Гавриловича это настроеніе выражалось тревожнымъ состояніемъ духа, возмущаемаго безпрерывными неистовствами Бирена и сокрушеннаго соболѣзнованіемъ о всѣхъ жертвахъ его жестокости. Самъ же Михаилъ Гавриловичъ, давно питавшій искреннее нерасположеніе къ Бирену и видѣвшій за то охлажденіе къ себѣ покойной императрицы, продолжалъ увлекаться своимъ чувствомъ и, забывая объ осторожности, замышлялъ низверженіе временщика (1). Обстоятельства чуть чуть не помогли этому намѣренію Михаила Гавриловича и, вмѣстѣ, чуть не погубили самого графа.

Удаляясь отъ всего, чтὸ окружало регента, супруги Головкины по преимуществу сидѣли дома, гдѣ задерживала Михаила Гавриловича и его разыгравшаяся подагра. Но у нихъ, по прежнему, постоянно толпились посѣтители, большею частію отставные военные, недовольные или гонимые Биреномъ и находившіе подъ гостепріимнымъ кровомъ Головкиныхъ единственное убѣжище и отраду. Спрашивая, обыкновенно, гостей, чтὸ дѣлается и о чемъ говорятъ въ городѣ, графъ Михаилъ Гавриловичъ узналъ однажды, что въ городѣ съ негодованіемъ отзываются о Биренѣ и оскорбляются униженіемъ матери императора. Откровенные гости, искренно уважавшіе хозяевъ дома, сообщили графу и о томъ, что есть много гвардейскихъ офицеровъ, готовыхъ на все для отмщенія Анны Леопольдовны, но, за неимѣніемъ руководителя, не умѣющихъ приступить къ дѣлу. Графъ

(1) Замѣчанія на «Записки Манштейна о Россіи», см. «Отеч. Зап.» 1828 г., ч. XXXV, стр. 364.

совѣтовалъ собраться всѣмъ благомыслящимъ людямъ въ какомъ нибудь заранѣе назначенномъ домѣ, какъ собирались, напримѣръ, въ 1730 году, у князя Борятинскаго, пойдти цѣлымъ обществомъ къ Аннѣ Леопольдовнѣ и просить ее о принятіи правленія. Одобривъ такой совѣтъ, гости убѣждали графа быть главою и руководителемъ общества благонамѣренныхъ. Но графъ, мучимый подагрою, не могъ лично участвовать въ предпріятіи и указалъ на князя Черкасскаго, уже предводившаго подобнымъ собраніемъ въ 1730 году. Вмѣстѣ съ тѣмъ, графъ взялъ съ гостей слово—ничего не упоминать о немъ, и обѣщаніе—дѣйствовать на другой же день, не откладывая. Совѣтъ графа, дѣйствительно, былъ приведенъ въ исполненіе. Князь Черкасскій, испуганный предложеніемъ, притворно одобрилъ его и просилъ предлагавшихъ пожаловать къ нему *завтра*. Но это «завтра» застало довѣрчивыхъ заговорщиковъ уже въ рукахъ Бирена, которому князь Черкасскій не замедлилъ тотчасъ же донести о всемъ случившемся. Всѣ, являвшіеся къ струсившему князю, преданы страшнымъ пыткамъ и, въ мученіяхъ, проговаривались о другихъ единомышленникахъ, которыхъ забирали немедленно и пытали точно также. Супруги Головкины, разумѣется, знали все это. И можно представить себѣ положеніе несчастной графини, сердце которой, дрожа при мысли, что одно слово одного изъ пытаемыхъ можетъ погубить графа, замирало въ ежеминутномъ ожиданіи, что вотъ-вотъ нагрянутъ за графомъ «разсыльные». Но мужа графини не выдали: ни одинъ изъ несчастныхъ не назвалъ графа Головкина. Такъ любили его и графиню (¹).

Измученная страхомъ, графиня сердечно сокрушалась объ участи своихъ знакомцевъ, изломанныхъ, изувѣченныхъ, но сохранившихъ ей графа.

(¹) Тамъ же. стр. 367.

Третья недѣля кроваваго регенства кончилась. 8 ноября Минихъ былъ съ утреннимъ визитомъ у Анны Леопольдовны, говорилъ съ нею наединѣ и вышелъ растроганный горькими жалобами принцессы на оскорбительные поступки регента. Весь остальной день Минихъ, со всѣмъ своимъ семействомъ, провелъ въ гостяхъ у Бирена, тамъ обѣдалъ и ужиналъ, а къ ночи прямо оттуда же возвратился домой ([1]). И въ ту же ночь, на 9 ноября, толпа преображенцевъ, предводимая тѣмъ же Минихомъ, тихо выступила изъ воротъ Зимняго дворца, въ которомъ жила принцесса, осторожно пошла мимо спавшихъ во мракѣ домовъ, скоро миновала нѣсколько улицъ и переулковъ и остановилась у Лѣтняго дворца, гдѣ пребывалъ регентъ. Здѣсь нѣсколько человѣкъ отдѣлилось отъ толпы и съ адъютантомъ Миниха, Манштейномъ, вошли во дворецъ. Караулы, тоже преображенскіе, нималѣйше не препятствовали однополчанамъ добраться къ опочивальнѣ регента, разломать въ ней дверь и окружить постель крѣпко спавшаго Бирена. Разбуженный Манштейномъ, Биренъ тотчасъ смекнулъ, въ чемъ дѣло, и бросился подъ кровать, но вытащенъ оттуда, хотѣлъ сопротивляться, барахтался, даже кусался, однако схваченъ дюжими гренадерами, завернутъ въ шубу и, безъ всякой обуви, вынесенъ изъ опочивальни и дворца на морозъ. Тутъ павшаго временщика посадили въ приготовленную на этотъ случай карету, и Минихъ торжествено повезъ живой трофей свой въ Зимній дворецъ, гдѣ бодрствовала принцесса, въ тревожномъ ожиданіи развязки дѣла, слишкомъ рискованнаго. Что̀ касается жены Бирена, выбѣжавшей въ одной рубахѣ и босикомъ къ каретѣ, ее велѣно внести обратно во дворецъ; но солдатъ,къ которому относилось это приказаніе, протащивъ герцогиню нѣсколько шаговъ, бросилъ ее въ снѣгъ ([4]).

([1]) Mémoires historiques, politiques et militaires sur la Russie, par le general de Manstein, Leipzig, 1771, p. 358 et suiv.

([2]) Тамъ же, p. 363, и «Замѣчанія на записки», стр. 348. Жена Би-

*

Такъ палъ Биренъ. Всѣ были восхищены его паденіемъ. Всю ночь на 9 ноября горѣли вокругъ Зимняго дворца многочисленные костры; радостно присягала гвардія императору и *правительницѣ*; одинъ за другимъ подъѣзжали къ ярко освѣщенному дворцу экипажи разряженныхъ вельможъ, возбужденныхъ отъ сна такою пріятною неожиданностію; незнакомые, встрѣчаясь на улицахъ, поздравляли другъ друга; знакомые обнимались и цѣловались, какъ въ свѣтлое воскресенье.

Рада была не спать подобную ночь и графиня Екатерина Ивановна, свободная теперь отъ всѣхъ своихъ страховъ. Съ большимъ удовольствіемъ отправились супруги Головкины во дворецъ привѣтствовать племянницу графини, принцессу Анну, правительницею Всероссійской имперіи.

На другой же день по низложеніи Бирена, графъ Михаилъ Гавриловичъ, за годъ до того произведенный въ дѣйствительные тайные совѣтники, пожалованъ вице-канцлеромъ и сдѣланъ кабинетъ-министромъ.

Значеніе Головкиныхъ достигло высшей степени. Правительница чрезвычайно ласкала графа и графиню, оказывая теткѣ всѣ знаки привязанности и уваженія. Добрая Екатерина Ивановна, разумѣется, не оставалась въ долгу у племянницы, которую горячо любила, и пожертвовавъ своими личными вкусами, она опять зажила былой придворной жизнью, стала необходимымъ членомъ общества, окружавшаго правительницу. На этотъ разъ, графиня, по крайней мѣрѣ, была избавлена отъ неизбѣжныхъ встрѣчъ съ антипатичною, вѣчно нахмуренною физіономію Бирена, нѣкогда безвыходно присутствовавшаго во

рена, рожденная *Трейденъ*, отличалась высокомѣріемъ, принимала не иначе, какъ сидя въ креслѣ, высота котораго напоминала тронъ, протягивала обыкновенно для цѣлованія обѣ руки разомъ и обижалась, если кто изъ представлявшихся ей цѣловалъ одну; говорила инымъ: «вы можете разсчитывать на мою милость»; блистала роскошью своихъ нарядовъ, шила платья во сто тысячъ р. одно, надѣвала на себя бриллiантовъ и другихъ камней почти на два милліона рублей и была не терпима всѣми.

дворцѣ. Но за то графинѣ приходилось теперь покориться неизбѣжности совсѣмъ инаго рода. Графиня могла быть и была увѣрена, что, при каждомъ появленіи ея во дворцѣ, къ ней быстро приблизится высокая, худощавая, всегда расфранченая фигура и, сдѣлавъ изъ собственныхъ орлиныхъ глазъ какіе-то «умирающіе», поспѣшитъ овладѣть рукою графини, начнетъ осыпать эту руку самыми жаркими поцѣлуями. Такъ обыкновенно маневрировалъ около всѣхъ дамъ старый селадонъ Минихъ (1), почивавшій теперь на многочисленныхъ лаврахъ и, къ вящшей досадѣ Остермана, первенствовавшій между министрами правительницы, обязанной фельдмаршалу низверженіемъ ея оскорбителя, Бирена.

Попавши снова въ тѣсныя отношенія съ дворомъ, супруги Головкины, волею-неволею, впутались въ сплетеніе интригъ, неизбѣжныхъ при совмѣстничествѣ такихъ личностей, какъ Минихъ и Остерманъ, и весьма сложныхъ по случаю неусыпной дѣятельности въ этомъ же родѣ Левенвольдовъ, Менгденовъ, Трубецкихъ, Черкасскихъ и иныхъ. Графиня Екатерина Ивановна, никогда не любившая ничего подобнаго, не могла уже теперь оставаться по прежнему равнодушною къ явленіямъ придворной политики собственно потому, что въ числѣ главныхъ двигателей послѣдней совершенно случайно очутился графъ Михаилъ Гавриловичъ, засаженный въ кабинетъ и заваленный, на свой пай, внутренними дѣлами государства (2).

Послѣдовало то, чего нужно было ожидать: борьба между первостепенными соперниками не замедлила обнаружиться.

---

(1) XXII Письмо леди Рондо, стр. 74.

(2) Указомъ 28 января 1741 года, рѣшеніе дѣлъ, вступающихъ въ Кабинетъ, было распредѣлено между министрами такъ: *Миниху*—вся военная часть, крѣпости, артиллерія и инженеры, кадетскій корпусъ и Ладожскій каналъ (тогда еще не оконченный). 2) *Остерману* — иностранныя дѣла, Адмиралтейство, флотъ, порты, морскія постройки въ Кронштадтѣ, 3) *Черкасскому и Головкину* — внутреннія дѣла по Сенату, Синоду, денежные сборы, коммерція и юстиція.

Честолюбію Миниха видимо было тѣсно. Старому фельдмаршалу хотѣлось командовать государственною и придворною политикой точно также, какъ командовалъ онъ войсками на очаковскомъ штурмѣ и поляхъ ставучанскихъ. Но, къ крайней невыгодѣ фельдмаршала, ни Остерманъ, ни сторонники Остермана вовсе не были расположены къ ролямъ ограниченнаго визиря и безтолковыхъ сераскировъ, трепетавшихъ при одномъ имени Миниха. И оба министра рыли другъ другу яму. Представившійся въ это же время вопросъ, быть ли Россіи союзницею Пруссіи или Австріи, зачинавшихъ кровавое состязаніе, еще болѣе раздѣлилъ мнѣнія обоихъ министровъ, всегда несогласныя. Остерманъ пересилилъ, и Минихъ, оскорбленный союзомъ Россіи съ Австріей, противнымъ его мыслямъ и чувствамъ, подалъ въ отставку,которую, къ чрезвычайному изумленію своему, получилъ немедленно. Графъ Михаилъ Гавриловичъ, свидѣтель борьбы, не тянулъ особенно ни къ которой изъ обѣихъ сторонъ. Достаточно самостоятельный, онъ не имѣлъ нужды дружить Остерману изъ какихъ нибудь выгодъ, къ тому же видѣлъ въ немъ иностранца; но не любилъ и Миниха, въ самомъ дѣлѣ надоѣдавшаго всѣмъ ненасытимымъ честолюбіемъ своимъ, а графинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ, какъ мы видѣли, непрошенными любезностями.

Пока совершалось и совершилось все это, сама правительница,женщина добрая и кроткая, но лѣнивая и апатичная,болѣе и болѣе отягощалась бременемъ власти,затруднялась рѣшеніемъ дѣлъ и укрывалась отъ всего этого въ тѣсномъ кружкѣ своихъ приближенныхъ, почти замыкавшемся другомъ ея, фрейлиною Юліаною Менгденъ съ сестрами, графинею Екатериною Ивановною съ мужемъ и саксонскимъ министромъ графомъ Линаромъ. Но народъ любилъ милосердую Анну Леопольдовну и благословлялъ кроткое правленія ея, которое, послѣ десятилѣтнихъ ужасовъ, казалось раемъ.

Судъ и осужденіе Бирена, содержавшагося въ Шлиссель-

бургѣ и сосланнаго въ Пелымъ; пріемы посольствъ турецкаго и блистательнаго персидскаго, состоявшаго изъ трехтысячной свиты съ четырнадцатью слонами и тридцатью верблюдами; разрывъ съ Швеціей и побѣдные подвиги русскаго генерала Кейта въ Финляндіи; наконецъ возраставшее равнодушіе правительницы къ государственнымъ дѣламъ и охлажденіе ея къ Остерману—вотъ событія, наполнившія остальное время правленія Анны Леопольдовны.

Въ это остальное время, и въ томъ же Петербургѣ, болѣе, чѣмъ когда нибудь, кипѣла живая дѣятельность при другомъ, небольшомъ дворѣ — цесаревны Елисаветы Петровны. Непричастная власти и вовсе не искавшая послѣдней, цесаревна наслаждалась спокойствіемъ частной жизни, предавалась своимъ удовольствіямъ была равнодушна къ тому, что престолъ ея отца сталъ достояніемъ другой линіи, и не помышляла о предъявленіи правъ своихъ на корону. Совсѣмъ не то и не такъ думали люди, окружавшіе цесаревну. Каммергеръ двора ея Воронцовъ, каммеръ-юнкеры Шуваловы, хирургъ Лестокъ и другіе приверженцы дочери Петра, соображая, что воцареніе Елисаветы Петровны нераздѣльно съ ихъ собственнымъ возвышеніемъ, не могли, стало быть, не желать искренно этого воцаренія. Такія желанія, подстрекаемыя и руководимыя совѣтами французскаго посла Шетарди, мало по малу систематизировались, болѣе и болѣе одушевляли своихъ поборниковъ—и поборники образовали партію, довольно серьёзную. Существованіе этой партіи обнаружилось тѣмъ скорѣе, что ее составляли люди хотя энергическіе, но молодые, мало знакомые съ осторожностію. Частыя сходбища этой партіи и излишняя болтливость Лестока обезпокоивали и Остермана, и мужа графини Екатерины Ивановны. Послѣдній, не скрывавшій отъ жены ни мыслей, ни чувствъ своихъ, конечно, подѣлился съ нею и сомнѣніями, его тревожившими, и планомъ, лично ему принадлежавшимъ—объ-

явить Анну Леопольдовну императрицею ([1]), что разомъ пресѣкло бы всѣ покушенія приверженцевъ цесаревны, правнучатной — по Нарышкинымъ — сестры графа Михаила Гавриловича ([2]). Не знаемъ, въ какой степени сочувствовала этому плану графиня Екатерина Ивановна. Но правительница согласилась съ предложеніемъ графа, — и былъ назначенъ день торжественнаго объявленія матери императора самодержавною императрицею. Партія цесаревны, извѣщенная объ этомъ, увидѣла себя въ большой опасности, а планы и намѣренія свои — почти разрушенными. Дѣйствія этой партіи, вообще не отличавшіяся осторожностію, стали теперь походить на отчаянныя и, слѣдовательно, еще менѣе могли укрыться отъ бдительнаго вниманія сторонниковъ Анны Леопольдовны, благополучіе которыхъ было уже тѣсно связано съ судьбою правительницы. Да и сама правительница не переставала получать предостереженія то отъ мужа своего, принца Антона-Ульриха, не пользовавшагося большою довѣренностію жены, то отъ Остермана, старавшагося, изъ собственнаго самосохраненія, открыть глаза принцессѣ, то, наконецъ, изъ-за границы, откуда письменно извѣщали правительницу о всѣхъ подробностяхъ тайнаго заговора. Но добрая принцесса не обращала на все это никакого вниманія. Непонятное равнодушіе и такая же довѣрчивость царственной племянницы нашей графини простирались до того, что, напримѣръ, выслушивая Остермана, со всѣми подробностями повѣствовавшаго ей о происходившемъ, Анна Леопольдовна, вмѣсто отвѣта, показывала растревоженному вельможѣ платьице, только что сшитое для маленькаго императора.

Совѣтники правительницы начали рѣдѣть. Остерманъ, от-

([1]) «Замѣч. на Зап. Манштейна», см. «Отеч. Зап.» 1829 г., ч. XXXVIII, стр. 14.

([2]) Акулина Ивановна Раевская, прабабка графа Михаила Гавриловича по отцу, и Прасковья Ивановна Раевская, прабабка цесаревны Елисаветы Петровны по матери, — были родныя сестры.

чаявшись успѣть въ чемъ нибудь и предугадывая грустную для себя развязку, подалъ прошеніе объ увольненіи его къ заграничнымъ минеральнымъ водамъ. Кн. Черкасскій, уцѣлѣвшій при столькихъ перемѣнахъ, вошелъ и теперь въ сношенія съ партіею цесаревны. Его примѣру послѣдовалъ кн. Трубецкой, по первой женѣ своей, зять графа Михаила Гавриловича. Но прямодушный Михаилъ Гавриловичъ, съ немногими преданными правительницѣ людьми, не захотѣлъ отдѣлять судьбы своей отъ судьбы благодѣтельствовавшей ему Анны Леопольдовны и по вліянію ли жены, по собственному ли образу мыслей,—предпочелъ пользы жениной племянницы пользамъ своей правнучатной сестры. Между тѣмъ минула годовщина правленія Анны Леопольдовны, торжественно отпразднованная дворомъ въ домѣ виновника событія, Миниха ([1]), и наступило 24 ноября, день именинъ графини Екатерины Ивановны, долженствовавшій стать послѣднимъ днемъ случая и счастія графа Михаила Гавриловича.

Не думаемъ, чтобы графиня весело встрѣтила свой праздникъ. Мужъ ея, постоянно мучимый подагрою и хирагрою, страдалъ въ это время страшными головными болями и, передъ днемъ ангела жены, не спалъ уже нѣсколько ночей сряду. Къ тому же, если вѣрить очевидцу, кн. Шаховскому, хорошему знакомому Головкиныхъ, Михаилъ Гавриловичъ находился тогда подъ вліяніемъ сильнаго предчувствія близкой бѣды и «о себѣ угадывалъ, что должно ему нещастливу быть ([2])». Нездоровье графа не помѣшало, однакожь, множеству «ласкателей, милости снискателей и поздравителей» съ утра наполнить домъ

([1]) Домъ этотъ находился на мѣстѣ нынѣшняго Морскаго Кадетскаго корпуса и, по распоряженію славолюбиваго хозяина, былъ снаружи украшенъ изображеніями скованныхъ турокъ, знаменъ и проч. См. «Біографіи генералиссимусовъ и генералъ-фельдмаршаловъ», Бант-Каменскаго, и «Прогулку по С.-Петербургу», Бурьянова, изд. 1838 г., ч. I, стр. 175.

([2]) Записки кн. Як. Петр. Шаховскаго, изд. 1810 г., ч. I, стр. 67.

всѣми уважаемой имянинницы. Этого мало: большая часть гостей, «въ такомъ состояніи хозяина видя, почтительными и сожалительными о его болѣзняхъ видами и словами жертву являя, въ доказательство своихъ искреннихъ почтеній и любви, оставались въ домѣ его у имянинницы, *по введенной уже и тогда модѣ, безъ зову обѣдать*». Покоряясь деспотизму «моды», графиня должна была затаить снѣдавшее ее безпокойство, оставить на цѣлый день одиноко страдавшаго мужа и сосредоточиться единственно на обязанностяхъ привѣтливой и любезной хозяйки. И все это исполнила благодушная Екатерина Ивановна, привыкнувшая къ пожертвованіямъ,—исполнила, какъ слѣдуетъ. «Всѣ комнаты, свидѣтельствуетъ кн. Шаховской, окромѣ только той, гдѣ объятой болѣзнями и сожалѣнія достойной хозяинъ страдалъ, наполнены были столами, за коими какъ въ обѣдѣ, такъ и въ ужинѣ болѣе ста обоего пола персонъ, а по большой части изъ знатнѣйшихъ чиновъ и фамилій торжествовали, употребляя во весь день между обѣда и ужина, также и потомъ въ веселыхъ восхищеніяхъ танцы и русскую пляску съ музыкою и пѣснями, что продолжа съ удовольствіемъ до перваго часу за полночь по домамъ разъѣхались» (¹).

Свободная наконецъ отъ принужденной роли цѣлаго дня, Екатерина Ивановна поспѣшила къ мужу. Вице-канцлеръ, страдая отъ боли, не разсчитывалъ уснуть. Графиня расположилась не отходить отъ мужа всю ночь. Судьба рѣшила иначе.

Въ то самое время, какъ въ домѣ Головкиныхъ близилось къ концу имянинное пиршество, цесаревна, въ сопровожденіи Лестока, Воронцова, Шувалова, Разумовскаго и Салтыкова, отправилась изъ своего дворца (²) на Преображенскій полковой дворъ. Тутъ дѣло не затянулось. Гренадеры, восхищенные прибытіемъ къ нимъ дочери Петра, вообще обожаемой войсками,

(¹) Тамъ же, стр. 68—69.

(²) Дворецъ цесаревны былъ тогда у Царицына луга и стоялъ прямо противъ Лѣтняго сада.

радостно окружили цесаревну, цѣловали ея руки и платье, съ нетерпѣливымъ усердіемъ выслушали сказанную ею короткую рѣчь, дружно крикнули: «да здравствуетъ матушка Елисавета Петровна!» и тутъ же присягнули Елисаветѣ.

Отсюда императрица прибыла въ Зимній дворецъ. Принцессу, вмѣстѣ съ мужемъ ея, перевезли во дворецъ цесаревны. Малютка императоръ продолжалъ спать въ своей колыбели. Его пробужденія ожидали въ почтительномъ молчаніи. Проснулся наконецъ и онъ. Тогда его также отвезли во дворецъ цесаревны. Важная государственная перемѣна, совершенная нѣсколькими лицами, удалась какъ нельзя лучше и обошлась безъ малѣйшаго пролитія крови (¹).

Но безрадостно проводила и горько окончила эту ночь, ужасную для супруговъ Головкиныхъ, тетка Анны Леопольдовны, наша графиня. Сидя подлѣ страдающаго мужа, Екатерина Ивановна успокоивала, какъ могла, мрачныя предчувствія графа, когда, среди безмолвія объятаго сномъ дома, неожиданно раздались въ парадныхъ покояхъ чьи-то шаги и, вмѣстѣ съ стукомъ ружейныхъ прикладовъ, замиравшимъ въ персидскихъ коврахъ, приблизились къ комнатѣ супруговъ. Предчувствія графа слишкомъ сбылись. Передъ нимъ стояли 25 преображенскихъ гренадеровъ, и начальникъ этого отряда, именемъ *императрицы* Елисаветы Петровны, объявлялъ графу арестъ и высочайшее повелѣніе слѣдовать за нимъ. Ослабленный болѣзнью, графъ Михаилъ Гавриловичъ растерялся совершенно и почти въ безпамятствѣ тотчасъ же отвезенъ во дворецъ бывшей цесаревны. Положенія графини Екатерины Ивановны мы не беремся описывать. Скажемъ только, что, по распоряженію Лестока, отряды, равночисленные посѣтившему такъ несвоевременно домъ

(¹) Событіе ночи съ 24 на 25 ноября 1741 г., а также исходъ заговора сторонниковъ цесаревны, изложенъ подробно въ нашей статьѣ: «Графъ Лестокъ». См. Отечествен. Зап. 1866.

супруговъ Головкиныхъ, были тогда же командированы съ одинаковымъ порученіемъ въ домы Миниха, Остермана, Левенвольда, Менгдена и другихъ приверженцевъ принцессы. Къ утру всѣ захваченные были свезены туда же, гдѣ находился графъ Михаилъ Гавриловичъ, и здѣсь разсажены по разнымъ покоямъ, съ особымъ карауломъ у каждаго.

Не замѣчала наступленія этого утра бѣдная графиня, все еще полная впечатлѣніями ужасной ночи; не смотрѣла и не видѣла она, какъ бѣжали народныя толпы въ сторону дворца, не слыхала кликовъ ликующихъ гвардейцевъ, грѣвшихся у разложенныхъ передъ дворцомъ костровъ, не участвовала въ дворцовомъ собраніи этого утра, куда спѣшили являться съ поздравленіями всѣ вчерашніе ея гости. Подавленная горемъ, подобнаго которому не доводилось еще ей испытывать, графиня впервые такъ грустно одиночествовала въ своихъ роскошныхъ палатахъ и рвалась душою въ тѣсное заключеніе, гдѣ отъ душевныхъ и тѣлесныхъ страданій изнывалъ несчастный вице-канцлеръ. Но къ арестантамъ никого не пускали.

Въ тотъ же день объявлено краткимъ манифестомъ о воцареніи Елисаветы; а чрезъ три дня, 28 ноября, послѣдовалъ другой манифестъ, въ которомъ то же событіе излагалось со всѣми объясненіями и оглашались преступленія главнѣйшихъ арестантовъ. О графѣ Михаилѣ Головкинѣ говорилось, что имъ «*сочинено нѣкоторое отмѣнное о наслѣдствіи Имперіи опредѣленіе*». Дня два спустя приступили къ описыванію имущества арестованныхъ, и положеніе графини, безъ того горестное, значительно ухудшилось непріятностями и безпокойствами, сопряженными съ процессомъ подобнаго описыванія. Богатый домъ супруговъ Головкиныхъ, ежедневно наполняясь приказными, съ каждымъ днемъ пустѣлъ и бѣднѣлъ болѣе и болѣе. Всѣ убранства его забраны въ канцелярію конфискаціи. Лица, служившія въ этомъ учрежденіи, вдоволь напрактиковались при Биренѣ и, дѣйствительно, знали свое дѣло отлично. Не жалѣя множества

листовъ необычайно сѣрой бумаги, они съ удивительною точностію расписали всѣ комнатные образа, съ ихъ цатами и привѣсами, всѣ баулы и шкатулки, окованные желѣзомъ и оклеенные бархатомъ, со спрятанными въ нихъ складнями, перстнями, серьгами; перечислили золотую и серебряную посуду, показавъ, что въ ней гладкое, чеканное и рѣзное; безошибочно раздѣлили фарфоры на китайскіе, японскіе и нѣмецкіе; приложили къ каждой вещи и вещицѣ, къ оловянной и хрустальной посудѣ, объясненіе, большая она или малая, рѣзная или гладкая, съ крышкою или безъ крышки; подробно поименовали всѣ кафтаны, камзолы и прочія принадлежности туалета Михаила Гавриловича, и парчевые, и суконные, и шелковые, и шитые золотомъ и серебромъ, и обложенные позументомъ, при чемъ отмѣтили о епанчахъ, съ рукавами онѣ, или безъ рукавовъ; дорылись до камортковаго и голландскаго бѣлья вице-канцлера, нашли въ немъ кисейные и другіе галстухи, нѣмецкіе и русскіе кружевные манжеты; вѣрнѣйшимъ образомъ разобрали мѣха: собольи, рысьи, куньи, лисьи, означивъ самые сорты ихъ: хребтовый, черевій, лапчатый, лобковый. Всего этого у графа Михаила Гавриловича было въ волю и работы было много. Но, тѣмъ не менѣе, чиновники усердно допытывались у самой графини, нѣтъ ли еще въ домѣ или внѣ дома какихъ нибудь алмазныхъ искръ не въ дѣлѣ, и сколько, жемчуговъ персидскихъ съ бурмицкими, счетомъ же; коробокъ китайскаго золота и проч. Графиня, равнодушная ко всему, кромѣ судьбы мужа, не дорожила ничѣмъ, отдавала все и обрадовалась, на сколько можно было радоваться въ ея положеніи, когда увидѣла себя опять одну въ обнаженныхъ стѣнахъ опустѣвшихъ комнатъ.

Извѣстіе о назначеніи въ казну самаго дома нисколько не подѣйствовало на графиню, все вниманіе которой было болѣзненно устремлено на ходъ дѣлъ грозной коммиссіи, наряженной для сужденія графа Михаила Гавриловича и всѣхъ товарищей его несчастія. Въ этомъ случаѣ, много недобраго предвѣщало

графинѣ то обстоятельство, что предсѣдателемъ судной коммиссіи былъ генералъ прокуроръ кн. Никита Юрьевичъ Трубецкой, давнишній недоброжелатель родственнаго ему графа Михаила Гавриловича, а въ числѣ членовъ присутствовалъ генералъ Ушаковъ, извѣстный исполнитель казней Бирена (¹). Судъ происходилъ въ бывшемъ дворцѣ цесаревны, гдѣ содержались преступники. Процедура тянулась два мѣсяца и сердце графини изболѣло.

Наконецъ, участь несчастныхъ была рѣшена. Коммиссія произнесла свой приговоръ — и 16 января 1742 г. состоялся слѣдующій сенатскій указъ, адресованный преимущественно къ жителямъ Петербурга: «Объявляется во всенародное извѣстіе: Понеже, по указу ея императорскаго величества, нѣкоторымъ людямъ, за важныя и противу государственнаго покоя учиненныя вины, сего генваря 18 числа, по полуночи въ десятомъ часу, на Васильевскомъ острову, противу коллегій, чинена будетъ экзекуція, того ради чрезъ сіе объявляется во всенародное извѣстіе, чтобъ всякаго чина люди о семъ вѣдали и, для смотрѣнія, означеннаго числа, въ томъ часу, приходили на оное мѣсто» (²)

Въ назначенный день, площадь передъ коллегіями кипѣла народомъ. По срединѣ возвышался эшафотъ, съ лежавшими на немъ двумя топорами и двумя плахами. Вокругъ эшафота стояла гвардія. Въ десятомъ часу утра, прибыли на площадь преступники, привезенные изъ крѣпости въ простыхъ саняхъ, подъ сильнымъ конвоемъ. Всѣ они обросли бородами и были одѣты кое въ чемъ, кромѣ Миниха, гладко выбритаго и красовавшагося въ щегольскомъ аломъ плащѣ. Остермана, закутаннаго въ халатъ и больнаго подагрою, держали на носилкахъ. Началось

(¹) Въ этой коммиссіи засѣдали еще: генералъ Левашовъ, оберъ-шталмейстеръ кн. Куракинъ, дѣйств. тайн. сов. Нарышкинъ, стат. сов. Эмме и совѣтн. Дивовъ, вѣроятно, родичъ Головкиныхъ.

(²) Дѣла государственнаго архива. Кн. о ссыльн. 1742 года.

чтеніе приговоровъ, весьма продолжительное. Бывшій графъ Михаилъ Головкинъ осуждался за участіе въ сочиненіи проэкта объ удаленіи Елисаветы Петровны отъ престола. По окончаніи чтенія, Остерману объявлена милость:—измѣненіе казни колесованіемъ въ казнь отсѣченіемъ головы,—и знаменитаго старика встащили на эшафотъ. Уложивъ голову преступника на плаху, палачъ отстегнулъ воротъ его рубахи, загнулъ воротникъ шлафрока и обнажилъ ему шею. Пробывъ съ минуты въ такомъ ужасномъ положеніи, Остерманъ узналъ, что ему дарована жизнь въ вѣчной ссылкѣ, кивнулъ головой, тотчасъ же потребовалъ свой колпакъ и парикъ и хладнокровно застегнулся. Остальныхъ преступниковъ не взводили на эшафотъ, объявили имъ ту же ссылку и отвезли ихъ въ крѣпость. Гвардія ушла, эшафотъ начали ломать, народъ разбрелся ([1]).

Графиня пережила ужасныя сутки, но пережила. Немудрено, что она, страшно пересиливая себя, была и на площади, передъ коллегіями, чтобъ еще разъ, хоть издали, взглянуть на своего несчастнаго друга, быть можетъ, встрѣтиться съ нимъ глазами и перелить въ него часть бодрости, которой такъ замѣтно недоставало бывшему счастливцу. Такое предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что всѣ авторы и источники, повѣствующіе о событіяхъ зимы 1741 — 1742, отдаютъ полную справедливость твердости и мужеству графини Екатерины Ивановны и, напротивъ, единогласно говорятъ о паденіи духа и унынiи бывшаго вице-канцлера. Графъ Михаилъ Гавриловичъ и самъ сознавался, что «прямой тягости бѣдъ сносить силъ не имѣетъ» ([2]). И когда вѣсть о вѣчной ссылкѣ Головкина коснулась слуха его жены, графиня Екатерина Ивановна ожила надеждою раздѣлить изгнаніе мужа, одушевилась единымъ желаніемъ послужить дорогому страдаль-

---

([1]) См. «Царствованіе Елисаветы Петровны», Ведемейера, изд. 1849, ч. I, стр. 9, и донесеніе англійскаго резидента въ Петербургѣ, г. Финча (Finch), своему двору, отъ 7/19 февр. 1742 г.

([2]) См. Записки кн. Шаховскаго, ч. I, стр. 114.

цу опорою, тотчасъ же почувствовала себя готовою на всякій подвигъ и съ восторгомъ узнала, что женамъ преступныхъ вельможъ дозволено, «ежели похотятъ» ([1]), слѣдовать за мужьями. За себя графиня была уже почти счастлива, страданія свои считала вполнѣ вознагражденными. Въ это самое время, императрица, прислала сказать графинѣ Головкиной, что, не причастная преступленіямъ мужа, графиня сохраняетъ званіе статсъ-дамы, остается при всѣхъ своихъ правахъ и можетъ свободно пользоваться ими, гдѣ и какъ угодно. Графиня отвѣтила, не задумываясь: «*На что мнѣ почести и богатства, когда не могу раздѣлять ихъ съ другомъ моимъ? Любила мужа въ счастіи, люблю его и въ несчастіи, и одной милости прошу, чтобы съ нимъ быть не разлучно*» ([2]). Великодушная просьба добродѣтельной жены исполнена; сборы Екатерины Ивановны были не велики, и знакомецъ Головкиныхъ, кн. Шаховской, имѣвшій порученіе отправить преступниковъ изъ С.-Петербурга, въ тотъ же день прислалъ графинѣ указное число ямскихъ подводъ, всего 12 ([3]), «для забранія опредѣленнаго багажа» ([4]). Послѣдній, дѣйствительно, былъ *опредѣленъ* во всѣхъ подробностяхъ, какъ показываетъ это слѣдующій любопытный «реэстръ», по которому «для бывшихъ графовъ Остермана, Миниха, Головкина» барона Менгдена и на женъ ихъ и дѣтей господамъ офицерамъ, опредѣленнымъ въ домѣхъ ихъ къ описи пожитковъ ихъ, «повелѣвалось» отпустить отправляющимся при нихъ офицерамъ и урядникамъ:

Платья.

Мужскаго, изъ простыхъ, крѣпкихъ, на каждую персону по четыре пары.

([1]) Слова указа 22 января 1742 года.

([2]) См. Словарь Бант.-Каменскаго и «Русскую Старину», Мартынова, ч. IV, стр. 49.

([3]) Дѣла Государственнаго Архива. Кн. о ссыльн. 1742 г.

([4]) Записки кн. Шаховскаго I. 101.

Женскаго, изъ простыхъ же шелковыхъ матерій и шлафорковъ и подшлафорковъ, съ принадлежащимъ исподнимъ, на персону по четыре-жъ пары.

Кромѣ того, что уже понынѣ на нихъ имѣется.

Бѣлья:

Сорочекъ, какъ мужескому, такъ и женскому полу, по двѣ дюжины на персону.

Скатертей на фамилію по одной дюжинѣ, къ тому салфетокъ, изъ ординарныхъ, по шести дюжинъ на фамилію.

Простынь и наволокъ на постели и на подушки по дюжинѣ на персону, изъ простыхъ же.

На каждую персону по перинѣ, съ изголовьями и подушками.

Одѣялъ каждому по два: одно теплое, другое холодное.

По полудюжинѣ на каждую же персону колпаковъ.

По двѣ теплыя шапки.

По шлафорку.

По одной домашней шубѣ или по тулупу.

По одной дорожной большой шубѣ и по епанчѣ.

Платковъ по двѣ дюжины.

Обуви полдюжины или сколько у кого сыскаться можетъ.

Которые люди при нихъ поѣдутъ (1), тѣмъ ихъ людское платье отдать, что при нихъ есть.

Посуды столовой оловянной на фамилію:

Блюдъ разныхъ мелкихъ и глубокихъ по одной дюжинѣ.

Тарелокъ по три дюжины.

Ложекъ по одной дюжинѣ серебряныхъ.

Ножей простыхъ по одной дюжинѣ.

Шандаловъ мѣдныхъ по двѣ пары.

Чайной приборъ, мѣдный или оловянный одинъ.

---

(1) Т. е. собственная прислуга. О ней ниже.

Посуды поваренной:

Кострюлей по шести.

Котловъ по три.

Сковородъ по двѣ.

И къ тому принадлежащее безъ излишества, что по службѣ будетъ потребно, отпустить господамъ офицерамъ по своему разсмотрѣнію.

Если же изъ вышеписаннаго всего, кромѣ платья, чего кому въ своемъ домѣ не сыщется, то взять изъ другаго дома заарестованныхъ же персонъ; а буде ни въ которомъ домѣ чего не достанетъ, то купить и отдать.

Сани всѣмъ тѣмъ персонамъ дать, сколько будетъ потребно, обыскавъ во всѣхъ тѣхъ персонъ домѣхъ (1).

Независимо отъ этихъ предметовъ первой необходимости, «учрежденная у описи заарестованныхъ бывшихъ графа Остермана и прочихъ пожитковъ коммиссія», въ тотъ же день, 18 января, предписала одному изъ своихъ членовъ, гвардіи капитанъ-поручику Амплею Шепелеву, описывавшему пожитки бывшаго графа Головкина, «позволить женѣ его (графинѣ) взять съ собою освященный въ домѣ ихъ антиминсъ, да изъ образовъ, *сколько пожелаетъ*. И сколько ею взято будетъ, и съ какими уборами, о томъ подать въ Правительствующій Сенатъ рапортъ». Исполнивъ немедленно первую половину предписанія, Шепелевъ, въ силу второй, представилъ Сенату слѣдующій «реэстръ образамъ, которые отпущены съ графинею Головкиною:

1) Образъ Спасителевъ штплистовой, окладъ и риза кованыя золотыя, съ вѣнцомъ золотымъ же; подпись черневая.

2) Образъ Богоматери, окладъ и вѣнецъ серебряные и вызолочены; риза и убрусъ вынизаны жемчугомъ, съ лаликами (2) и

(1) Дѣла госуд. архива.

(2) Лалъ, или Лалнъ, — старинное русское названіе краснаго яхонта или рубина.

изумрудцами; въ главѣ два алмазца малые; подъ онымъ образомъ подложено голубымъ атласомъ.

3) Образъ Николая Чудотворца, на кипарисѣ; окладъ и вѣнецъ золотые; оной образъ небольшой.

4) Образъ маленькой Спаса нерукотвореннаго, въ кіотѣ серебряномъ; на немъ окладъ и вѣнецъ серебряные, вызолоченые; кругомъ вѣнца обнизано крупнымъ и мелкимъ жемчугомъ; на затворѣ вырѣзанъ образъ Знаменія Пресвятыя Богородицы и вызолоченъ.

5) Образъ маленькой Смоленской Богородицы, въ кіотѣ серебряномъ; окладъ серебряной и вызолоченъ, а вѣнчикъ рѣзной золотой, съ чернью; у онаго образа вѣнчикъ Богоматери переломленъ.

Освященной антиминсъ изъ домовой его, Головкина, церкви ([1])».

Добровольную ссылку графини Екатерины Ивановны, по росписанію правительственному, долженствовали раздѣлить: «поваровъ 2, для служенія людей мужеска и женска полу 4 человѣка» ([2]) — вѣроятно, по выбору самой графини или ея мужа. — Содержаніе падшихъ величій, осужденныхъ 18 января 1742 г., опредѣлялось повелѣніемъ: «имъ и женамъ ихъ и дѣтямъ, въ пути и тамо (т. е. на мѣстѣ ссылки), давать кормовыхъ на каждую мужеска и женска полу персону по одному рублю на день, да на людей (прислугу), мужеска и женска полу, каждому человѣку по 10 копѣекъ на день» ([3]). Каждая ссылаемая «фамилія» ввѣрялась сопровожденію до мѣста назначенія и бдительному надзору особаго конвоя: «изъ гвардіи по одному оберъ-офицеру, по одному капралу и 8 человѣкъ солдатъ» ([4]). Конвойнымъ офицеромъ при «фамиліи» Головкиныхъ наряженъ

([1]) Дѣла Государ. Архива.

([2]) Госуд. Арх. кн. о ссыл. 1742 г.

([3]) Тамъ же.

([4]) Тамъ же.

конной гвардіи подпоручикъ Магнусъ Берхъ, который ночью на 18 января росписался въ принятіи отъ кого слѣдуетъ бывшаго графа Головкина, днемъ 18 января, получилъ изъ штатсъ-конторы: 473 р. 20 к. на полугодовое содержаніе своихъ арестантовъ и 500 р. на прогоны и довольствіе своей конвойной командѣ, а ночью на 19 января — былъ уже готовъ къ отъѣзду.

За часъ до послѣдняго, кн. Шаховской ввелъ графиню Головкину, одѣтую по дорожному, въ крѣпость. Здѣсь, послѣ ночи на 25 ноября, графиня Екатерина Ивановна впервые увидѣла лицомъ къ лицу своего Михаила Гавриловича — и сердце ея сжалось. Несчастный графъ сидѣлъ неподвижно, стоная отъ мучившихъ его подагры и хирагры, уже не владѣя лѣвою рукою. Долгіе, запущенные волосы, длинная борода, обрамливавшая исхудалое лицо, лишенное природнаго румянца, слабый и унылый видъ дѣлали Михаила Гавриловича не похожимъ на себя ([1]). Душа нѣжной супруги была растерзана такимъ зрѣлищемъ; но графиня скрѣпилась, и ни одна слеза не измѣнила ей. Графъ, рыдая, какъ ребенокъ, цѣловалъ руки вѣрной спутницы его счастія и несчасія. Лицо кн. Шаховскаго, стоявшаго тутъ же, «покрылось наибольшими видами печали» ([2]). Эта тяжелая сцена длилась, пока не вошелъ Берхъ, объявить князю, что къ отправленію Головкиныхъ все готово. Тогда Михаила Гавриловича вынесли на рукахъ, бережно положили съ постелью въ сани, великодушная супруга сѣла подлѣ изгнанника, и грустный поѣздъ, сопровождаемый конвоемъ, выбравшиеь за крѣпостныя стѣны, исчезъ въ морозномъ мракѣ январской ночи.

Тѣмъ же самымъ порядкомъ Шаховской отправилъ Остермана, Миниха, Левенвольда и другихъ ([3]).

---

(1) Записки кн. Шаховскаго, ч. I, стр. 113. Шаховской называетъ графа «добродѣтельнымъ, истиннымъ патріотомъ».

(2) Тамъ же, стр. 114.

(3) Гр. Марѳа Ивановна Остерманъ, урожденная Стрѣшнева, графиня Минихъ, урожд. Мальцанъ, бывшая гофмейстерина цесаревны Елисаветы

На третій день по удаленіи всѣхъ этихъ лицъ изъ Петербурга, вышелъ манифестъ, всенародно и подробно излагавшій преступленіе каждаго изъ сосланныхъ вельможъ.

Вотъ что говорилось въ этомъ манифестѣ собственно о графѣ Головкинѣ: «Бывшій вице-канцлеръ Михайла Головкинъ по вышеписанному въ перемѣнѣ сукцессіи дѣлу былъ первымъ зачинщикомъ; ибо еще въ то время, когда принцесса Анна въ правительство вступила, и какъ онъ по выздоровленіи отъ своей тогдашней болѣзни пріѣхалъ къ ней тѣмъ поздравить, тогда ей притомъ представилъ, что де сожалѣтельно есть, что въ нѣкоторыхъ при томъ учрежденіи наслѣдства пунктахъ недовольно изъяснено, а особливо, что де о принцессахъ (то есть могущихъ родиться дочеряхъ Анны Леопольдовны) не упомянуто; и отъ того онаго Головкина представленія, предъ недавнымъ временемъ приказала принцесса Анна ему по тому дѣлу съ Андреемъ Остерманомъ имѣть сношеніе, почему написалъ проэктъ, чтобъ представить въ кабинетъ къ разсужденію, о бытіи раждаемымъ отъ принцессы Анны принцессамъ наслѣдницами россійскаго престола, да при томъ же внесъ и другое свое мнѣніе, которое въ такой же силѣ написано было, какъ и проэктъ; и тѣ проэктъ и мнѣніе послалъ къ принцессѣ Аннѣ. А въ проэктѣ между прочимъ показано было, чтобъ въ такомъ случаѣ, какъ регенту избраніе на россійскій престолъ сукцессора предписано, собраніе учинить неприлично, но быть бы принцессѣ Аннѣ самой императрицею ([1]), чемъ де всѣ сумнительства, которые впредь произойти могутъ (разсуждая то съ стороны Нашего Император-

---

Петровны, и баронесса Христина Менгденъ, урожд. Вильдеманнъ, къ чести ихъ, послѣдовали за мужьями. Менгденъ и умерла въ Сибири. Но ни одна изъ этихъ примѣрныхъ женъ, достойныхъ памяти въ потомствѣ, не могла ни по состоянію, ни по положенію въ обществѣ сравнить своего пожертвованія съ пожертвованіемъ нашей графини.

([1]) Еще въ манифестѣ 28 ноября 1741 г. было помѣщено, что «юная принцесса сама себѣ титулъ, ни мало ей не принадлежащей, великой княгини всероссійской, придать *не устыдилася*».

скаго Величества) пресѣкутся. И то де писалъ онъ Головкинъ въ такомъ мнѣніи, что ежелибъ принцъ Іоаннъ скончался, а другова принца не было, тобъ вмѣсто того, чтобъ во ожиданіи другова принца неизвѣстному правительство имѣть, разсуждалъ приличнѣе быть ей самой императрицею, въ чемъ, что онъ принцессу Анну такимъ образомъ императрицею причелъ, и Насъ отъ наслѣдства безбожно и противъ всего свѣта законовъ отлучить намѣренъ былъ, оной Головкинъ призналъ себя виннымъ. Онъ же будучи у принцессы Анны на и въ ближайшей конфиденціи, и видя въ выдачѣ казенныхъ денегъ немалыя суммы ей принцессѣ, о томъ никогда не представлялъ, и тѣмъ по присяжной своей должности такому напрасному казнѣ расточенію не предупредилъ» (¹).

Манифестъ заключался разпредѣленіемъ преступниковъ въ мѣста ссылки: Остерманъ назначенъ въ Березовъ, Минихъ — въ Пелымъ (²), Левенвольдъ — въ Соликамскъ, Менгденъ — въ

(¹) Манифестъ 22 янв. 1742 года. Прочіе преступники обвинялись: Остерманъ — въ утаеніи, при сочиненіи имъ духовной Анны Ивановны, правъ Елисаветы Петровны на престолъ, завѣщанныхъ Екатериною I, въ составленіи проэкта о выдачѣ цесаревны Елисаветы въ замужество за какого нибудь иноземнаго принца и во всемъ томъ, что сказано о Головкинѣ; Минихъ—въ нарушеніи присяги исполнить завѣщаніе Екатерины I и въ способствованіи къ назначенію Бирена регентомъ; Левенвольдъ—въ желаніи видѣть правительницу императрицею; Менгденъ—въ томъ же и, какъ президентъ коммерцъ-коллегіи, въ злоупотребленіяхъ по отпуску за границу хлѣба; Тимирязевъ — въ сочиненіи манифеста о наслѣдованіи престола дочерямъ принцессы. Кромѣ главнѣйшихъ преступниковъ, въ дѣлѣ ихъ замѣшаны и болѣе или менѣе пострадали: сынъ Миниха, оберъ-гофмейстеръ (лишенъ званія, орденовъ, посланъ на житье въ деревню, «какую *дадутъ ему*»); ген.-лейт. Хрущевъ (пониженъ въ ген.-майоры); тайн. сов. Стрѣшневъ (лишенъ чиновъ, наказанъ плетьми, отправленъ въ деревню); дѣйст. ст. сов. Яковлевъ (разжалованъ въ гарнизонные писари); гвардіи секундъ-маіоръ Чичеринъ; подполк. Грамотинъ, директоръ канцеляріи принца; конной гвардіи подпоручикъ Нодгофтъ и другіе.

(²) По прибытіи въ Пелымъ, фельдмаршалъ попалъ на житье въ тотъ самый домъ, который, *по собственноручному чертежу его,* былъ вы-

Колымской острогъ; о Тимирязевѣ сказано глухо: «въ Сибирь»; на долю Головкина выпалъ Германгъ.

Но Головкины, какъ всѣ товарищи ихъ несчастія, еще не знали мѣста своей ссылки, которое не объяснилось для нихъ и 27 января, т. е. недѣлю спустя, когда императрица Елисавета, по словесному прошенію вдовы графини Анны Гавриловны Ягужинской, сестры Михайла Гавриловича, указала: «объявленныя оною графинею лекарства отослать къ бывшему вице-канцлеру графуГоловкину съ нарочнымъ». Милость эту правительствующій сенатъ формулировалъ распоряженіемъ: «Объявленныя отъ оной графини Ягужинской лекарства отправить къ оному Головкину тѣмъ трактомъ, которымъ онъ, Головкинъ, повезенъ, съ нарочнымъ изъ сената солдатомъ ([1]), давъ ему двѣ почтовые, а гдѣ оныхъ нѣтъ, то ямскіе, а буде и ямскихъ нѣтъ, то уѣздные подводы. И для того дать ему для почтовыхъ и ямскихъ бланкетъ, а на уѣздные съ прочетомъ указъ. А прогонные деньги, надлежащее число, выдать изъ штатсъ-конторы до самаго того мѣста, куда оной Головкинъ посланъ, съ возвратомъ (т. е. въ оба конца)» ([2]). Предполагалось, слѣдовательно,—по крайней мѣрѣ, правительствующимъ сенатомъ, — что бывшій графъ Головкинъ везется въ то мѣсто, «куда онъ посланъ», съ надлежащею, почти недосягаемою быстротою. Не то было на самомъ дѣлѣ.

Миновавъ Москву, родную Екатеринѣ Ивановнѣ, Головкины проѣхали Владиміръ и Нижній Новгородъ; взглянули на Козмодемьянскъ и Чебоксары, до того, быть можетъ, ими неслыханные; прослѣдовали историческую Казань; увидѣли Малмыжъ, какъ образчикъ Вятскаго края, тогда еще слывшаго

строенъ для Бирона. А бывшаго регента императрица тогда же перевела въ Ярославль. Есть преданіе, что оба соперника, слѣдуя каждый къ своему новому мѣсту жительства, встрѣтились гдѣ-то, молча взглянули другъ на друга, взаимно поклонились и разъѣхались.

([1]) Сергѣемъ Ростопчинымъ.

([2]) Госуд. Арх. кн. о ссыл. 1742 г.

въ просторѣчіи Хлыновскимъ, познакомились съ Оханскомъ, Пермью, Кунгуромъ, Екатеринбургомъ; собственными боками изведали, что значитъ переѣздъ до Шадринска, потомъ до Тюменя, и почти обрадовались Тобольску, куда Берхъ привезъ Головкиныхъ 7 марта. — Здѣсь, въ Тобольскѣ, за справками въ мѣстной канцеляріи и починками обоза Головкиныхъ, Берхъ прожилъ недѣлю, въ теченіе которой супруги Головкины узнали, что мѣстомъ ихъ вѣчнаго пребыванія опредѣленъ *Ермангъ*, —острогъ, лежащій за Якутскомъ, на рѣкѣ Колымѣ въ 11,278 верстахъ отъ Петербурга, подъ 67° Сѣвер. шир.

«Сей острогъ—разсказываетъ посѣщавшій его въ 1787 году флота капитанъ Сарычевъ — назывался прежде *Ярмонка*, по причинѣ собиравшихся въ немъ, для торгу, всѣхъ окрестныхъ жителей, какъ-то тунгусовъ, якутовъ и юкагирей. Съ якутскими купцами и казаками мѣняли они, на мелочные товары и табакъ, кожи разныхъ звѣрей, лисицъ, выдръ, россомахъ, горностаевъ, бѣлокъ, болѣе же всего соболей, которыхъ по Колымѣ ловилось чрезвычайно много, такъ что годовой пошлины собиралось въ казну до девяноста сороковъ соболей, полагая одного съ десяти; почему и называлось это *десятинная подать*. Теперь соболиныхъ промысловъ не стало, потому, что соболей по Колымѣ совсѣмъ нѣтъ; отчего рушилась и ярмонка» ([1]).

Этотъ же острогъ, основанный въ видѣ зимовья, около половины XVII в. ([2]), назывался прежде *собачьимъ* ([3]), въ 1727 г.

([1]) Путешествіе флота капитана Сарычева по сѣверовосточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, съ 1785 по 1793 г. Изд. 1802 г., ч. I, стр. 74—75.

([2]) Рѣка Колыма открыта въ 1644 г. якутскимъ казакомъ Михаиломъ Стадухинымъ, который тогда же основалъ на лѣвомъ ея берегу, верстахъ во 100 отъ устья, Нижнеколымскій острогъ. См. Миллерово «Описаніе морскихъ путешествій по Ледовитому и по Восточному морю, съ россійской стороны учиненныхъ», въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ 1758 г., январь, стр. 14.

([3]) «Ссылка въ Восточную Сибирь замѣчательныхъ лицъ (1645—1762)», И. Сельскаго «Русское Слово», 1861. № 8, отд. I, стр. 15. Сличая это

писался Армангомъ (1), и съ 1803 сдѣланъ главнымъ пунктомъ одного изъ семи Земскихъ коммиссарствъ Якутскаго уѣзда Иркутской губерніи, при чемъ получилъ именованіе *Среднеколымска* (2), а съ 1822 г. числится заштатнымъ городомъ Якутской области (3).

Въ полномъ невѣдѣніи о томъ, что такое *Ермангъ*, Головкины, 13 марта, были вывезены изъ Тобольска и, 4 апрѣля, доставлены тѣмъ же Берхомъ въ Томскъ, откуда Берхъ, по вычинкѣ мостовъ однимъ изъ мѣстныхъ боярскихъ дѣтей, 29 мая повезъ своихъ арестантовъ далѣе. Прибывъ съ ними, 17 іюля, въ Красноярскъ, Берхъ немедленно занялся изготовленіемъ судовъ для слѣдованія р. Енисеемъ, но Михаилъ Гавриловичъ, 20 іюля, занемогъ сильными припадками подагры и хирагры, которые не прекращались около мѣсяца, задерживая Берха на мѣстѣ.—Не ранѣе 18 августа тронулся Берхъ изъ Красноярска и, доплывъ Енисеемъ до устья р. Тунгузки, не рѣшился, за порогами, подниматься Тунгузкою до г. Илимска, но предпочелъ спуститься въ низъ къ г. Енисейску, куда и прибылъ съ своими арестантами 1 сентября. Отсюда Берхъ предполагалъ было

показаніе съ разсказомъ Сарычева, невольно спрашиваешь себя: не ошибся ли г. Сельскій, прочитавъ на антиминсѣ Покровской церкви Среднеколымскаго острога *Собачій*, вмѣсто *Соболій*? Впрочемъ, ни того, ни другаго изъ этихъ названій,—мы не нашли ни въ какихъ, намъ извѣстныхъ, архивныхъ документахъ.

(1) «Отъ рѣки Алазги по рѣкѣ Колымѣ—гласятъ каммеръ-коллежскія табели 1727 г.—второе зимовье *Арманга* и Амерское, въ которомъ церковь одна; разстояніемъ то зимовье отъ Верхняго Колымскаго внизъ двѣ недѣли; кочуетъ юкагирскій народъ; лучниковъ человѣкъ со 100». См. Цвѣтущее состояніе Всероссійскаго государства etc., составл. изъ сенатскихъ архивовъ оберъ-секретаремъ Ив. Кирилловымъ въ 1727 г. Изд. 1831 г., ч. II, стр. 97.

(2) Новѣйшія повѣствованія о Восточной Сибири, Н. Семивскаго. 1817. Стр. 161 и примѣч. № 30.

(3) «Изслѣдованія о городахъ русскихъ (Общій списокъ русскихъ городовъ)», К. Неволина, въ «Журналѣ Мин. Внутр. Дѣлъ», 1844 г., ноябрь и декабрь, стр. 73.

отправиться первозимкомъ въ Якутскъ; но, получивъ отъ флотскаго лейтенанта Лаптева извѣщеніе, что санная дорога отъ Енисейска продолжается только до с. Сполошнаго, т. е. на 1130 верстъ, а далѣе тянется единственно верховая, отложилъ выѣздъ свой изъ Енисейска до послѣдняго зимняго пути, съ тѣмъ, чтобъ поспѣть на р. Лену ко времени ея вскрытія и уже Леною плыть до Якутска. «Иначе — доносилъ Берхъ сенату — пришлось бы на Ленѣ ждать вскрытія и, быть можетъ *помереть съ голоду*, за крайней скудостью провіанта» (1). Оставшись, такимъ образомъ, до времени въ Енисейскѣ, Берхъ и его арестанты не замедлили быть свидѣтелями сцены, ярко обрисовавшей и административные порядки, и мѣстные нравы городовъ тогдашней Сибири. Сцена произошла вслѣдствіе того, что Берхъ, недовольный помѣщеніемъ, отведеннымъ енисейскими властями его передовымъ рейтарамъ, велѣлъ «обыскать» другія квартиры и самоуправно распорядился ими въ пользу своихъ рейтаръ. Но «протоколистъ Ветчинниковъ—сказано въ «рапортѣ» Сибирской канцеляріи правительствующему сенату, отъ 13 октября 1743 г.—оныхъ рейтаръ въ квартиру къ себѣ не пустилъ, а того де города городничій, Григорій Даурской, и при немъ нѣсколько человѣкъ съ дубьемъ, не допустя оныхъ рейтаръ войти въ покой, били дубьемъ и полѣньями. И на ту же драку собралось еще болѣе ста человѣкъ въ малое время, которые де знатно были уже къ тому готовы. Въ томъ числѣ еще нѣсколько было шельмованныхъ людей, у которыхъ и ноздри вырваны. И многими бранными словами поносили, и прогнали тѣхъ рейтаръ *ко двору, въ которомъ стояли арестанты, и оступили около воротъ по обѣ стороны, отъ чего имѣющіяся подъ карауломъ его, Берха, приведены были въ такъ немалый ужасъ, что принуждены были идти во внутреннія покои и быть въ великомъ страхѣ.* И какъ пригнали тѣхъ рейтаровъ ко двору, то отхватя че-

(1) Дѣла Гос. Арх. кн. о ссыльн. 1742 г.

ловѣка его, Берхова, отъ воротъ, били (¹)». Напуганные этой сибирской импровизаціей, супруги Головкины грустно выживали въ Енисейскѣ опредѣленный Берхомъ терминъ, до окончанія котораго однако Михаилъ Гавриловичъ снова почувствовалъ сильные припадки своихъ обычныхъ болѣстей и съ 7 февраля по 6 мая 1743 г. оставался недвижимымъ. Затѣмъ настало весеннее распутье—и Берхъ, отправивъ впередъ сибирскаго гарнизона прапорщика Іог. Пальмштруга, самъ, съ своими арестантами, только 12 іюня могъ выбраться изъ Енисейска въ Иркутскъ, куда невольные странники отправились сухопутно и прибыли 16 августа. Здѣсь узнавъ, что Лена становится въ началѣ сентября, Берхъ не поѣхалъ ею до Якутска, но рѣшилъ ждать въ Иркутскѣ зимы, при чемъ требовалъ отъ мѣстнаго начальства извѣстій о трактѣ до Якутска и, далѣе, до Ерманга. Изъ свѣдѣній, собранныхъ такимъ порядкомъ, оказывалось, что отъ Иркутска до Якутска, зимнимъ путемъ, 2266 в., а сколько верстъ отъ Якутска до Ерманга—*неизвѣстно*. Кромѣ того, Берха предупреждали, что отъ Якутска можно ѣхать безбѣдно только до с. Сполошнаго, оттуда же до остроговъ Витимскаго и Олекминскаго «путь многотрудный», и между этими острогами болѣе 1000 верстъ «пустоты», а подводъ пожалуй не найдется. Если же завесновать въ Сполошномъ, то оттуда до Якутска точно также едва ли можно отыскать суда. Поэтому Берхъ просилъ Иркутскую канцелярію немедленно приступить къ заготовкѣ судовъ на Ленѣ, а самъ располагалъ, зимою же, слѣдовать въ Верхоленскъ, оттуда, весною, отплыть въ Якутскъ и, лѣтомъ,—пробираться изъ Якутска къ мѣсту назначенія. Но еще до наступленія зимы, Берхъ долженъ былъ доносить сенату

(¹) По сенатской резолюціи, Енисейскому городничему Даурскому, съ семью виновнѣйшими участниками его буйства, велѣно учинить «жестокое наказаніе: бить плетьми нещадно, а по учиненіи того наказанія, какъ ихъ, такъ и прочихъ, содержащихся по тому дѣлу, изъ подъ караула свободить».

отъ 13 сентября изъ Иркутска «о слабомъ состояніи здоровья Головкина *и жены его*»; потомъ, по сенатскому указу, допрашивать Головкина: куда дѣвалъ онъ дворцоваго гайдука, подареннаго ему, въ 1731 г. въ Москвѣ, императрицею Анною ([1]), а 10 ноября прибылъ въ Иркутскъ конной гвардіи подпоручикъ Матвѣй Ознобишинъ, съ другимъ сенатскимъ указомъ, которымъ повелѣвалось: посланнаго съ бывшимъ графомъ Головкинымъ до Ермангa конной гвардіи подпоручика Берха, «для долговременнаго его съ нимъ, Головкинымъ, въ пути продолженія», ему, Ознобишину, смѣнить и самаго Берха немедленно отправить въ Петербургъ ([2]). Принявъ отъ своего однополчанина команду, арестантовъ, деньги и бумаги, Ознобишинъ, по просьбѣ набожной графини Екатерины Ивановны, представлялъ мѣстному епископу Иннокентію объ отпускѣ съ Головкиными, на ихъ коштѣ, особаго священника, но получилъ на это отвѣтъ Иннокентія, что священниковъ «праздныхъ нѣтъ» — и 19 ноября выѣхалъ изъ Иркутска, а 24 января 1744 г. привезъ Головкиныхъ въ Якутскъ. Здѣсь, по новымъ справкамъ въ мѣстной канцеляріи, оказалось, что хотя Ермангъ числится въ 1746 верстахъ отъ Якутска, но отстоитъ далѣе 2000 верстъ, и что отъ Алданской заставы, лежащей въ 204 верстахъ за Якутскомъ, находится по всей дорогѣ въ Ермангъ только два острога, Верхоянскій и Зашиверскій, «а между оными острогами— рапортовалъ Ознобишинъ сенату—есть жило, но только самое малое, и проѣздъ, какъ зимнимъ, такъ и лѣтнимъ временемъ, для великихъ горъ и болотныхъ мѣстъ, съ великимъ трудомъ

([1]) Головкинъ показалъ, что дворцовый гайдукъ Семенъ Борисовъ, подаренный ему императрицею, въ 1733 или 1734 г. «сталъ у него проситься», о чемъ тогда же было донесено императрицѣ, которая повелѣла Головкину прислать гайдука во дворецъ, гдѣ и принялъ его, «помнится», Андрей Ивановичъ Ушаковъ.

([2]) Берхъ явился въ петербургскомъ сенатѣ 6 января 1744 г., далъ свои объясненія—и дѣло тѣмъ кончилось.

на вершнихъ лошадяхъ вьюками (а саннаго пути въ тѣхъ мѣстахъ не бывало) и кладется токмо на каждую лошадь по пяти пудъ; а будучи въ пути, провіанта нигдѣ получить невозможно; и посылающіяся отъ Якутской канцеляріи за нужнѣйшими ея императорскаго величества дѣлами ѣздятъ отъ Якутска до Колымскихъ зимовей *и до средняго острога, называемаго Ермонга*, недѣль по десяти (1)». Посвятивъ десяти-дневное пребываніе въ Якутскѣ пріему провіанта съ лошадьми, печеній сухарей и изготовленію сумъ (вьюковъ), а также четверыхъ нартъ для супруговъ Головкиныхъ съ ихъ двумя горничными, Ознобишинъ, 4 февраля, оставилъ Якутскъ и, 18 февраля, на рѣкѣ Тукуланѣ, въ 100 верстахъ за Алданской заставой, сдалъ свою команду, съ арестантами и деньгами (2), прапорщику Пальмштругу, который въ тотъ же день поѣхалъ съ арестантами впередъ, на легкѣ, а провіантскимъ вьюкамъ велѣлъ слѣдовать за собою, по мѣрѣ возможности.

Тутъ, супруги Головкины, уже истомленные двухъ лѣтнимъ странствованіемъ по сибирскимъ пустынямъ и познакомившіеся, на пути отъ Якутска, съ ѣздою на собакахъ, начали испытывать всѣ прелести путешествія по тогдашней Восточной Сибири. «Дорога отъ Алдона до Верхоянскаго хребта—свидѣтельствуетъ ѣхавшій ею въ 1808 г. ученый Геденштромъ—есть одна изъ труднѣйшихъ во всей Якутской области. Лѣтомъ она почти непроходима. *Топи* (мокрыя мѣста) и частые ручьи, которые, по крутизнѣ теченія, отъ дождей разливаются и задерживаютъ проѣзжающихъ иногда по нѣскольку недѣль. *Гольцы* (каменныя горы) по сей дорогѣ составляютъ отроги большаго Становаго хребта. Они простираются между Леною и Яною до Ледовитаго моря и въ семъ мѣстѣ извѣстны подъ именемъ Орул-

(1) Дѣла Гос. Арх. Кн. о ссыльн. 1742 г.

(2) Деньги, сданныя Ознобишинымъ Пальмштругу, подраздѣлялись на двѣ суммы: кормовую, въ 434 р. 20 к., и прогонную, въ 115 р. 44 к., разсчитанную на 960 верстъ зимней и на 482 версты лѣтней дачи.

ганскаго хребта. Верхоянская гора есть одна изъ высочайшихъ; съ полуденной ея стороны вытекаетъ Тукуланъ, а съ сѣверной Яна. Крутизна подъема съ послѣдней стороны уже за 30 верстъ дѣлается примѣтною. Перпендикулярная высота сей горы отъ подошвы до 500 саж. Въѣздъ на оную съ полуденной стороны чрезвычайно крутъ и дорога проведена излучинами. Спускъ же гораздо отложе... Отъ Верхоянской горы до Барыкасской станціи, около 180 верстъ, дорога лежитъ вдоль Яны. *Падь* (междугорье) несравненно шире Тукуланской; лѣсъ не столь густъ и топкихъ мѣстъ меньше; но здѣсь не видно ни ели, ни сосны. Одна лиственница и разныхъ родовъ тальники, изрѣдка же тополи и березы, — суть однѣ произрастенія, встрѣчающіяся на сѣверѣ отъ Верхоянской горы. Пріятная зелень сосны не оживляетъ уже зрѣнія, утомленнаго бѣлизною окружающихъ предметовъ... Отъ Барыкасской станціи идутъ двѣ дороги: одна до 500 верстъ, въ упраздненной городъ Зашиверекъ, большею частью черезъ пустыя мѣста; другая, на 180 вер., въ бывшій Верхоянскій острогъ, мѣстопребываніе Зашиверскаго коммиссара. По послѣдней дорогѣ встрѣчаются, въ разстояніи 30 и 40 верстъ, Якутскія юрты Верхоянскаго улуса; а посему здѣсь не нужно ночевать на полѣ» (¹).

По этой же послѣдней дорогѣ пробирался и арестантскій транспортъ Пальмштруга, который, 22 марта, достигъ Верхоянскаго зимовья и здѣсь принужденъ былъ завесновать.

Зимовье это, лежащее подъ 67° 34' сѣв. шир., въ 860 верстахъ отъ Якутска, и даже теперь, въ качествѣ города, заключающее въ себѣ не болѣе 150 чел. жителей, было въ 1744 г. чуть заселеннымъ мѣстомъ, въ которомъ посмѣнно содержали ежегодный караулъ 6 чел. служилый людей изъ Якутска, да ежегодно же собирался указный ясакъ съ приписныхъ къ зи-

---

(¹) Путешествіе Геденштрома. См. «Сибирскій Вѣстникъ». 1822. Ч. XVII, стр. 56—59.

мовью якутовъ (1). Небольшое скотоводство послѣднихъ, съ такимъ же коноводствомъ, и ихъ звѣрные промыслы въ окрестныхъ лѣсахъ, обилующихъ черными медвѣдями, волками, лисицами, бѣлками, горностаями, сохатыми, дикими оленями, зайцами и проч., не вознаграждая, особенно для пріѣзжихъ, совершеннаго отсутствія хлѣбопашества и огородничества, разумѣется, не могли обставить большими удобствами слишкомъ двухъ-мѣсячное пребываніе Головкиныхъ въ Верхоянскѣ, состоявшемъ, даже въ 1810 г., изъ четырехъ, а въ 1820 г. изъ пяти деревянныхъ домовъ, съ одною, деревянною же, церковью (2).

Дождавшись, 4 мая, провіантскихъ вьюковъ, оставленныхъ на р. Тукуланѣ, Пальмштругъ, 1 іюня, вывезъ своихъ арестантовъ изъ Верхоянска и направился съ ними въ дальнѣйшій путь, — теперешнимъ почтовымъ трактомъ на Зашиверскъ.

Трактъ этотъ, склоняясь отъ Верхоянска къ сѣв. востоку, тянулся якутскими поселками подлѣ рѣкъ Яны и Догдо, за которыми, по теченію р. русской Разсохи, онъ представлялъ ущелье, стѣсненное высокими хребтами безлѣсныхъ горъ, раздѣляющихъ бассейнъ рѣки Яны отъ бассейна р. Индигирки, и, наконецъ, пролегалъ болотами и тундрами страны, окружающей Зашиверскъ, — тогда главный пунктъ зимняго пушнаго торга окрестныхъ ламутовъ и юкагировъ, теперь безъуѣздный городокъ, съ 17 чел. жителей.

Отъ Зашиверска арестантскій транспортъ Пальмштруга

(1) Такихъ якутовъ, напр., въ 1753 г., числилось 195 чел., а ясаку съ нихъ собиралось по 10 сороковъ и по 22 соболя, да по 50 лисицъ красныхъ. См. Географическій словарь россійскаго государства, составл. Максимовичемъ и Щекатовымъ. 1801. Ч. I, стр. 858.

(2) «Путешествіе изъ Якутска къ Ледовитому морю въ 1810 г.» См. Духъ журналовъ. 1816. № 34, стр. 42. «Путешествіе по сѣвернымъ берегамъ Сибири и по Ледовитому морю, совершенное въ 1820—1824 г.», Ф. Врангеля. Изд. 1841. Ч. II, стр. 351.

спустился Индигиркою къ Якутскому лѣтовью Табалагу, потомъ вступилъ въ гористыя удолья р. Алазеи, прослѣдовалъ еще 180 верстъ болотно-лѣсистою пустынею, покрытою озерами, и 8 августа 1744 г., Головкины увидѣли мѣсто своего заточенія—дотолѣ невѣдомый имъ *Ермангъ*.

«Трудно себѣ представить грустнѣе этой мѣстности, восклицаетъ одинъ изъ новѣйшихъ описателей забытаго Ермангa. Собачій острогъ, можно сказать, утонулъ въ тундристыхъ болотахъ, съ низменной, сырой почвой кругомъ, и находится подъ вліяніемъ самаго холоднаго климата; морозы доходятъ тамъ до 50°; зима продолжается десять мѣсяцевъ, въ которые солнца не видно; оно въ первый разъ показываетъ лучи свои, однимъ краемъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ» ([1]).

Но Головкинымъ, прежде всякаго знакомства съ этими и другими климатическими условіями Ермангa, пришлось испытывать почти голодъ, какъ показываетъ это слѣдующая выдержка изъ донесенія Пальмштруга Сенату, отъ 1 февраля 1745 г.: «По прибытіи въ Ярмангъ, называемое среднее колымское зимовье, никакого хлѣба, соли и мяса въ продажѣ не имѣется, а имѣется токмо провіантъ, одна мука арженая, присланная отъ якутской воеводской канцеляріи, для содержанія команды моей солдатамъ. И арестантамъ, кромѣ казеннаго провіанта, питаться нечѣмъ. И для такой необходимой нужды, и чтобъ аретантовъ не поморить съ голоду, по прибытіи моемъ въ Ярмангъ, въ прошломъ 1744 г. августа съ 10 дня и по нынѣшній 745 г., давался до указу провіантъ казенной арестантомъ съ ихъ служителями, семи человѣкамъ, помѣсячно, за вычетъ ихъ кормовыхъ денегъ, почему за пудъ якутская воеводская канцелярія вычитать будетъ. А токмо по покупной ли одной якутской цѣнѣ или и съ провозомъ впредь вычитаемо будетъ, и почему давать, о томъ и въ сибирскую губернскую канцелярію,

---

([1]) Сельскій. Русск. Слово. 1861. № 8, отд. I, стр. 15.

въ прошломъ же 1744 году октября 1 дня, я доносилъ, и требовалъ, чтобъ сибирская губернская канцелярія соблаговолила о томъ въ якутскую воеводскую канцелярію и ко мнѣ прислать ея императорскаго величества указы, на которое мое доношеніе еще указу не получилъ. А сего 1745 году генваря 1 дня, изъ якутской воеводской канцеляріи извѣстіе ко мнѣ прислано, въ которомъ показано: что я отъ той канцеляріи на арестантовъ провіантъ требовалъ, въ томъ отказать, для того де, что арестантомъ велѣно довольствоваться провіантомъ покупкою. И для того казеннаго провіанту онымъ арестантомъ, съ нынѣшняго 1745 году, давать, за неприсылкою, по требованію моему отъ якутской воеводской канцеляріи, не изъ чего». Въ томъ же донесеніи, Пальмштругъ, изображая экономическія и бытовыя условія Ермангa, писалъ: «А здѣсь, въ Ярмангѣ жителей весьма малое число и питаются токмо одною рыбою; а иногда, по времени, бываетъ рыбѣ не ловъ, какъ и сего году; то и жители терпятъ голодъ и ѣдятъ сосну. А арестантамъ, яко то непривыклымъ людемъ, снести невозможно. Къ тому жъ и рыбою удовольствоваться въ неуловное время не можно. И о томъ какъ высокоправительствующій сенатъ соблаговолитъ». Въ заключеніи своего донесенія, Пальмштругъ прилагалъ «вѣдомость, что арестанту Головкину, съ женою и съ ихъ служителями, всего осьми человѣкамъ, въ годъ для пропитанія надобно». Въ этой «вѣдомости» значились:

«Мука арженая, солдатская, дачи каждому на мѣсяцъ по 1 пуду по 30 ф., а на 8 чел. въ годъ	168 пуд.
Крупъ въ годъ	12 —
Соли	12 —
Муки пшеничной	10 —
Гороху	3 —
Семя коноплянаго	3 —
Вина двойнаго	15 ведръ.

Масла коровья	5 пуд.
Мыла, для мытья рубахъ и проч. . .	4 —
Солоду на квасы.	10 —
Свѣчь сальныхъ	3 —
Сахару для чаю	3 — (1)».

18 ноября 1745 г. «вѣдомость» эта была утверждена сенатомъ, который уполномочилъ Пальмштруга требовать всего отъ сибирской губернской канцеляріи, а сибирскую канцелярію опредѣлилъ указомъ: предписать якутской воеводской канцеляріи о ежегодномъ доставленіи въ Ермангъ припасовъ, обозначенныхъ въ «Вѣдомости». Но изъ донесенія Пальмштруга сенату, отъ 4 апрѣля 1746 г., видно, во 1-хъ, что якутская канцелярія не доставляла въ Ермангъ ровно ничего, а во 2-хъ, что средства постоянныхъ обитателей Ермангa, слишкомъ скудныя для восполненія этого недостатка, сами нерѣдко зависѣли отъ обстоятельствъ, совершенно случайныхъ. «И сего года—писалъ Пальмштругъ — четвертой мѣсяцъ команда моя безъ провіанту терпитъ голодъ. Понынѣ же въ здѣшнемъ мѣстѣ провіанту и въ продажѣ не имѣется, а жители питаются одною рыбою. И нынѣ и рыбныхъ кормовъ не только купить у жителей не сыщешь, и сами голодомъ помираютъ и ѣдятъ сосну. А что къ осени рыбныхъ кормовъ у нихъ было запасено до вскрытія льда съ рѣкъ, то прибывшимъ сюда для переписи и свидѣтельства мужеска полу душъ, сибирскаго гарнизона капитаномъ Гаврилою Хатунскимъ, собаками прикормлено, на которыхъ онъ въ Ярмангъ пріѣхалъ съ рѣки Индигирки, изъ мѣстечка Ожегина и изъ прочихъ мѣстъ, которыхъ собакъ держалъ онъ въ Ярмангѣ недѣли четыре. Къ тому же и здѣшнихъ жителей, служивыхъ и посадскихъ и ясашныхъ якутовъ собаки собраны, для ѣзды его въ Анадырской острогъ, всего до тридцати шести нартъ собакъ кормлено; въ нихъ числомъ болѣе триста собакъ, кото-

(1) Дѣла Госуд. Арх. Кн. о ссыльн. 1742 г.

рыхъ, за малолюдствомъ, столько въ здѣшнемъ мѣстѣ и не находилось. Но, по принужденію его, Хатунскаго, куплены собаки, на сборныя съ ясашныхъ людей деньги, у индигирскихъ подводчиковъ, по пятнадцати рублевъ нарту собакъ, а въ нартѣ считаетъ отъ восьми до девяти собакъ. И онымъ тридцати шести нартамъ собакъ въ дорогу (запасъ) у жителей отобранъ, и отъ того всемѣрной нынѣ терпятъ голодъ» ([1]).

Такова была матеріальная обстановка жизни Головкиныхъ въ Ермангѣ, — жизни, изображеніе которой, въ главныхъ чертахъ, дополняется слѣдующею выдержкою изъ рапорта Пальмштруга Сенату, отъ 4 января 1747 г. «Правительствующему Сенату покорнѣйше доношу: арестантъ Головкинъ съ женою содержатся мною подъ карауломъ въ Ярмангѣ, такъ, какъ мнѣ повелѣваетъ Правительствующаго Сената инструкція, безъ всякаго послабленія, и никуда они, кромѣ церкви Божіей, не выпущаются и до нихъ никто не допусканъ. А прошлаго 1746 г., марта съ 1 числа, и церковь Божію не допускиваны, понеже при церкви, за отлученіемъ священника въ г. Якутскъ, службы священниковской не имѣется. И караулъ имѣется въ надлежащей твердости. И объ нихъ, арестантахъ, и объ состояніи караула въ Правительствующій Сенатъ покорнѣйшіе мои рапорты посылаю ежемѣсячно» ([2]). Строгость, съ которою — если вѣрить оффиціальнымъ документамъ — содержались Головкины въ Ермангѣ, доходила до того, что 10 февраля 1748 г. Пальмштругъ почтительно спрашивалъ Сенатъ: пускать ли Головкиныхъ, съ ихъ людьми, на исповѣдь?—и, 9 Апрѣля 1749 г., получилъ разрѣшеніи на это, съ тѣмъ однако: чтобъ попамъ, при входѣ къ арестантамъ и выходѣ отъ нихъ, былъ «чиненъ осмотръ» — во избѣжаніе проноса писемъ и проч. ([3]).

([1]) Тамъ же.
([2]) Тамъ же.
([3]) Тамъ же.

Но, кромѣ оффиціальныхъ документовъ, есть еще устныя преданія, изъ которыхъ, по свидѣтельству слышавшаго ихъ на мѣстѣ, вотъ что извѣстно о житьѣ-бытьѣ опальныхъ Головкиныхъ въ Ермангѣ: «Не смотря на свободу (?), которою пользовался графъ на мѣстѣ своей ссылки, онъ находился однакожъ подъ стражею; когда онъ выходилъ изъ дому, за нимъ неотлучно слѣдовали два солдата съ ружьями; на ночь, небольшой домикъ, въ которомъ онъ жилъ отдѣльно отъ другихъ, постоянно стерегли часовые. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ Головкина водили въ приходскую церковь; здѣсь, однажды въ годъ, послѣ обѣдни, онъ долженъ былъ, выпрямившись и скрестивши на груди руки, выслушивать какую-то бумагу, за которой слѣдовало увѣщаніе священника. Во время чтенія этой бумаги, солдаты приставляли штыки къ груди политическаго преступника. Въ теченіе года, непремѣнно, два раза въ Среднеколымскъ пріѣзжалъ коммисаръ изъ Зашиверска, для наблюденія за поведеніемъ ссыльнаго преступника и его стражею. Тамошніе жители очень хорошо помнятъ, что графъ пріѣхалъ въ Среднеколымскъ въ болѣзненномъ состояніи, потомъ поправился; только не могъ выносить продолжительнаго зимняго времени и не выходилъ изъ дому, ибо въ холода болѣли у него ноги; графиня находилась при немъ безотлучно, читала ему какія-то книги и сама завѣдывала домашнимъ хозяйствомъ. Между прочимъ, про графа разсказываютъ одинъ любопытный случай: не смотря на то, что Головкинъ имѣлъ у себя деньги на свои нужды, онъ любилъ заниматься рыболовствомъ. Вблизи Среднеколымска, впадаетъ въ рѣку Колыму небольшая рѣчка Анкудинка, разбившаяся, при впаденіи своемъ, на нѣсколько рукавовъ. Одинъ изъ этихъ рукавовъ графъ взялъ за себя; весною, когда изъ Колымы рыба идетъ въ рѣчку, онъ его перегородилъ и добывалъ очень много рыбы. Казачій урядникъ, позавидовавъ удачѣ Головкина, пришелъ съ людьми и отобралъ поставленныя графомъ верши, отзываясь тѣмъ, что рѣчной рукавъ этотъ прежде при-

надлежалъ ему. Видя такое насиліе, Головкинъ вышелъ изъ себя, началъ было кричать и спорить, но вдругъ какъ бы опомнился и спокойно сказалъ уряднику: «дѣлать нечего, я уступаю тебѣ рѣчку, но вмѣстѣ съ этимъ прошу войдти въ мой домъ». Урядникъ пришелъ и графъ встрѣтилъ его слѣдующими словами: «еслибы ты въ Петербургѣ осмѣлился сдѣлать мнѣ что нибудь подобное, какъ ты меня обидѣлъ, то я затравилъ бы тебя собаками и онѣ разорвали бы тебя въ клочки; но теперь, въ моемъ положеніи, я долженъ смириться, ибо вижу въ лицѣ твоемъ перстъ Божій, наказующій меня за мои тяжкіе грѣхи. Этимъ случаемъ ты заставилъ меня искренно раскаяться въ прошлой моей гордости. Вотъ тебѣ, на память обо мнѣ, 50 рублей. На эти деньги поправь твой ветхій домъ» (1).

Что касается графини Екатерины Ивановны, она, независимо отъ чтенія мужу какихъ-то книгъ и завѣдыванія ничтожнымъ хозяйствомъ ссыльнаго графа въ Ермангѣ, украшала свою добровольную ссылку непрерывнымъ подвигомъ преданной любви, въ виду котораго самое имя ея заслуживаетъ произноситься не иначе, какъ съ почтеніемъ.

Начавъ этотъ свой подвигъ еще въ Петербургѣ, графиня съ новымъ рвеніемъ продолжала его на пути въ ссылку и, особенно, по прибытіи на мѣсто послѣдней, въ Ермангъ, потому что экс-вице-канцлеръ, изнуренный и несчастіемъ, и болѣзнію, и слишкомъ двухлѣтнимъ странствованіемъ по дорогамъ невообразимымъ, въ экипажахъ неслыханныхъ, былъ дѣйствительно очень жалокъ. Въ тѣсной избѣ, оконныя стекла которой замѣнялись льдинами, Екатерина Ивановна, забывъ отдохнуть съ дороги, дни и ночи не устанно ухаживала за страдальцемъ-мужемъ, добилась, наконецъ, что Михаилъ Гавриловичъ хоть нѣсколько оправился, а потомъ успѣла привести его еще въ лучшее состояніе. Но страданія бывшаго графа, хотя и

(1) Сельскій «Русское Слово.» 1861. № 8.

облегченныя графинею, по временамъ возобновлялись. Недостатокъ во всемъ окружалъ супруговъ. Скалистыя выси Саянскаго хребта какъ бы отрѣзывали Головкиныхъ отъ остальнаго міра, въ которомъ, однакожь, и мужъ, и жена не переставали жить воспоминаніями. Послѣднія въ особенности тяготили мужа, ослабленнаго болѣзнію, да и вообще далеко уступавшаго женѣ въ твердости воли. Графиня ясно сознавала положеніе Михаила Гавриловича, знала, что онъ обожаетъ ее; была увѣрена, и не ошибалась, что лишенія, которымъ добровольно обреклась она, тяжелымъ камнемъ лежатъ на сердцѣ Михаила Гавриловича. Стало быть, естественнымъ стремленіемъ нѣжной, прекрасной души ея было—сторицею воздать любимому, достойному мужу, по крайней мѣрѣ, за тѣ его страданія, причиною которыхъ она считала себя самое. При обстоятельствахъ, которыя окружали супруговъ, въ чемъ же могло состоять воздаяніе графини? И графиня посвятила всю себя служенію физическимъ недугамъ мужа и укрѣпленію его не твердаго духа. Этимъ однимъ наполнилось все ея время, въ этомъ одномъ находила она отраду, видя въ добровольныхъ стремленіяхъ добродѣтельной души священнѣйшій долгъ жены. Богъ благословилъ подвигъ Екатерины Ивановны, и, если вѣрить сказаніямъ (¹), совершился фактъ необычайный: безъ докторовъ, безъ лекарствъ, одними стараніями неутомимой Екатерины Ивановны, были совершенно уничтожены подагра и хирагра Михаила Гавриловича. И графъ, неисцѣльно страдавшій въ роскошной обстановкѣ петербургскаго богача-вельможи, сталъ здоровъ, какъ не надо лучше, среди однообразныхъ сибирскихъ снѣговъ и многообразныхъ недостатковъ.

Четырнадцать лѣтъ, наполовину — благодаря исцѣленію графа, — счастливыхъ, прожили наши супруги такой жизнью. Описывать каждый годъ этихъ четырнадцати лѣтъ — лишнее,

(¹) Словарь Бантышъ-Каменскаго, ч. II, стр. 118.

еслибъ и имѣлись для того матеріалы. Не только годъ, ни одинъ изъ дней всего этого времени почти ничѣмъ не отличался отъ другаго такого же. Однообразіе самое неумолимое окружало Головкиныхъ, проникало въ малѣйшую подробность пустыннаго быта ихъ, съ математическою точностію обтачивало каждое *завтра* изгнанниковъ по образчику всегда одинаковаго *вчера*. Самыя отступленія отъ такой безцвѣтной ежедневности выражались всегда въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ. Прикочуютъ, напримѣръ, къ русскому жилью окрестные народцы,—якуты, тунгусы, ломуты, юкагиры, обнимутъ своими чумами (1) небольшую окружность острога; пріѣдетъ изъ Зашиверска коммисаръ съ нѣсколькими ларечными (2), оберетъ у народцевъ обычный ясакъ, чумы сложатся, и народцы убѣгутъ на своихъ оленяхъ или лыжахъ. Или переночуетъ въ острогѣ какой нибудь чиновникъ изъ Якутска, слѣдующій на Анадыръ, и разскажетъ острожанамъ кучу прошлогоднихъ петербургскихъ новостей; или таинственно, подъ сильнымъ конвоемъ, прослѣдуетъ черезъ острогъ, какой нибудь ссылаемый въ Охотскъ раскольникъ, попавшійся изъ множества другихъ раскольниковъ, сотнями и тысячами добровольно сожигавшихся тогда въ невѣдомыхъ сибирскихъ чащахъ (3). Или, наконецъ,

---

(1) Конусообразный шатеръ, составленный изъ вбитыхъ въ землю жердей, обвѣшиваемыхъ лѣтомъ сшитою берестою, а зимой — оленьими шкурами.

(2) Наблюдали за ларями, въ которыхъ хранился ясачный сборъ.

(3) Случаи самосожигательства были тогда, и особенно въ исходѣ XVII вѣка, очень не рѣдки. Сбираясь иногда до 2,000 человѣкъ, съ женами и дѣтьми, изувѣры строили нарочныя храмины, обкладывали ихъ горючими матеріалами, запирались и зажигали зданіе, крича останавливавшимъ ихъ отъ такой страшной нелѣпости: «мы горимъ здѣшнимъ огнемъ, а вы и нынѣ горите вѣчнымъ». Этимъ особенно отличалась, такъ называемая, безпоповщинская секта, тогда весьма распространенная въ Сибири. См. «Исторію русскаго раскола», Макарія, епископа Винницкаго, изд. 1855, стр. 248.

поговорятъ въ острогѣ о какой нибудь совершенно неизвѣстной личности, провезенной *неподалеку* отъ острога, т. е. въ 400 — 500 верстахъ. Вся разница могла состоять въ томъ, совершаются ли эти обстоятельства въ теченіе семимѣсячной зимы, съ ея сорокаградусными морозами, страшными буранами и чудными сѣверными сіяніями по ночамъ; или при кратковременномъ блескѣ лѣтняго солнца, не способнаго со всѣмъ своимъ двадцати-восьми градуснымъ жаромъ прогрѣть ледяную полупочву далѣе полъ-аршина въ глубину, или въ остальное время года, какое-то межеумочное, безснѣжное, закрытое густыми туманами.

Но Головкины—какъ новое повтореніе старой истины, что ко всему можно привыкнуть—привыкли къ такой обстановкѣ, освоились съ нею и, старѣя тѣломъ, бодрствовали духомъ. Послѣднему учился и выучился Михаилъ Гавриловичъ у жены, изъ груди которой при немъ не вылетѣло ни одного вздоха, а изъ глазъ не выкатилось ни одной слезы. Что чувствовала Екатерина Ивановна, видя мужа, прежняго баловня судьбы, бѣднякомъ и изгнанникомъ, то знаетъ она. Чего стоило ей самой, съ дѣтства взлелѣянной въ роскоши, отчужденіе отъ сорокалѣтнихъ привычекъ, о томъ знаетъ она же. Михаилъ Гавриловичъ видѣлъ только предупрежденія каждаго изъ своихъ желаній, по неволѣ скромныхъ, слышалъ одни слова нѣжнаго участія, чувствовалъ себя здоровымъ, зналъ, кому онъ этимъ обязанъ, и, можетъ быть, былъ счастливъ. Такое натянутое счастіе бывшаго графа особенно выростало въ тѣ рѣдкіе дни, когда въ пустыню изгнанниковъ приходили письма изъ Гаги, отъ гр. Александра Гавриловича Головкина, жившаго тамъ русскимъ посланникомъ,—письма вскрытыя и процензурованныя въ Петербургѣ. Но еще рѣже и еще счастливѣе бывали другіе дни, когда въ руки Михаила Гавриловича попадали секретныя писанія нѣжно имъ любимой его сестры, Анны Гавриловны, вдовы Ягушинскаго, вышедшей потомъ за М. П. Бестужева-

Рюмина, и въ 1743 г. сосланной, *съ урѣзаніемъ языка*, въ Якутскъ ([1]).

Исцѣленный попеченіями великодушной жены, Михаилъ Гавриловичъ, человѣкъ еще не очень старый ([2]), питалъ свойственныя людямъ надежды и ожидалъ впереди перемѣнъ къ лучшему. Но судьба располагала иначе, и 10 ноября 1755 года, въ самую годовщину того дня, когда, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, Головкины достигли высшей степени своего значенія, ударилъ послѣдній часъ графа, и графиня овдовѣла. «Тогда только—пишетъ Бантышъ—невинная узница оросила въ первый разъ слезами одръ мужа, предалась горести» ([3]).

Но и этотъ ударъ не сломилъ твердости духа Екатерины Ивановны. Въ вѣрѣ и самой себѣ она нашла надежду и утѣшеніе, не испугалась полнаго одиночества въ отдаленномъ и забытомъ углу міра. Похоронивъ тѣло покойнаго супруга въ сѣняхъ собственной своей хижины, графиня обратила эти сѣни въ молитвенную храмину, не покидала ея; днемъ и ночью, при свѣтѣ лампады, налитой рыбьимъ жиромъ, читала надъ мужниной могилой псалтырь и пламенно желала только одного: опочить на родинѣ, подлѣ супруга ([2]). Такое желаніе графини, доведенное сибирскимъ губернаторомъ Мятлевымъ до высочайшаго свѣдѣнія, удостоилось вниманія императрицы, милостиво соизволившей на перевезеніе тѣла бывшаго графа Головкина изъ Ерманга въ Москву. Великодушная вдова, оживленная печальной радостію, раздарила среднеколымлянамъ много денегъ и вещей, пожертвовала въ среднеколымскую церковь Покрова серебряную вызолоченую ложку и, обливъ воскомъ трупъ своего покойнаго мужа, небоязненно пустилась съ нимъ въ путь, истомившій ее четырнадцать лѣтъ назадъ, неутомимо про-

---

([1]) Сельскій. Русск. Слово. 1861. № 8, стр. 19.

([2]) Онъ родился въ 1701 г.

([3]) Словарь Бантыша, ч. II, стр. 119.

([4]) Тамъ же.

слѣдила его еще однажды и сама доставила драгоцѣнный ей прахъ въ родную ей Москву. Здѣсь графиня похоронила его въ другой разъ. Георгіевскій монастырь, пріютившій останки дѣда и отца Екатерины Ивановны, далъ могилу и мужу ея (¹).

Свято и честно исполнивъ до конца высокую обязанность жены, графиня скромно поселилась на Никитской, въ домѣ, растворявшемся нѣкогда Петру и такъ долго запертомъ въ отсутствіе почтенной, родовой хозяйки своей. (²) Время Екатерины Ивановны, на которое мы указывали въ заглавіи настоящаго очерка, миновало. Живая свидѣтельница эпохъ минувшихъ, графиня, цѣлымъ пробѣломъ долгой сибирской ссылки, отдѣлялась отъ той среды, которую нашла теперь въ Москвѣ, другими словами—она ровно на цѣлую эпоху отставала отъ новыхъ своихъ современниковъ и пока не имѣла общихъ съ ними интересовъ. Толки о Биренѣ, Остерманѣ, кабинетѣ, цесаревнѣ, гр. Линарѣ, прусскомъ союзѣ, какъ будто отдававшіеся еще въ ушахъ графини, давнымъ-давно не занимали никого, были забыты и замѣнились другими—о Разумовскихъ, Шуваловыхъ, Бестужевѣ, университетѣ, Ломоносовѣ, Сумароковѣ, театрѣ и тысячѣ предметахъ, совершенно незнакомыхъ графинѣ. Стало быть, въ обществѣ, питавшемся, какъ насущнымъ хлѣбомъ,

---

(¹) Георгіевскій монастырь—теперь, съ 1813 года, приходская церковь на Большой Дмитровкѣ, между переулками Каммергерскимъ и Георгіевскимъ. На мѣстѣ монастыря стоялъ нѣкогда домъ, въ которомъ жила, воспитывалась и вышла отсюда замужъ царица Анастасія Романовна, кроткая супруга царя Ивана Грознаго. Церковь этого дома осталась соборною и, по учрежденіи монастыря, существуетъ, какъ приходская, и теперь. Въ южной стѣнѣ ея, у праваго столба, до 1812 г. было цѣло надгробіе, поставленное надъ прахомъ гр. Головкина его супругою, съ надписью, повѣствовавшею о жизни и службѣ графа. См. «Русск. Старина», Мартынова, ч. IV, стр. 48.

(²) Домъ этотъ находится на Никитской, между переулками Чернышевскимъ и Хлыповскимъ тупымъ. Въ 1789 г., онъ имѣлъ домовую церковь Спаса Нерукотвореннаго. Впослѣдствіи принадлежалъ Нарышкинымъ.

взаимнымъ и непрерывнымъ истолкованіемъ именно этой тысячи предметовъ, графиня естественно чувствовала себя постороннею, не нужною. Не обижаясь ни тѣмъ, ни другимъ, Екатерина Ивановна благодушно признала себя развалиною и, избравъ себѣ благую часть, стала ежедневно ѣздить въ Георгіевскій монастырь, молиться на могилѣ Михаила Гавриловича (¹).

Но фактъ прибытія въ Москву изгнанницы съ гробомъ мужа, нѣкогда знаменитаго вельможи,—фактъ этотъ, разсматриваемый въ соединеніи съ родовой именитостію самой Екатерины Ивановны и прикрашенный воспоминаніями московскихъ старожиловъ о князьяхъ-кесаряхъ, не могъ не привлекать любопытнаго вниманія москвичей. Къ тому же, разсказы монашествующей и нищей братій о набожности и благотворительности Екатерины Ивановны,—разсказы, возобновлявшіеся часто, повторялись всюду. И москвичи, заинтересованные личностію графини, уединявшейся съ своими воспоминаніями, стали вереницами ѣзжать на Никитскую, то, какъ исконные генеалоги, причитаясь въ ближнее или дальнее родство Екатеринѣ Ивановнѣ, то, какъ старинные поклонники всего придворнаго, подлаживаясь къ графинѣ. Добрая и ласковая Екатерина Ивановна, не входя въ разбирательство побудительныхъ причинъ такихъ посѣщеній, была рада каждому, любезна и привѣтлива со всѣми. Это москвичамъ понравилось, любопытство ихъ нечувствительно замѣнялось влеченіемъ къ рѣдкимъ свойствамъ Екатерины Ивановны, и у доброй графини скоро образовалась короткая связь съ доброй Москвою. Несмотря на это, графиня рѣдко посѣщала кого нибудь, жила весьма уединенно; но ежедневныя богомолья и ежечасныя благотворенія ея не прерывались.

Событія, между тѣмъ, совершались, проходя теперь уже очень далеко отъ графини. Гр. Бестужевъ-Рюминъ (²) первен-

(¹) «Русская Старина», Мартынова, ч. IV, стр. 48.
(²) Алексѣй Петровичъ, младшій братъ Михаила Петровича, женившагося на Аннѣ Гавриловнѣ Ягушинской.

ствовалъ въ совѣтѣ, гр. Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій— въ домашнемъ кружкѣ государыни. Братья Воронцовы и братья Шуваловы занимали высшія государственныя должности. Семилѣтняя война была въ полномъ разгарѣ и охватывала три-четверти Европы. Ферморъ, Салтыковъ и Апраксинъ чуть-чуть не вырвали всю Пруссію изъ рукъ геніальнаго короля Фридриха. Бестужевъ, очень неудачно для себя, спасъ короля и, увлекая съ собой Апраксина, палъ съ высоты величія, что нѣсколько напомнило графинѣ, знавшей о томъ по слухамъ, множество видѣнныхъ ею паденій. Но, незнакомая близко ни съ однимъ изъ сановитѣйшихъ *дѣятелей* эпохи, графиня мало интересовалась ими, такъ какъ *дѣянія* ихъ вовсе до не нея касались. Гораздо большее вниманіе Екатерины Ивановны обращали на себя высоко-простыя назиданія знаменитаго въ то время проповѣдника Гедеона Криновскаго, звучная лира Ломоносова, даже журналъ Сумарокова «Трудолюбивая пчела».

Царствованіе Елисаветы кончилось въ самый день Рождества 1761 г. Незлобивая Екатерина Ивановна, только что оплакавшая послѣдняго деверя своего, графа Александра Гавриловича Головкина, оплакала и государыню.

Упраздненный престолъ занялъ племянникъ императрицы, Петръ III, тотъ самый, по случаю рожденія котораго въ Килѣ, тридцать три года тому назадъ, графиня пировала на балѣ въ Московской Грановитой палатѣ. Но этотъ другой внукъ соименнаго ему великаго дѣда царствовалъ еще непродолжительнѣе перваго своего двоюроднаго брата, неожиданная смерть котораго такъ неожиданно возложила русскую корону на голову двоюродной сестры графини Екатерины Ивановны. Новый императоръ успѣлъ только дать русскому дворянству его права (¹)

(¹) Ук. 18 февр. 1762 года, обыкновенно называемый указомъ *о вольности дворянству*, давалъ дворянамъ права: 1) служить—и нѣтъ; 2) выходить въ отставку, кромѣ военнаго времени; 3) ѣздить за границу, куда и когда угодно; 4) получать чинъ при отставкѣ изъ службы и 5) вступать въ службу къ иностраннымъ государямъ.

и уничтожить вовсе Тайную Канцелярію; но, не успѣвъ ни примирить Бирена съ Минихомъ, призванныхъ имъ изъ изгнанія, ни даже короноваться, онъ скончался въ Ропшинскомъ домѣ Головкиныхъ, спустя шесть мѣсяцевъ по своемъ воцареніи.

Началось екатерининское время.

Старикъ кн. Трубецкой, главный судія и гонитель покойнаго Михаила Гавриловича, уже фельдмаршалъ, пріѣхалъ въ Москву распоряжать приготовленіями коронаціи, *пятой* на вѣку графини, видѣвшей, кромѣ того, *трехъ* некоронованныхъ властителей Россіи. За Трубецкимъ, пришла въ Москву гвардія, и преображенскій солдатъ Державинъ сталъ постоемъ на той же Никитской, гдѣ былъ домъ графини, вовсе не воображавшей, что въ сосѣднемъ съ нею солдатскомъ капральствѣ таится будущая знаменитость Россіи, бардъ екатерининскаго вѣка ([1]). Наконецъ, прибыла въ Москву и молодая, прекрасная собою царица, сопутствуемая другой знаменитостію, восемнадцатилѣтнею княгинею Дашковою, и окруженная цѣлой плеядою Орловыхъ, Паниныхъ, Чернышевыхъ и другихъ блестящихъ представителей двора.

Къ этому молодому двору совершенно неожиданно пристроилась и наша слишкомъ шестидесятилѣтняя графиня. Императрица, умѣвшая и любившая оцѣнивать все по достоинству, знала о подвигѣ графини Екатерины Ивановны, слышала о ея добродѣтеляхъ и почтила уважаемую всѣми старушку возвращеніемъ ей достоинства статсъ-дамы и нѣсколькихъ тысячъ душъ, уцѣлѣвшихъ при раздачѣ конфискованныхъ, въ 1742 г., имѣній Головкиныхъ.

Едва ли участвуя, по старости и самому образу жизни, во всѣхъ торжествахъ коронаціи, какъ бывало это нѣкогда, графиня не могла не видѣть знаменитаго маскарада, сочиненнаго славнымъ актеромъ Волковымъ и, подъ названіемъ «Торже-

---

([1]) «Записки Державина», изд. 1860 г., стр. 25.

ствующей Минервы», двигавшагося по московскимъ улицамъ всю масляницу 1763 года. Въ такомъ случаѣ, «игралища и гокусъ-покусы» этой Минервы, такъ же, какъ ея «Кривосудъ Обираловъ и Взятколюбъ Обдираловъ, бесѣдующіе объ акциденціи, и при нихъ пакостьники, разсѣевающіе сѣмена крапивныя» (1) слишкомъ грустно напоминали графинѣ ея молодость и эпоху Петра, который любилъ подобнымъ же образомъ осмѣивать яркіе недостатки современнаго ему общества и всегда осмѣивалъ ихъ въ почтенныхъ личностяхъ отца и дѣда Екатерины Ивановны.

Вскорѣ по возвращеніи въ С.-Петербургъ императрицы, подарившей на прощанье Москвѣ благодѣтельное учрежденіе Воспитательнаго Дома, графинѣ пришлось крѣпко погоревать еще одинъ разъ и, кажется, въ послѣдній. Причиною горя старѣвшей Екатерины Ивановны была на этотъ разъ смерть 24 лѣтняго внука ея, принца Ивана, въ 1740 г. провозглашеннаго императоромъ и въ колыбели же лишившагося короны.

Утративъ жалкимъ образомъ единственную привязанность родства, остававшуюся у нея на землѣ, графиня и сама какъ бы отрѣшилась отъ земли. Да и что̀ могло занимать Екатерину Ивановну, искушенную долгимъ опытомъ счастія и горя, видѣвшую исчезновеніе столькихъ величій, сгорбленную годами, безпрестанно терявшую то сверстника, то сверстницу? И старушка, уединяясь отъ жизненной суеты, знала одинъ монастырь, не выѣзжала болѣе никуда и хотя съ прежней привѣтливостію встрѣчала всѣхъ, кто посѣщалъ ее, но преимущественно принадлежала бѣднякамъ и несчастливцамъ, какого бы кто ни былъ званія и состоянія. Что̀ же касается блестящихъ событій екатерининскаго вѣка, передвигавшихся чудною фантасмагоріей одно за другимъ, онѣ уже не могли прямо касаться старушки,

(1) См. въ № 19 «Москвитянина» 1850 года сообщенную г. Шевыревымъ статью: «Торжествующая Минерва. Общенародное зрѣлище, представленное въ Москвѣ 1763 года».

давно-давно окончившей свое поприще. Но въ этой старушкѣ, на ряду съ другими прекрасными чувствами, никогда не остывала любовь къ отечеству,—чувство, присущее графинѣ съ дѣтства, вскормленное и вспоенное *личнымъ* знакомствомъ Екатерины Ивановны съ цѣлымъ вѣкомъ русской исторіи. Это сильное чувство, нисколько не зависѣвшее отъ самой графини, не сильно было отказаться отъ участія въ славной порѣ всесторонняго русскаго развитія. А потому и Екатерина Ивановна, быть можетъ, чуждая многимъ началамъ екатерининскаго вѣка, или равнодушная, даже непріязненная ко многимъ чертамъ его, не могла, однакожь, и нерѣдко, не воодушевляться ощущеніями патріотическаго самодовольства, то есть не могла, съ своей стороны, не платить дани этому вѣку, богатому славой. И не подлежитъ никакому сомнѣнію, что ощущенія отчизнолюбія, возбуждавшіяся въ массѣ народа событіями екатерининскаго вѣка, поднимались и въ дряхлой груди отшельницы-графини, трогая добродѣтельное ея сердце. Такъ, Екатерина Ивановна, въ тиши своего старческаго быта, восхищалась подвигами соименной ей императрицы, славной въ Европѣ, грозной въ Азіи, боготворимой въ Россіи; любила благоразумнаго и распорядительнаго любимца государыни, знаменитаго князя Потемкина-Таврическаго, гордилась, какъ русская, когда русскій князь Рѣпнинъ ворочалъ судьбами Польши; утѣшалась побѣдами Румянцова-Задунайскаго, Голицына, Орлова-Чесменскаго, Долгорукаго-Крымскаго, Панина, Суворова-Рымникскаго; похваляла полезную дѣятельность Ивана Ивановича Шувалова, Хераскова, Сумарокова, Миллера, Новикова — на поприщѣ образованія русскаго люда; радовалась литературнымъ успѣхамъ Петрова, Богдановича, Хемницера, фонъ-Визина, Княжнина, Державина; уважала историческіе труды кн. Щербатова и сожалѣла, что такъ надолго пережила звучную лиру Ломоносова. Съ тѣмъ же теплымъ участіемъ сердечно сокрушалась графиня, когда, на ея глазахъ, въ Москвѣ, зараженной чумою, гибло по 200 человѣкъ

въ день, не погребенные трупы валялись на улицахъ, въ стѣнахъ Донскаго монастыря умиралъ отъ рукъ убійцъ архіепископъ Амвросій... и Богъ знаетъ, что было бы безъ доблестнаго Еропкина, прекратившаго безпорядки и заразу ([1]). А когда, два года спустя, донской казакъ Емелька Пугачевъ, дерзновенно назвавшись императоромъ Петромъ III, смѣло и рѣшительно поднялъ знамя бунта, охватившаго весь восточный край Россіи, добрая душа графини трепетала за участь семействъ цѣлой полосы государства, окровавленной и выжженной, скорбѣла о преждевременной смерти грозы злодѣевъ, Бибикова, начала успокоиваться не ранѣе, какъ по полученіи извѣстія, что Суворовъ уже посадилъ самозванца въ клѣтку, и пришла въ нормальное состояніе только лѣтомъ 1775 года, когда, послѣ зимней казни Пугачева, блистательно торжествовался въ Москвѣ славной кучукъ-кайнарджискій миръ. И москвичи, изстари патріоты, любили въ привѣтливой графинѣ горячую привязанность ко всему родному, не охлажденную ни заграничной жизнью, ни ссылкой, ни даже дряхлостію Екатерины Ивановны. Въ самой старушкѣ они видѣли представительницу *восьми* царствованій, *одного* регентства и *одного* правленія, часто принимавшую личное участіе въ событіяхъ, давно минувшихъ. Многіе преисполнялись къ ней невольнымъ уваженіемъ, почитая въ ней близкую родную царствовавшихъ въ Россіи особъ. Посѣтители дома графини старались вызывать старушку на разсказы и почтительно слушали, когда добродушная Екатерина Ивановна, одушевляясь воспоминаніями, повѣствовала о Петрѣ, его дѣяніяхъ и преемникахъ, о регентствѣ, о Сибири ([2]). Что касается классовъ московскаго населенія, которые или не могли удовлетворяться одними повѣствованіями, безъ прибавленія къ нимъ чего нибудь

([1]) Этотъ страшный моръ опустошалъ Москву въ 1771 году. Московскій главнокомандующій, фельдмаршалъ Салтыковъ, первый уѣхалъ изъ столицы. Утверждаютъ, что Москва потеряла до 100,000 народа.

([2]) Словарь Бант.-Каменскаго.

болѣе существеннаго, или даже не попадали въ число слушателей графини, они или уважали Екатерину Ивановну за ея именитость, или любили ее за ласку, или благословляли за щедрость благотворительную. Послѣдняя особенно славилась въ Москвѣ. Заднія крыльца никитскаго дома графини разъ навсегда были указаны всѣмъ безъ изъятія нуждающимся и ни одинъ просящій благостыни не выходилъ за ворота съ пустыми руками и ненакормленный; со многими графиня бесѣдовала лично, навсегда устроивала положеніе другихъ. Счастливить, чѣмъ можно, ближнихъ—было, кажется, продолжительнѣйшимъ изъ увлеченій графини, не прерывавшимся до самой смерти ея, быть можетъ, потому, что собственный опытъ былаго горя ближе располагалъ ее къ участію въ чужихъ невзгодахъ. Свободная отъ пріема какихъ бы то ни было посѣтителей, графиня или ѣхала въ монастырь, или, по старинѣ, принималась за чтеніе священнаго писанія, или разгибала которое нибудь изъ твореній славныхъ тогда нашихъ проповѣдниковъ: митрополита московскаго Платона, архіепископа могилевскаго Георгія Конискаго, кіевскаго протоіерея Іоанна Леванды. Платонъ лично зналъ графиню и бывалъ у нея.

Такъ, посвящая все время молитвѣ, благотвореніямъ и отчизнолюбію, тридцать пять лѣтъ прожила Екатерина Ивановна въ Москвѣ, со дня своего возвращенія изъ Сибири, и очень состарѣлась. Изъ близкихъ родныхъ графини не было уже никого на свѣтѣ; всѣ, безъ исключенія, сверстники давно лежали въ могилѣ. Минуло двадцать пять лѣтъ одному тому, какъ умеръ гонитель мужа графини, кн. Трубецкой, принеся Екатеринѣ Ивановнѣ чистосердечное раскаяніе въ личной враждѣ своей къ покойному Михаилу Гавриловичу Головкину (1). Болѣе двадцати пяти лѣтъ прошло и съ той поры, какъ графиня, слишкомъ шестидесятилѣтнею старухою, привѣтствовала коронованіе импе-

(1) См. «Біографіи ген.-фельдмаршаловъ», Бант.-Каменскаго, ч. I.

ратрицы, отпраздновавшей уже двадцати-пятилѣтній юбилей своего царствованія. Много перехоронила графиня и такихъ старцевъ, которые родились послѣ ея замужства.

Сама Екатерина Ивановна легла на смертный одръ почти девяноста лѣтъ отъ роду, сокрушалась, передъ кончиною, «*что не будетъ погребена подлѣ своего супруга*» ([1]), и, 20 мая 1791 г., переселилась въ лучшій міръ, оставивъ по себѣ въ этомъ славную, безукоризненную память.

Тѣло добродѣтельной графини погребено у праваго клироса Знаменской церкви Московскаго Спасо-Андроникова монастыря. «Со временемъ, говоритъ одинъ изъ описателей послѣдняго, эта могила обратится въ нѣкоторую святыню для супруговъ: къ ней будутъ приходить новобрачные мѣняться клятвами въ любви загробной» ([2]).

Московскіе бѣдняки потеряли въ графинѣ Головкиной первѣйшую благодѣтельницу и кормилицу, а русская исторія—пріобрѣла еще одну свѣтлую личность.

Миръ праху твоему, добродѣтельная женщина!

([1]) Указомъ 1771 года запрещено хоронить тѣла въ чертѣ города.
([2]) Спасо-Андронниковъ. Соч. Н. Иванчина-Писарева. 1842, стр. 39.

СОБРАНІЕ АНЕКДОТОВЪ
О КНЯЗѢ
Г. А. ПОТЕМКИНѢ-ТАВРИЧЕСКОМЪ,

съ біографическими свѣдѣніями о немъ и историческими примѣчаніями,

СОСТАВЛЕННЫМИ

С. Н. ШУБИНСКИМЪ.

Спб. 1867. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Анекдоты эти, собранные изъ разныхъ изданій, записокъ современниковъ и изустныхъ преданій, представляютъ достовѣрныя и любопытныя черты изъ жизни знаменитаго князя Таврическаго; они характеризуютъ не только самаго Потемкина, но и многихъ другихъ замѣчательныхъ людей Екатерининскаго вѣка, напр. княгиню Дашкову, князя Орлова, графа Чернышева, графа Румянцева-Задунайскаго, князя Суворова, графа Сегюра, принца де-Линя, Кречетникова, Попова, Головатаго, Кулибина, Неклюдова, Барсова, поэта Петрова и т. д. Анекдоты обильно снабжены историческими примѣчаніями, въ которыхъ между прочимъ, читатели найдутъ біографическія свѣдѣнія о всѣхъ безъ исключенія лицахъ, упоминаемыхъ въ книгѣ.

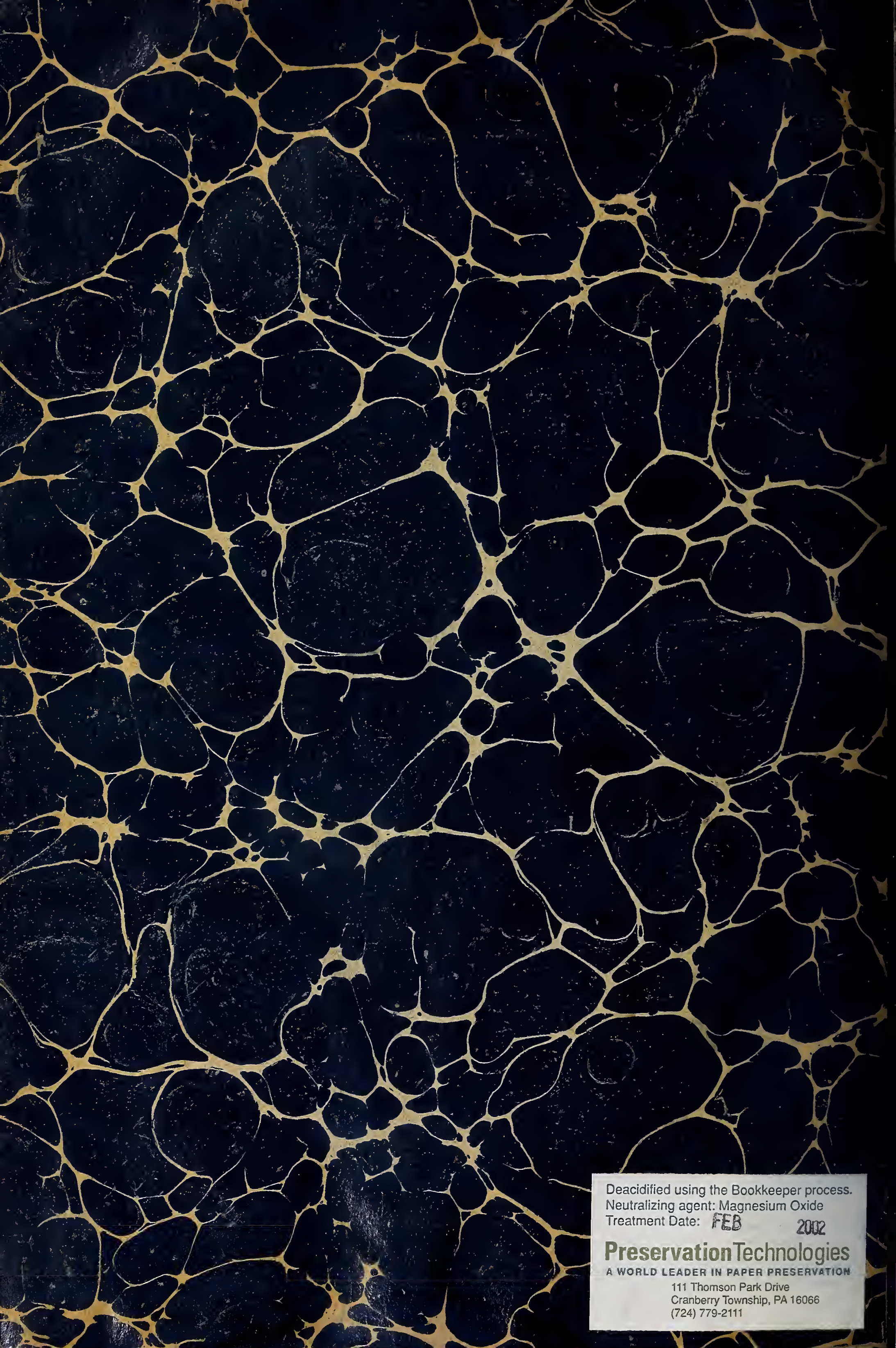
ЗАПИСКИ
ОХОТНИКА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.

Соч. А. ЧЕРКАСОВА.

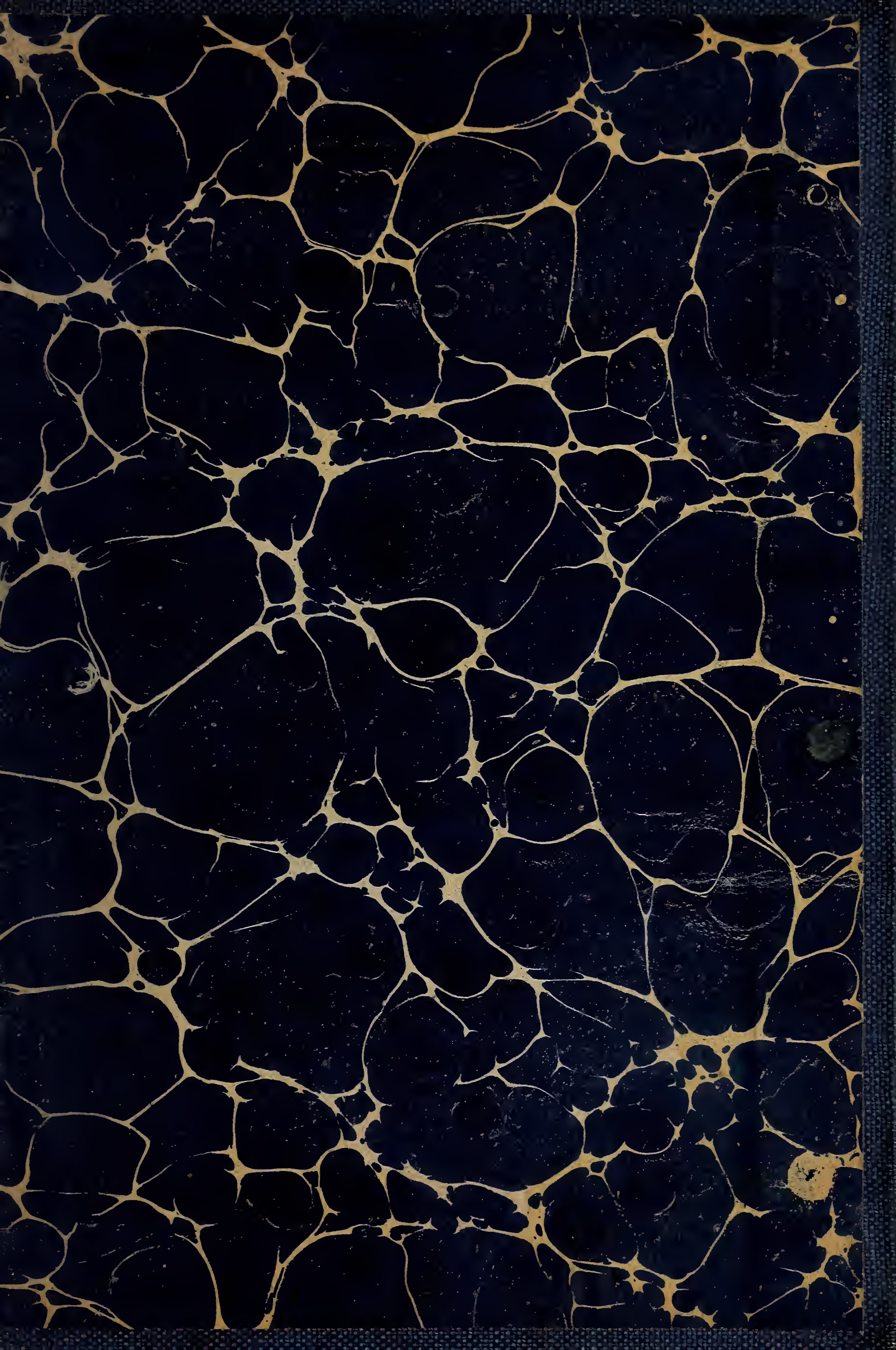
Большой томъ, около сорока печатныхъ листовъ въ 8-ю д. съ рисунками.

ЦѢНА 3 РУБ.

Сочиненіе это, плодъ многолѣтнихъ наблюденій автора, обнимаетъ всѣ роды звѣриныхъ промысловъ Восточной Сибири, въ связи съ природою страны и нравами звѣропромышленниковъ. По закрытіи журнала «Современникъ», въ которомъ предполагалось печатаніе большихъ извлеченій изъ этого сочиненія, издатель получилъ рукопись отъ Н. А. Некрасова, по указанію и при содѣйствіи котораго и предпринято настоящее изданіе.

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: FEB 2002
PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS
0 009 204 193 1